

М. С. ГРИГОРЬЕВ, А. В. ЛЯШКОВ

ОНИ НАС НЕ СЛЫШАТ

ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ ГЛУХИХ
И СЛАБОСЛЫШАЩИХ

М. С. Григорьев

А. В. Ляшков

Они нас не слышат

**(жизнь
российских глухих
и слабослышащих)**

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2017

ОБ АВТОРАХ

Максим Сергеевич Григорьев

Родился 18 августа 1975 года в Ленинграде. Учился в Ленинградском государственном университете, Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Дипломатической академии при Министерстве иностранных дел России.

Работал советником руководителя Росзарубежцентра при МИД РФ, первого заместителя генерального директора ФГУП «Рособоронэкспорт», ряда губернаторов.

Является автором более 150 научных и публицистических статей в федеральной прессе, а также книг: «Кондопога: что это было?», «Формы государственной поддержки машиностроительного комплекса: иностранный и советский опыт», «Финал новгородского Чикаго», «Незаконные мигранты в Москве», «Межэтническая интеграция в Эстонии», «Россия — 2020 глазами молодежи», «Противодействие террористической пропаганде» и других.

Член Общественной палаты РФ, кандидат политических наук. С 2007 года является директором Фонда исследования проблем демократии — негосударственной некоммерческой аналитической структуры.

Александр Владимирович Ляшков

Родился 25 мая 1958 года в городе Брянке Ворошиловградской области. Закончил английское отделение факультета иностранных языков Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, финансово-юридический факультет Московской финансово-юридической академии.

С 1984 по 1987 год выполнял интернациональный долг в рядах Советской армии. Работал учителем английского языка Кулиничевской средней школы Харьковского района, директором Кулиничевского учебно-производственного комбината, заместителем директора фирмы «Европейская Школа Корреспондентского Обучения».

С июня 2005 года по настоящее время возглавляет Книжный клуб «Клуб семейного досуга».

Предисловие

Дорогие читатели!

В последнее время мы нередко видим, как множество людей горячо откликается на беды своих ближних, помогает тем, кто оказался в трудных обстоятельствах из-за пожаров, наводнений, техногенных катастроф, терактов. Но и рядом с нами живут люди, которым всегда нужна помощь. Они оказались в особенном положении не по какой-то своей личной вине, а потому что в начале бытия нашего мира произошла катастрофа, по своим масштабам превосходящая все те трагические события, которые происходили, происходят и будут происходить во всем мире во все времена.

Эта катастрофа — грехопадение первых людей. То, что произошло в те далекие времена, коротко можно описать так. Дьявол внушил людям, что если они нарушат заповедь, данную им Богом, сотворившим их и поселившим в Райском саду, то сами станут как боги. Люди поверили дьяволу и нарушили установленный Творцом закон мироздания, и это привело к катастрофе, которая и стала причиной всех последующих бед и несчастий. Человеческая природа стала подверженной болезням и страданиям, мы все потеряли полноту радости, которую даровал нам Бог при сотворении.

В некоторых людях последствия этой катастрофы особенно заметны. Общество называет их инвалидами, людьми с ограниченными возможностями или особыми людьми. По данным ВОЗ, к ним относится 1/10 часть человечества. И поскольку они страдают по причине той изначальной катастрофы, результаты которой постигаем мы все, то так называемая «здоровая» часть человечества, должна им помогать, ведь всякого из нас может посетить такая беда.

Но особенные люди, в свою очередь, помогают нам, и едва ли не в большей степени, чем мы им. О том, как это происходит, сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «В инвалиде человек здоровый видит некие знаки ограниченности своей человеческой природы, он видит некий символ страдания, и сопричастность этому страданию, солидарность с человеком, который является носителем этой беды, с огромной силой воздействует на человеческую душу». Люди с ограничениями по здоровью помогают нам проявить лучшие качества нашей души, такие как милосердие, сострадание, любовь.

Среди людей с инвалидностью есть люди, у которых нет слуха или слух ограничен. На первый взгляд они ничем не отличаются от нас, и поэтому многие думают, что им не нужна какая-то особая помощь. На самом деле, очень нужна, потому что отсутствие слуха, невозможность воспринимать на слух речь очень влияет на формирование личности человека.

Помощь этим людям, общение с ними обогатит нас. Например, всем известно, что неслышащие люди общаются на особом языке, в котором для коммуникации используются жесты и мимика. Этот язык очень красив и выразителен. Сегодня в Русской Православной Церкви идет работа по созданию жестового литургического языка, а также по переводу на жестовый язык Библии, и эта работа показывает, что изучение языка жестов расширяет наши представления о мире, позволяет по-новому осмыслить известные и привычные понятия.

Справедливы слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, сказанные им в одном из интервью: «Принято считать, что люди здоровые должны оказывать помощь инвалидам, что мы нужны инвалидам. А я бы иначе посмотрел на вопрос — инвалиды нужны нам». Святейший Патриарх Кирилл ставит помощь людям с инвалидностью одним из приоритетных направлений деятельности. 25 сен-

тября 2016 г. в Международный день глухих в Москве в храме Всех святых в земле Российской просиявших в Новокосино, Святейший Патриарх впервые в истории совершил Божественную Литургию с сурдопереводом, на которой присутствовали свыше 600 представителей 47 православных общин глухих со всей страны, руководители и члены Всероссийского общества глухих. После богослужения Его Святейшество, обращаясь к руководителям общин глухих, сказал: «Ваше служение очень близко моему сердцу. Понимаю важность этого труда и призываю всех вас, призываю весь наш епископат обратить особое внимание на братьев и сестер, которые имеют ограничения по здоровью. Они члены нашей Церкви, и мы должны делать все от нас зависящее, чтобы им ничто не мешало чувствовать себя полноценными членами православной христианской общины. Пусть продолжаются те труды, которые сегодня начаты, и пусть Божия помощь сопутствует Преосвященным архипастырям, многочисленным отцам, которые трудятся на этом направлении духовной и пастырской деятельности».

Божий призыв делать добро звучит в каждом сердце. Следование Божию призыву приносит человеку радость, самую чистую, самую совершенную. Есть такие слова Христа: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20:35). Помощь людям — это радость, блаженство. Однажды вкусивший эту радость, обязательно будет снова ее искать — радость помочь другому.

И я надеюсь, что книга «Они нас не слышат» послужит приобщению к этой ни с чем несравнимой радости добра.

*Епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон,
викарий Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси, председатель Отдела по церковной
благотворительности и социальному служению
Русской Православной Церкви*

* * *

Причин, по которым можно рекомендовать книгу «Они нас не слышат» самому широкому кругу читателей, несколько.

Прежде всего, это значительный объем собранной разноплановой информации в сочетании с ее выверенной обработкой. Глухие и слабослышащие люди рассказывают о жизни во всей ее наполненности: об отношениях с близкими и любимыми, о детстве и взрослении, учебе, работе, досуге.

При этом в авторском подходе чувствуются эмпатия и искренний интерес к самим респондентам, их мнениям и чувствам. Однако это не «сборник историй». Наряду с воспоминаниями и впечатлениями представлены позиции профессионалов, чья деятельность непосредственно связана с проблематикой, — юристов, педагогов, социальных работников.

В результате, на мой взгляд, получилась книга и для сердца, и для ума. Неравнодушный человек сможет разделить весь спектр переживаний, которыми щедро поделились слабослышащие и глухие. Не меньшую ценность представляет и «рациональная» составляющая, и поэтому текст может быть полезен экспертам, представителям органов власти и сферы социальной защиты.

*Председатель
Комитета Государственной Думы
по труду, социальной политике
и делам ветеранов Я. Е. Нилов*

* * *

Авторами этой уникальной книги проведено впечатляющее количество встреч с глухими и слабослышащими. Их мнения затрагивают целый спектр различных тем, и в результате возникает впечатляющее многоголосие. Вырисовывается собирательный портрет сообщества глухих, которые делятся своими проблемами, переживаниями, радостями и печалью, мечтами и размышлениями.

В этой книге глухие и слабослышащие дают оценку миру, окружению, не всегда дружелюбному к ним. К сожалению, они постоянно сталкиваются с различными препятствиями. Неслышащие вынуждены бороться за право учиться в том или ином учебном заведении, доказывать свою состоятельность как специалистов. Но тем не менее в этих условиях люди с нарушениями слуха выстраивают свои жизненные пути: получают образование, профессию, устраиваются на работу, создают семью, воспитывают детей.

Казалось бы, они почти ничем не отличаются от нормально слышащих людей. Разница только в том, что они не имеют слуха, их коммуникация с миром затруднена, оттого и их жизнь требует больших усилий.

Глухие учатся, как правило, в специальных школах, общаются со своими — на жестовом языке, любят посещать мероприятия в своих клубах, смотреть спектакли и концерты в Театре мимики и жеста. Проводятся даже отдельные спортивные соревнования, включая Сурдлимпийские игры — аналог Олимпийских игр. Эта специфика обуславливает существование сообщества глухих со своей субкультурой. Это не означает отгораживания от остальных, мы открыты миру, наде-

емя получить интересные специальности, быть полезными своей стране, быть в курсе ее радостей и бед.

Лицам с нарушениями слуха помогают не только слуховые аппараты, переводчики жестового языка, более комфортной жизнь делают и новые технологии — Интернет, смартфоны, сигнализаторы звуковых сигналов, бегущая строка в общественном транспорте, субтитры на телевидении.

Всероссийское общество глухих (ВОГ) расширяет социальное партнерство с органами государственной власти. И зримыми результатами стали увеличение количества телепередач с субтитрами, решение вопросов подготовки переводчиков жестового языка, появление центров переводческих услуг. Радует, что недавно в госпрограмме «Доступная среда» появился отдельный раздел, касающийся доступа инвалидов к образованию на всех уровнях.

Очень приятно, что многие глухие, выступающие в книге, отмечают помощь им со стороны ВОГ. Они говорят об изменениях, которые преобразуют их жизнь. Но далеко не все проблемы решены. ВОГ решительно выступает против закрытия специальных школ, остро стоит проблема трудоустройства — читатель книги поймет, что ее корни, прежде всего, в стереотипах работодателей и массовых предрассудках.

Мы надеемся, что благодаря этой книге кто-то посмотрит на глухих и слабослышащих другими глазами. Уверен, что она будет полезна общественным деятелям, политикам, специалистам министерств, социальным работникам, студентам социальных, педагогических университетов и всем неравнодушным людям.

*Валерий Рухледев,
Президент Общероссийской
общественной организации инвалидов
«Всероссийское общество глухих» (ВОГ)*

Введение

Согласно данным Всемирной федерации глухих, в мире более 90 миллионов человек имеют серьезные нарушения слуха¹, это более 1% населения земного шара. У нас в России таких людей — сотни тысяч. Часть из них — это люди с врожденными дефектами слуха или потерявшие его полностью либо в значительной степени в раннем возрасте. К ним необходимо прибавить значительное количество тех, кто потерял слух в результате травм, болезней, катастроф, профессиональной деятельности, ухудшения здоровья и т. д.

В нашей книге мы затронем большинство аспектов жизни глухих и слабослышащих² людей на каждом из этапов их взросления и жизни. Мы расскажем о дошкольном и школьном детстве, обучении в вузе или в среднем профессиональном заведении, проблемах при трудоустройстве и на работе, о личной и общественной жизни, о досуге и бытовых проблемах.

Нет сомнения в том, что в жизни человека слух, наряду со зрением, является одним из важнейших каналов получения информации — при общении ребенка с родителями, формировании картины мира, при передвижении на улице, во время учебы, на работе, в личных отношениях. Лишение этой способности делает жизнь глухого человека существенно сложнее. Более 200 тысяч глухих и слабослышащих официально являются носителями жестового языка, обучались или обучаются в специальных школах для глухих и слабослышащих. Но дело не только в технических сложностях общения с окружающим миром. Проявляя упорство, люди с нарушениями слуха стараются полу-

чить полноценное образование в специальных школах, учатся читать по губам, говорить, поступают в вузы, работают по специальности.

Основная проблема, о которой говорит практически каждый из них, связана с взаимодействием с окружающим миром. Нередко, если не сказать как правило, окружающие не знают, как с ними общаться, опасаются и как минимум отказываются от любого — рабочего, личного или даже случайного общения, а зачастую проявляют себя в агрессивно-негативной манере. К сожалению, в обществе глубоко распространен не имеющей отношения к реальности стереотип, который приравнивает глухих людей к умственно отсталым, предполагающий у них неадекватное или даже криминальное поведение.

Один из более 160 глухих и слабослышащих, чьи интервью³ стали основой для этой книги, сказал о мире слышащих: «Они нас не слышат, не понимают». Именно это незнание и непонимание со стороны общества питает те негативные стереотипы, от которых так страдают глухие и слабослышащие, порождает взаимное неприятие и агрессию, лишает сотни тысяч людей полноценной жизни, а общество — специалистов и полноценных граждан.

Научить сотни тысяч глухих и слабослышащих людей и российское гражданское общество понимать и слышать друг друга — такова цель настоящей книги.

*М. С. Григорьев,
директор Фонда исследования
проблем демократии,*

*А. В. Ляшков,
руководитель Книжного клуба
«Клуб семейного досуга»*

ПЯТЬ ИСТОРИЙ ЖИЗНИ ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ

Эдуард

Эдуарду двадцать три года. У него слышащие родители. Отец покинул семью, когда Эдуард был маленький. Эдуард воспитывался в коррекционном детском саду. В детстве он мечтал о том, чтобы заниматься строительством, хотел пойти по стопам отца и стать директором строительной компании. В его окружении есть слышащие и глухие друзья. Эдуард с детства носит слуховой аппарат. После окончания специальной коррекционной школы очень хотел учиться дальше. Окончив десять классов, он решил поступать в колледж. Отучился четыре года на факультете рекламы колледжа № 14. В процессе обучения в колледже возникали трудности, не успевал конспектировать, но он все же брал дополнительные задания. На данный момент Эдуард работает кинооператором. Отмечает, что устроиться на работу сложно, потому что начальники не умеют общаться с глухими людьми и не хотят брать на себя ответственность. Также последние два года Эдуард служит в церкви. Он читает проповеди и наставляет людей на путь истины. Эдуард не женат, но относительно выбора

партнера говорит, что это может быть как слышащая, так и глухая девушка. По его мнению, каждой стране присущи какие-то идеалы, но в России жить хорошо. У него не бывает свободного времени, потому что много работы, в которую он погружается. Как правило, он снимает свадьбы, монтирует и т. д. Он отмечает, что для инвалидов по слуху, благодаря появлению субтитров, многие проблемы доступа к информации решаются. Однако желательно наличие мониторов, электронных гидов, субтитров в музеях. Если рассматривать пенсию как государственное вложение, то она Эдуарда устраивает. Эдуард — оптимист и считает, что люди должны верить в лучшее, т. к. легко не бывает, но Бог дал нам мудрость. Он также утверждает, что государство продолжит поддерживать людей с нарушениями слуха, особенно выделяя мэра Москвы, который, как говорит Эдуард, хорошо заботится о них. По мнению Эдуарда, необходимо построить церковь для глухих людей, иначе люди выбирают не тот путь. Эдуард отмечает ситуацию на Украине. Его комментарии сводятся к тому, что Бог объединяет людей, которые должны прийти к покаянию. Нам необходимо жить с оптимизмом.

Валерий

Журналисту Валерию 70 лет. Всю его жизнь он дружит и общается в основном со слышащими людьми. Слух он потерял в детстве. Валерий не ходил в детский сад, т. к. находился в санатории. Затем обучался в специализированной школе. С детства он понимал, что не сможет быть машинистом, хотя очень восхищался паровозами. От отца

Валерий унаследовал любовь к морю, кораблям, и он до сих пор строит модели кораблей. Его хобби — корабли. Когда-то он работал на Балтийском судостроительном заводе. Существовали УПП (учебно-производственные предприятия) Общества глухих, на одном из них он проучился полгода, получил специальность токаря, и его направили на завод. На заводе Валерий проработал токарем семь лет, и это были лучшие годы в его жизни. Затем он устроился работать в редакцию журнала ВОГ. Валерий рассказывает, что всю жизнь он стесняется глухоты. Даже сейчас, выходя на улицу, он снимает аппарат, чтобы общество не видело, что он глухой. Ему стыдно, что он этого стесняется, но это происходит потому, что общество неправильно воспринимает глухих. По рассказам Валерия, сейчас они вместе с женой занимаются проблемами слепоглухих людей с так называемым синдромом Ушера, когда глухой человек со временем теряет зрение. Как говорит Валерий, у них довольно большая группа слепоглухих в Москве. Он участвует в различных семинарах и помогает, потому что проблемы слепоглухих ему понятны. Валерий утверждает, что общество принимает глухих за умственно отсталых людей. Он рассказывает, что при царе глухих приравнивали к умалишенным людям. Сейчас Департамент образования занимается слиянием школ глухих со школами для умственно отсталых детей. Это неправильно. У общества негативное отношение, и от этого мы никогда не избавимся. Ведь даже в русском фольклоре слово «глухой» приравнивается к понятиям «глухой угол», «глухая ночь», «глухое место» — все отрицательное, таящее в себе угрозу. Именно этот

негатив по-прежнему витает в общественной атмосфере. Как и любой другой человек, глухой, если его не учить, если с ним не общаться жестами, с помощью слухового аппарата, по губам, не будет развиваться. Валерий утверждает, что Общество глухих очень помогает людям. Валерий говорит, что к государству нужно правильно подходить и правильно формулировать проблему. Государство — не жестокое, считает Валерий. Русский народ милосердный. Это очень сильная основа народа. И государство тоже доброе, но бедное, к сожалению, однако оно старается помочь. Подняли проблему жестового языка — вот вам жестовый язык, сколько хотите. Валерий и сегодня вместе с женой продолжает работать, решая проблемы глухих и слепых людей.

Анна

Анне 17 лет. Она живет с глухими родителями. В семье они общаются на жестовом языке. У нее много слышащих родственников. Аня ходила в специальный детский садик для глухих. Она говорит, что многие детки плачут и не хотят ходить в детский сад, потому что там нет жестового языка. Ей повезло, в ее саду воспитатели знали жестовый язык. Училась Аня в специализированной школе № 30. Сначала она училась в другой школе, но ее перевели, т. к. ездить приходилось далеко. Когда она попала во вторую школу, то столкнулась с множеством проблем. Учителя не пользовались жестовым языком. Ее первая школа была только для глухих детей. Там ей было лучше. Сейчас она учится в школе для слабослышащих и поздно-

оглохших, поэтому тут учителя не знают жестов. Но Аня со временем привыкла. Она хочет стать юристом. Она понимает, что у нее возникнут проблемы при поступлении, но готова пойти в сложный вуз. Она отдает себе отчет в том, что станет учиться одна среди слышащих и ей будет очень трудно без переводчика. Кроме учебы, Аня активно занимается спортом, участвует в соревнованиях среди слышащих детей, занимается легкой атлетикой. На соревнованиях их вызывают по номерам. Аня дожидается своего номера, выступает и сразу уходит, чтобы не общаться со слышащими участниками. В дальнейшем Аня планирует поступить на юридический факультет. Единственная проблема для нее заключается в том, чтобы получить возможность пользоваться переводческими услугами во время обучения. К тому же она сможет обращаться за дополнительной информацией в Интернет. Поэтому Аня не считает, что учиться будет очень сложно. У Ани есть хобби — фотографировать. Каждое лето она отдыхает в лагере для глухих подростков. Ане страшно думать о предстоящих экзаменах, потому что там ее ожидает диктант. Если вдруг она не поступит, то пойдет за помощью в ВОГ. Они сумеют ей помочь, считает Аня. Она уверена, что все будет хорошо. В будущем в детских садах и школах учителя овладеют жестовым языком. Она уверена в хорошем будущем и не планирует уезжать из России.

Виктор

Виктору 52 года. У него были слышащие родители, которые очень любили его и определили

в коррекционный детский сад для глухих. Затем он пошел учиться в специализированную школу для глухих детей. Ему приходилось очень долго ездить до нее в другой район. В детстве у Виктора была мечта стать пожарным, но позже он понял, что это нереально. Он очень любил физкультуру, посещал все спортивные кружки в школе. Он с друзьями обратился в Департамент образования и добился того, чтобы в физкультурном институте открыли отделение для глухих учеников. Так он поступил, а потом окончил Физкультурный институт. Хотя помнит, что все преподаватели были слышащие и было много сложностей из-за конспектирования. По окончании вуза он быстро устроился на работу в школу-интернат. Он работает воспитателем в коррекционной школе. У Виктора есть хобби — он занимается стрельбой и участвует в соревнованиях. Выходные дни он предпочитает проводить с внуками. Он водит машину и вместе с внуками выезжает за город. В будние дни Виктор работает до семи вечера в школе. Виктор считает, что глухим не хватает культурно-информационного центра или центра социального обслуживания, который был бы открыт для них 2–3 дня в неделю. Виктор пользуется услугами переводчика и отмечает, что их особенно не хватает в школах. Он много путешествовал и заметил, что за границей жизнь лучше. Там общество знает о том, кто такой глухой человек. В школах есть сурдопереводчики, телепередачи сопровождаются субтитрами, везде есть бегущая строка. К сожалению, говорит Виктор, этого недостаточно. Однако он говорит, что из России никогда не уедет.

Михаил

Михаилу 35 лет. На данный момент Михаил временно без работы. У него слышащие родители. Как рассказали ему родители, будучи очень маленьким, Миша заболел и поэтому потерял слух. В детстве его мама водила Мишу по разным учреждениям, к специалистам, врачам. Михаил вспоминает, что мама водила его даже к шаманам. Однако ничто не помогало. Его определили в ясли со слабослышащими детьми. О детском саде у Михаила остались только хорошие воспоминания. Потом он пошел в специальную московскую школу для глухих детей. В школе он не любил математические предметы. Он вспоминает, что в детском саду хотел быть космонавтом. Когда подрос, в школьные годы мечтал о том, чтобы быть ближе к машинам, заниматься их ремонтом. В школе случались разные ситуации. Некоторые учителя занимались рукоприкладством. Он помнит, например, что учителя могли ударить ребенка головой о стол или шваброй. Но были и те, кто относился к ним с любовью, как к своим собственным детям. Михаил отмечает, что у него маленькие дети, которые ходят в детский сад. Потом их надо отдать в школу. Но в какую?! Ситуация в школах сейчас не радует. Мало что меняется в лучшую сторону. В 52-й школе, отмечает Михаил, так ничего и не изменилось. После школы Михаил пять лет отучился в Московском техникуме электроники и автоматизации. Однако работал не по специальности. В жизни он работал в торговле и даже был начальником, также работал грузчиком, его назначали на место управляющего. В техникуме было непривычно и интересно. Так

получилось, что в школе он привык к отсутствию дисциплины. В техникуме же за нарушения заставляли отжиматься. Если студент опаздывал, то его заставляли мыть класс. Некоторые учителя были бывшими военными. Иногда на уроках студенты могли переговариваться друг с другом на жестовом языке. Преподаватели били по столу, по стенам кулаками, чтобы через вибрацию привлечь внимание к себе. Также была серьезная проблема с переводчиками. Слабослышащие студенты вставали к доске и пытались переводить. Михаил рассказывает, что всю жизнь он находится в поиске дела, в котором сможет себя реализовать. Он считает, что необходимо проводить какую-либо беседу с будущими студентами и помогать им в определении своего призвания. Это повысит уровень мотивации и грамотности среди молодежи. Однако Михаил утверждает, что система образования в России лучше, чем в других странах для глухих людей. В России сложнее учиться, дают больше знаний, но за границей обращают внимание на талант в каких-либо областях. Этот талант выявляют, развивают и сберегают, считает Михаил. В России пока этого нет. Михаил утверждает, что при такой политике, которую сейчас ведет В. В. Путин, будущее России выглядит оптимистично.

ДОШКОЛЬНОЕ ДЕТСТВО ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ

Появление на свет глухого ребенка

Нет сомнения, что отношение родителей к появлению ребенка с нарушением слуха во многом определяет их дальнейшую жизнь. По воспоминаниям глухих и слабослышащих, спектр реакции их родителей на нарушение слуха у своих детей носит достаточно широкий характер. Приведем наиболее показательные воспоминания глухих и слабослышащих.

Раиса, кассир, рассказывает: *«Моя мать вообще говорила: “Зачем я тебя родила”? Эта боль до сих пор осталась. И помощи никакой от родителей не было, и всего самой приходилось добиваться. А с сестрой и братьями я не общаюсь».*

Нина, пенсионер, вспоминает: *«Родители очень переживали. Они хотели, конечно, чтобы был слышащий ребенок. “Бедняжка, бедняжка, ну как ты будешь жить, тебе будет трудно, родители глухие, ну чем мы тебе поможем?” Если родители слышащие, а ребенок глухой, то они помогли бы всегда — и с работой, и с учебой, а глухим ро-*

дителям очень проблематично, поэтому они переживали за дальнейшую жизнь, что меня ожидала. Бабушка не растерялась, она меня заставляла учиться и говорить вслух, учила, чтобы сама добивалась всего, а главное, получила образование, говорила, что у меня будут интересные перспективы; всю информацию я получала от бабушки, а от отца, родителей — нет. И сейчас могу сказать, что моя жизнь сложилась хорошо».

Галина, уборщица, вспоминает: «Сначала родители ничего такого не замечали, я росла в любви, в тепле. Однажды мы смотрели кино. Мне так хотелось знать, что там говорят. А родители... ну, я просила родителей: “Мама, папа, что там говорят?”, а они мне отвечали: “Отстань”. Тут я так: “Что ты меня такую родила, мама?”. А после этого родители очень переживали. Да, был такой момент. Я требовала внимания все-таки родительского. Не хватало информации. Просила ее у родителей, но они оттолкнули. Вот такой был момент. После этого поделилась впечатлениями с ними... Наладили отношения. До сих пор я вспоминаю родителей с теплотой».

Виктор, воспитатель коррекционной школы: «Мама переживала, конечно, что я не слышу. Растерялась, не знала, где что находится, в какую организацию идти. Как я буду жить, как сложится моя жизнь, отныне связанная с миром глухих? Постепенно все сложилось очень хорошо».

Людмила, художественный руководитель, вспоминает: «Родители очень переживали. Меня

отправили раз к врачу, он сказал, что ребенок смысленный, нормальный, только слуха нет. Надо заниматься с ребенком, учить говорить. Я ходила к лору, к логопеду, меня учили, как правильно говорить, при помощи инструментов. Я научилась немного разговаривать».

Галина, сотрудник организации ВОГ, рассказывает: *«Когда узнали, что я глухая, горе было большое. Мама долго не знала, из-за чего я заболела. Мама была лучшим донором в Якутии, была здоровая, и вдруг — я глухая. Судьба. Когда мама меня и брата повезла в Москву проверять слух, там тетя Шура сказала: “Оставь девочку, она хорошая, смысленная, буду учить ее говорить”. И мама согласилась и оставила. Была просторная квартира у тети, трехкомнатная. Все члены семьи согласились, чтобы меня взять. Я начала называть тетю Шуру мамой. Хвалилась, что у меня две мамы, — там и здесь. А потом поняла, что это тетя».*

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста, вспоминает, что *«...мама и бабушка особенно переживали. Я же родился слышащим. В четыре года был сильный пожар, я надышался дыма и потерял сознание. Три дня в коме лежал. Врачи говорили, что не знают, каким я проснусь: парализованным, без слуха и зрения или вообще не проснусь. Я проснулся и не слышу, что мне говорят, слышу только шепот. И бабушка сразу все поняла. Мама в пять лет заболела корью и потеряла слух. Бабушка пыталась ее вылечить, но у нее не получилось. Точно так же бабушка и меня начала лечить, и у меня слух немного восстановился».*

Елена, воспитатель, говорит: *«Мама, конечно, в первую очередь испугалась. Один или три годика мне было, не помню. А так — я была сначала слышащей, нормальным ребенком. Заболела, потеряла слух».*

Никита, тренер, отмечает: *«Мама и папа были рады, что я есть у них, что я их ребенок. Когда я потерял слух, родители очень сильно переживали. Пошли в сурдоцентр, там сказали, что мне можно с аппаратом ходить. Мама переживала, ведь многие оглохшие ребята снимают аппарат, а когда бабушка накопила на аппарат (мама и папа не работали тогда, учились в институте, бабушка же работала с утра до вечера), который на груди висит, то мама переживала, как я буду ходить с этим аппаратом. А мне понравилось, не было неприятного чувства, воспринимал аппарат как часть себя. Поэтому мама учила меня говорить. Я говорил лучше, но среди слышащих я как иностранный турист, который сюда приехал. Говорят, что у меня немецкий диалект».*

Наталья, главный редактор журнала, рассказывает, что оглохла, когда ей было только шесть лет. *«Но могу сказать одно: меня воспитывали всегда как здорового ребенка, не делая скидок ни на мой слух, ни на мое зрение. Окружение мое было в детстве — слышащие дети из нашего двора. Мой отец в основном занимался моим воспитанием. Он делал все, чтобы я себя не чувствовала ущемленной. Я каталась на коньках, он меня научил кататься на велосипеде, и я на велосипеде гоняла по дачному поселку, меня водили в театры,*

кино. Это было мое детство и юность: кино, театры, выставки. Как нормального ребенка меня растили».

Ирина, учитель математики, вспоминает: «Мама меня не стеснялась, она говорила, что “есть другие, у которых положение хуже, чем у тебя, скажи, что ты не слышишь, все будет нормально”. Но ко мне пришло не скоро понимание».

Наталья, преподаватель, о своих родителях рассказывает: «Папа не реагировал, гордился, что я тоже так говорю — пусть машут руками, не важно. Гордился, всегда ходил с высоко поднятой головой. А мама наоборот: не говори руками, опусти руки. Считала, что говорить руками — это стыдно, все смотрят».

Елена Митрофанова, педагог дополнительного образования в школе для слабослышащих детей, рассказывает, что когда она оглохла, «...родители сначала не поверили. Воспитатели стали говорить родителям, что девочка не слышит, обратите внимание, а они назвали воспитателей ненормальными. Потом, когда они начали замечать, что я не слышу, стали меня водить по всем врачам, уже врачи говорили, что родители ненормальные. Переживали. А позже, когда поступила в интернат, мама-папа ревели, не хотели меня отдавать туда».

Надежда, председатель районного отделения ВОГ, вспоминает, что когда родители узнали о ее глухоте, они «...нормально отнеслись. Мама

очень меня любила, все старалась сделать, чтобы я пыталась разговаривать. Мы не знали жестового языка, а пытались понимать друг друга по губам. И я до сих пор, благодаря маме, понимаю речь по губам. А сама говорить не могу».

Опрошенные и эксперты отмечают, что многое в отношении к детям зависит от того, в какой семье рождается неслышащий ребенок. Если такой ребенок родился в семье родителей с нарушениями слуха, то они сравнительно нормально воспринимают ситуацию. По крайней мере, для них эта проблема знакома.

Например, **Людмила, пенсионер**, вспоминает, что когда родители узнали о ее глухоте, они не паниковали: *«...это было уже нам знакомо. У мамы были неслышащие родственники и у папы была сестра и брат, тоже неслышащие. Поэтому мы в семье были привыкшие к жестовой речи».*

Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей, на собственном примере объясняет: *«Когда я родилась слабослышащей, особых переживаний у родителей не было, потому что они глухие, они, в принципе, готовы были к тому, что я могу быть с нарушениями слуха».*

Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей: *«Глухие родители спокойно воспринимают, если их дети не слышат, потому что они знают, что это такое. А слышащие родители пытаются вылечить ребенка от глухоты, бегают по врачам, но глухо-*

та, как известно, неизлечима. Через некоторое время они начинают понимать, что это бесполезно, но бесценное время для полноценного развития ребенка уже упущено. Детей нужно воспитывать и обучать с первых месяцев жизни, ребенка с нарушением слуха — особенно! Педагоги вместе с психологами утверждают, что первые три года жизни человека самые важные для развития его высших психических функций. А глухой ребенок у слышащих родителей фактически изолирован от общества, родители не знают, как с ним общаться, в большинстве случаев настаивают на том, чтобы ребенка обучили говорить. Никакого жестового языка! В результате — отставание в развитии ребенка, лишенного нормального общения в самый важный период жизни. Чуть ли не случай Маугли. Поэтому часто говорят, что глухота — самый тяжелый вид нарушения. Это далеко не так».

В обратном случае одной из типовых ошибок родителей является то, что в первые годы жизни ребенка они начинают «бегать по врачам» и пытаются вылечить то, что, как говорят эксперты, не лечится.

Например, **Ольга, председатель местного отделения ВОГ**, вспоминает, что родители «...очень переживали, возили к лучшим врачам столицы. Один врач сказал, чтобы не тратили деньги на поездки, а отдали меня в хороший детский сад, к хорошим педагогам, и все будет хорошо. Никакие операции мне все равно не помогут».

Изабель, обучается на дефектолога, рассказывает: *«Мама и папа мне рассказывали, как они узнали, что я оглохла, — в три года. Мне делали уколы, и я оглохла. А родители не знали. Год, два прошло. И как узнали? Я с мамой шла по дороге, и мама меня позвала: “Белла” — меня так звали в детстве. А я просто шла. Мама, когда меня поймала, сразу же отвела к врачу. Стали разбираться. Пытались общаться. И врач сказала, что дочь глухая. Мама не поверила. Врач похлопала в ладоши. И тут мама действительно убедилась, что ребенок глухой. Она очень расстроилась, плакала. Пытались что-то восстановить. Старались сильных врачей найти, чтоб мне помогли. Я ходила с аппаратом. А отец сильно расстроился, поэтому отношения как-то с детства не сложились. А мать, наоборот, пыталась как-то сделать, чтобы у меня развивалась речь. И до сих пор у меня все нормально с речью. И сейчас с мамой хорошие отношения. Никакого недовольства она не проявляла. “Ну и что”, — говорит, даже когда я делаю свои дела, хожу на мероприятия. Мама говорит: это твоя жизнь, делай, как тебе нравится».*

Елена, швея, рассказывает: *«Мама, папа не думали, что я не слышу, они просто думали, что у меня плохо развита речь. Папа обнаружил, что я не слышу: “Она не слышит, смотри, я с ней играю в одной комнате, а она не реагирует». Тогда мама отвела меня к профессору, он проверял слух, мама повернулась на звонок, и я повернулась. “Видите, девочка умная, хитрая — за вами поворачивается”, — сказал он».*

Валерий, журналист, рассуждает: «Допустим, родился ребенок. Родители узнали, что он глухой, что он не слышит. Таких случаев тысячи могут быть, это и побочное действие лекарства, и во время беременности что-то нарушено было, или наследственность сказывается. Он глухой, что делать? Когда я работал в журнале, то мы постоянно вели рубрику “Помощь молодым родителям”. Что им делать, куда им обращаться? И мы советовали в первую очередь ребенка учить говорить. Учиться общаться с ним, как можно больше общаться с ним. Иногда с помощью ручной азбуки, но главное — учить, чтобы он не сидел дома. Чтобы с ним работали специалисты. У нас был опыт с педагогом, она проповедовала такой метод, когда родители посвящают свою жизнь ребенку. Мама или папа бросают работу, и все время с ребенком, по определенной методике учат его говорить. Успехов очень много в этой области, но это жертва, не все родители на эту жертву способны. Нужны специальный детский сад, специальная школа».

Эксперты отмечают, что слышащие родители достаточно часто допускают ошибку, стараясь определять детей в обычные школы в надежде, что их дети обучатся речи. По мнению экспертов, наилучшим образом неслышащие дети развиваются в том случае, когда с ними занимаются специально, в том числе учат жестовому языку и другим специальным средствам общения. Особым образом необходимо поступать и в том случае, если нарушение слуха не является врожденным. В связи с этим особенно важно увеличение информиро-

ванности гражданского общества в сфере проблем глухих и слабослышащих.

Взаимоотношения с родителями

Нельзя переоценить важность отношений с родителями для становления ребенка. В случае глухого ребенка их особенности в значительной степени определяют его последующий путь. Существенные различия возникают в том случае, если глухой ребенок появляется в такой же семье или в семье полноценно слышащих. Например, с одной стороны, глухие родители значительно лучше подготовлены к общению и воспитанию с такими детьми. С другой стороны, детям в таких семьях менее свойственна мотивация к общению с миром полноценно слышащих.

Большая часть глухих говорит о том, что их отношения с родителями были хорошими. Несмотря на многочисленные трудности, связанные с заболеванием, многие из родителей не жалели любви и сил для того, чтобы воспитать своего ребенка культурным и образованным человеком. Другая часть глухих и слабослышащих вспоминает связанное с их глухотой негативное отношение к ним со стороны родителей и родственников, а третьи говорят о проблемах во взаимоотношениях с другими родственниками. Есть случаи, когда некоторые из родителей отказывались от своих детей, отправляли их к родственникам, или родственники сами их забирали. Приведем собственные мнения глухих и слабослышащих.

Например, **Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста**, рассказывает: *«Мои родители были глухими. Моя мама ушла в мир иной, когда мне было 15. В детстве она всегда заботилась обо мне и беспокоилась за меня. Мама была неграмотной, потому что не могла учиться. Ей было семь лет, когда началась война. Когда она вышла замуж и родила меня, она всегда мне говорила: “Роберт, учись, чтобы не быть таким, как я”».*

Ирина, социальный работник (позднооглошшая — родилась слышащей в семье слышащих), делает акцент на том, что *«...до потери слуха все было нормально, после потери казалось, что меня больше не принимают как члена семьи».*

Виктория, учитель физкультуры, рассказывает: *«Отец нас бросил, маленьких глухих. Он был еще молодой. Для мамы это было ударом, она не могла смириться с мыслью, что дети не слышат. Кричала, говорила, а мы не слышим. Хорошо, что бабушка взялась за нас. Она педагог, очень много лет проработала в массовой школе учителем русской литературы. Она учила нас говорить, занималась с нами, приучила к чтению, мы писали диктанты. Она все время проводила с нами, помогала, переводила».*

Елена Митрофанова, педагог дополнительного образования в школе для слабослышащих детей, об отношениях со своими слышащими родителями говорит: *«Отношения с родителями замечательные, они меня очень-очень любили, мама меня водила в театр, она сама работала*

в театре. Папа-начальник хотел, чтобы я хорошо развивалась. В общем, все, что они в меня вкладывали, это все потом окупилось. Отличные были отношения».

Нина, член Всероссийского общества глухих (ВОГ), рассказывает: *«Родители были глухие, но с родителями отличное было общение, все хорошо было. У меня дядя работал в министерстве, а его дети со мной не дружили, потому что считали, что с глухими не стоит... Он в автомобильном министерстве каком-то работал... Дядя, мамин брат, его дети не хотели общаться с глухими своими двоюродными сестрами, а бабушка очень переживала, почему те не хотели дружить. На протяжении всей моей жизни не было общения с ними. Ну я считаю, что им не нужна была. Я выросла, общалась на жестовом языке, даже была самой сильной в классе. Даже первоклассники мои спрашивали о новых жестах, потому что у многих детей были слышащие родители, которые не знали жестового языка, и в послевоенное время не было переводчиков жестового языка, специальных педагогов. Я их учила жестовому языку».*

Марина, домохозяйка, говорит: *«Все мои родственники — слышащие. У нас были очень близкие отношения. Мама мне всегда объясняла предметы, учила меня. Ко мне не было недостойного отношения из-за того, что я глухая. Родители ко мне относились внимательно и хорошо. Тяжело было, конечно. Но у глухих немножко менталитет другой, чем у слышащих. И мама начала “изучать” меня и старалась понимать. Она*

понимала, что нужно большее терпение. Нужно больше объяснять какие-то жизненные ситуации. У меня старший сын — глухой, поэтому я представляю, какое было отношение слышащей матери к глухому ребенку. Моя мама никогда ранее не встречалась с глухими, поэтому со мной ей было трудно, она не знала, как со мной общаться. Мне же немного легче, так как я знаю мир глухих. Я с детьми общаюсь совершенно спокойно. Это совершенно не так, как маме приходилось общаться со мной».

Виолетта, учитель математики, рассказывает: «Родители были слышащими, а отношения с ними — хорошими, они хорошо относились ко мне и моим друзьям. Все знают, что у меня хорошие родители, так и говорят, что у меня золотые родители и я золотой ребенок. Моя тетя работает педагогом в университете, профессором. Можно сказать, что у меня полная семья. Мама работала учителем французского и немецкого языка. Когда она узнала, что я потеряла слух, мама водила меня к докторам, переживала большой стресс. Наша соседка работала в школе для глухих, она рекомендовала маме работать учителем русского языка, помогая детям развивать речь. Она бросила любимую работу ради меня и устроилась в школу для глухих».

Сергей, инженер: «Низкий поклон моим родителям, они меня устроили в хорошую школу, специальную школу, и меня хорошо учили, чтобы я понимал речь, спасибо им, я пошел самостоятельно в дальнейшую жизнь, спасибо им большое».

Сергей, зубной техник, вспоминает: *«Мама много помогала, папа — инвалид. С работы мама часто отпрашивалась, в школу меня водила. В понедельник водила в школу, в пятницу забирала из школы. Папа — нет, только мама мной занималась. Отношения были теплые, хорошие; и по сей день у нас хорошие отношения. Маме 94 года».*

У Андрея, сварщика по профессии, родители были слышащие. Он рассказывает, что *«...их отношения были очень хорошие. Они всегда переводили мне, что говорят люди, потому что я не слышу. И бабушка с родителями ездили в Москву в детский сад и научили меня говорить».*

Галина, сотрудник организации ВОГ, рассказывает, что *«...ее родители были слышащими, брат-двойняшка — слышащий. Когда мама была на шестом месяце, мы заболели корью, брат выдержал, а я оглохла». Она вспоминает о том, как жила в другой семье, с тетей. «Тетя Шура, бабушка старенькая — все слышащие. Я одна глухая. Они меня взяли двухлетней. Она учила меня говорить. Только она, когда приезжала, умела дактилем говорить со мной. Я была с характером, никого не слушала. Она меня брала на колени и говорила — смотри на меня, я сейчас буду говорить. Она жестового языка не знала. Она старалась спокойно со мной разговаривать: “Галя, нельзя так делать, ты обижаешь бабушку”. Она меня учила читать. Первая книга у меня была “Филиппок”. Меня учила пересказывать. Я читала, думала и пересказывала. Понимала смысл. А в другой семье, где мама, все по-другому. Меня баловали, но со мной мало*

общались. Мама всегда мне говорила: “Я тебе это куплю, если хочешь”. А мой брат скромный, молчал все время. Я его обижала. Хотя он слышащий».

Юлия, педагог, говорит о том, что *«...нужен кружок жестового языка, так как слышащие родители жестов не знают. А дети хорошо владеют жестовым языком. И поэтому у них с родителями нет близких отношений».*

Значительное количество глухих и слабослышащих говорят, что их родители уделяли серьезное внимание их образованию.

Антонина, учитель русского языка в школе глухих, рассказывает, что *«...отношения с родителями складывались отличные. Они любили меня, опекали. Мама занималась образованием, водила к специалистам».*

Светлана, актриса, отметила, что отношение было *«...нормальное. Они воспитывали меня как здорового ребенка. Никогда не указывали мне, что я инвалид. Не было каких-то особых отношений. Жили на равных, как нормальная семья».*

Наталья, преподаватель, говорит: *«Одним словом, могу сказать, они меня очень любили. Вложили много сил, чтобы вырастить меня достойным человеком».*

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, отмечает, что *«...родители были*

слышащие. Про своих маму с папой я могу сказать, что у нас были отличные отношения, меня берегли, воспитывали, дали мне путевку в жизнь, я поступил в институт».

Александр, видеооператор, рассказывает, что *«...с родителями замечательные отношения были, заботились обо мне, мама меня очень любила. Мне они всегда помогали».*

Важность знания жестового языка родителями

Почти половина опрошенных глухих и слабослышащих рассказывают, что их родители знали жестовый язык или дактиль. Примерно такое же количество опрошенных, а именно половина респондентов, говорят о том, что их родители не знали жестового языка или дактиль либо знали на низком уровне или разговаривали голосом.

Несмотря на различные жизненные ситуации семей, в которых рождаются дети с нарушениями слуха, или семей, чьи дети теряют способность слышать, важность свободной коммуникации с родителями нельзя переоценить. Именно от родителей зависит, будет ли ребенок полноценно развиваться. Если родитель не боится и не стесняется своего ребенка, обладает достаточной информацией, знает жестовый язык и обучает ребенка читать по губам, то результатом такого воспитания становится полноценно образованный человек.

В первую очередь в этом вопросе хотелось бы отметить использование жестового языка. Именно жестовый язык является основополагающим для развития и образования глухого человека. Существует как русский жестовый язык, так и иностранные жестовые языки. Так же как и слышащие, глухие дети ходят в детские сады, учатся в школах, получают образование, читают книги и газеты, смотрят фильмы (с субтитрами), активно пользуются Интернетом. Их последующие жизненные сценарии могут зависеть от многих факторов. Например, ходил ли ребенок в детский сад? В какой детский сад он ходил? Знали ли воспитатели хотя бы основы жестового языка? Как воспитатели относились к ребенку? Чувствовал ли он, что его игнорируют или унижают?

При этом одним из наиболее значимых факторов является знание или незнание жестового языка или дактиля родителями. В том случае, когда сами родители были слабослышащими или глухими, таких проблем не возникает — как правило, они знают жестовый язык или дактиль и обучают этому своих детей.

Например, **Евгений, иллюзионист**, сказал, что *родители слабослышащие и знают жестовый язык*. **Екатерина, специалист по социальной работе**, дала схожий ответ: *родители полностью глухи. И, конечно, знают жесты и дактиль*.

Юлия, педагог, говорит, что *слабослышащие и мама, и папа. Да, знают ЖЯ, конечно, они же слабослышащие*.

Марина, студентка, учится на педагога, сказала, что *папа слабослышащий, а мама глухая. И еще два брата слабослышащие. Только мама знала ручную азбуку, но в этом не было необходимости, так как я хорошо читала по губам.*

Дмитрий, на данный момент обучается менеджменту, отмечает, что *родители глухие. Конечно, знают жестовый язык. Они свой язык передали ребенку, то есть мне.*

Алина, преподаватель, говорит, что *мама родилась нормально слышащей, она потеряла слух в возрасте семи лет, а жестовый язык знает в совершенстве.*

Сергей, занимается изготовлением магнитов для одежды: *«Оба родителя — и папа, и мама — слабослышащие, в совершенстве знали жестовый язык».*

У Илоны, работающей упаковщицей, папа с мамой глухие, общение происходит на жестовом языке.

Даша, студентка, рассказала, что *папа глухой, мама слабослышащая, оба знают жестовый язык.*

Даниил отметил, что *мама слабослышащая у него, папа — глухой. ЖЯ они знают. Брат есть говорящий, но жесты хорошо знает.*

Анна, школьница, рассказала, что *родители глухие. Знают жестовый язык и пользуются дактилем.*

Ирина, дизайнер, рассказывает, что *мама глухая, папа глухой, но слышит чуть-чуть. Конечно, папа с мамой глухие, должны знать жестовый язык, без этого никак.*

Татьяна Давиденко, преподаватель, вспоминает: *«Мои родители глухие полностью, и, естественно, мы общались на жестовом языке».*

Андрей, работает в Сурдлимпийском комитете России, говорит: *«Мои родители глухие, мои дети слабослышащие, и все мы общаемся на жестовом языке».*

При этом в значительном числе случаев у слышащих родителей растет слабослышащий или глухой ребенок.

Приведем примеры разнообразных ситуаций в семьях глухих и слабослышащих. Так, **Елена, домохозяйка**, рассказывает: *«Все были слышащими, одна я глухая. Никто не знает жестового языка или дактиля».*

Владимир, компьютерный техник, говорит, что *родители слышащие. Папа — нет, а мама может говорить на жестовом языке.*

Борис, спортивный тренер, утверждает, что *родители были слышащие: «Жесты они знали не очень. Я в основном понимал по губам и чувствовал звук. Родители меня понимали. Люди с высшим образованием быстро схватывают, уровень другой».*

Раиса, кассир, рассказывает: *«Мой отец глухой, мать слышащая. Жестовый язык знают, но у них необычный, такой странный язык... Сейчас жестовый язык пошел вперед, много новых современных жестов появилось».*

Галина, уборщица, говорит, что родители были слышащие. *«Жестовый язык не знали. Общались мы устно. Поэтому я привыкла с губ читать. Никто не заставлял жестовый язык учить родителей. А сейчас им рекомендуют учить жестовый язык».*

Антонина, учитель русского языка в школе глухих, рассказывает, что ее родители слышащие, не знали и не знают до сих пор жестового языка.

Раиса, пенсионер, вспоминает, как *«...мама заставляла с детства говорить, заставляла читать, чтоб я правильно говорила, она меня замучила. Сейчас я хорошо говорю. Родители слышащие, они не знают жестов или дактиль».*

Михаил, главный редактор газеты, отмечает, что родители слышащие. *«Нет, не знают жестов. Они научили меня читать по губам».*

Виктория, преподаватель физкультуры, рассказывает: *«Родители слышащие. Не знали жестового, не понимали. Мама всегда кричала, на нервах вся была, а я пыталась ей объяснить, что все равно ее не услышу и нужно быть спокойнее. Очень трудно было с мамой общаться».*

Елена, воспитатель, говорит, что *«...мои родственники все слышащие. И родители, и дочка».*

Только я одна такая. И никто не знает жестового языка, только я».

Александра, пенсионер, вспоминает, что родители были слышащими. Жестового языка не знали, общались посредством рисунков.

Наталья, пенсионер, вспоминает, что родители были слышащие, но на жестовом языке общались.

В некоторых семьях слышащие родители активно принимали участие не только в развитии своего слабослышащего или глухого ребенка, но и сами развивались, обучаясь жестовому языку или дактилю вместе со своими детьми.

Например, **Галина, технолог, проектировщик**, рассказывает, что родители слышащие. Папа старался выучить дактильную азбуку, «но в основном я читала по губам».

Ольга, председатель местного отделения ВОГ: родители слышащие. Жестового языка не знают, только дактильную азбуку.

Светлана, актриса, утверждает, что «...мои родители слышащие. Мама знала азбуку, но в этом не было необходимости, так как я хорошо читала по губам».

Дмитрий, воспитатель в коррекционной школе, отмечает, что «...родители мои слышащие. Знают жестовый язык и дактиль. Я прошу папу говорить устно, а я по губам почитаю».

Ираида, швея, вспоминает, что «...в семье слышащие все, я одна такая. Они знали жестовый язык, дактиль и читали по губам, и руками немного добавляли. Они говорили: “Подумай! Для чего ты училась в школе? Чтобы учиться «слышать» по губам”».

Алексей, токарь-фрезеровщик, упоминает, что все слышащие в семье. С мамой общались дактилологией, а с папой только переписывались. «Еще по губам я понимал его более-менее. Мама могла, прописывала пальцами алфавит».

Алла, воспитатель в коррекционной школе, рассказывает: «В семье все слышащие, я одна глухая. И знают только дактиль. И бабушка, и папа, и мама — только дактиль. А жесты — например, “кушать иди!”. Ну, понятно, что любой человек бы понял. Могли еще кое-что показать, но только мне одной понятно, а так — дактилем. У меня слышащая на сто процентов сестра. А сын и муж — мы все глухие, и голос плохой у всех, но все мои родственники, сестра, понимают очень хорошо нас. Есть еще сестра мужа. Я смотрю на нее — не понимаю, а племяннице моей шесть лет, она переводит. Я спрошу: “Что она сказала?” Она мне передает. Она жестами показывает, чтобы я поняла».

Изабель, студентка, обучается на дефектолога, говорит, что мама и бабушка знают дактиль. «Не полностью знают жестовый язык, если я говорю плохо, они меня поправляют. Дактилем, буквами. А так друг друга понимаем. Я могу общаться

со слышащими, с окружающими, но не свободно. Но в семье нормальное общение».

Александр, пенсионер, вспоминает, что *папа дактилем общался, мама — жестами. Сын тоже знает жесты.*

Андрей, студент, рассказывает, что *вся семья слышащая. «Я их учу жестовому языку. Конечно, они знают, но так, слабенько, все равно общаемся».*

Виктор, воспитатель в коррекционной школе: *«Мои родители слышащие и знают жестовый язык».*

Геннадий, который работает во Всероссийском обществе слепых (ВОС), говорит: *«Моя мама слышащая, и с помощью жестов сложно общаться, поэтому общаемся в основном дактилем».*

Андрей, продавец, вспоминает, что *оба родителя слышащие: «Мой отец знал дактильный алфавит, с годами его забыл. Мама тоже чуть-чуть знает дактилологию. Но они знают очень неплохо жестовый язык. Сейчас я редко с ними встречаюсь».*

Никита, тренер, говорит: *«Моя семья вся слышащая. Папа и мама умеют дактилем говорить, но это пока я был маленьким, они пользовались им. Сейчас папа редко это делает, а мама пользуется до сих пор дактилем. А жестами мама не умеет говорить, а папа может немного. Например, он знает старый жест — “помочь”. Он смотрел видео*

в Центре образования глухих. Сейчас есть старая жестовая речь — наследие СССР, а есть новая, которая образовалась потом. Это смесь речи и сленга молодежного».

Большинство экспертов уверены в важности и необходимости знания родителями жестового языка для полноценного развития глухих детей. Благодаря знанию жестового языка родителями и пониманию жестов маленьким ребенком происходит самое главное — общение ребенка с родителем, его первые попытки познать окружающий мир. Они считают, что умение читать речь по губам так или иначе сформируется у глухого человека с течением времени, однако для снятия лишнего стресса, связанного с необходимостью декодирования получаемой информации, в близкой для глухого человека среде (семье, с друзьями и пр.) знание жестового языка необходимо. В то же время эксперты отмечают, что в обществе отсутствует понимание того, что родители глухих и слабослышащих людей должны обучаться жестовому языку.

По мнению Любови Корвяковой, сотрудница Института коррекционной педагогики РАО, *часто идет просто рефлексорная работа, как и у обычного малыша. Поэтому не всегда можно сразу увидеть недостаток. И развитие такого ребенка, особенно в слышащей семье, это очень трудная работа. Но большая радость у родителей, когда маленький человек понимает жесты.*

Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей, на своем примере объясняет значимость

жестового языка в своей жизни: *«Родители глухие. Папа и мама тоже окончили школу № 30. Бабушки, дедушки, тети, дяди — все слышат. Жестовый язык я не использовала в детстве, потому что у меня был тогда слух. И только потом, когда уже вышла замуж, когда родились дети, я перешла на жестовый язык прочно».*

Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ, высказывает свое мнение о необходимости знания жестового языка: *«Родителям очень важно, если родился глухой ребенок, использовать так называемую тотальную коммуникацию (использование всех доступных способов общения), изучать самим жестовый язык. Коммуникация может достигаться разными способами. Она может достигаться посредством общения как с помощью голосовой речи, так и с помощью жестового языка».*

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной Федерации глухих, считает: *«Когда ребенок не слышит, родители пытаются за него решить, пытаются заставить отдать детей в массовую школу, думают, что там его выучат говорить, залезая в рот всякими железками. На мой взгляд, родители нарушают права детей, лучше бы дали ему с самого начала знание жестового языка, но родители этого не хотят, поэтому они этим не занимаются».*

Необходимо отметить, что, несмотря на предпочтительность использования жестового языка

в семье с глухим ребенком, немало людей, не имея в детстве возможности обучаться жестовому языку, благодаря мимике, артикуляции и считыванию с губ сумело социализироваться, найти работу, построить семью. Эксперты также отмечают, что ряд глухих родителей, которые в детстве по каким-либо причинам не выучили жестовый язык, своих детей обучают с рождения чтению артикуляции по губам, полагая, что это будет способствовать лучшей социализации их детей. Однако, с их точки зрения, знание жестового языка для глухого человека значительно облегчает его развитие и социализацию.

Взаимоотношения со слышащими детьми

Значительного внимания заслуживает также и то, каким образом складывались взаимоотношения у детей с нарушением слуха со своими сверстниками в детстве. У кого-то были друзья уже с детства, некоторые признаются, что ни с кем не дружили. Одни дружили, общались со слышащими детьми, старались заинтересовать своим особым жестовым языком. Другие имели возможность дружить с себе подобными.

Вспоминая свое детство, большинство глухих рассказывают о проблемах в общении со слышащими сверстниками. При этом полностью отказались от общения со слышащими около трети. Несмотря на это, около половины глухих вспоминают случаи того, как общались в детстве и со слышащими детьми. Приведем наиболее по-

казательные воспоминания глухих и слабослышащих о взаимоотношениях со своими сверстниками в детстве.

Андрей, преподаватель, вспоминает: *«Что-то не пойму, не услышу, а ребята начинали смеяться, дразниться».*

Павел, актер, рассказывает: *«У меня был случай: я ездил в санаторий со всеми слышащими, и они узнали, что я глухой. Пацаны мою одежду подрезали, порвали и издевались надо мной, такие случаи из детства помню».*

Ирина, социальный работник, отмечает, что сначала дети реагировали нормально, а когда понимали, что она глухая, начинали обзываться и дразнить.

Дмитрий, обучается менеджменту, вспоминает: *«Во дворе не особо отношения складывались. Там слышащие и глухие мало общались. У глухих свой мир. Мне было комфортно общаться с глухими на своем жестовом языке».*

Виктор, воспитатель в коррекционной школе, рассказывает: *«Со слышащими не общался. Я с глухими, со слабослышащими. Когда в деревне жил, там были слышащие, глухих не было. А я каждый год, каждое лето проводил каникулы у бабушки в деревне, поэтому был вынужден общаться со слышащими. Но когда повзрослел, стал общаться только со своими, только в своем мире».*

Маргарита, домохозяйка, говорит: *«В детстве мне было тяжело общаться. Все были говорящие, а я плохо слышала».*

Дмитрий, воспитатель коррекционной школы, вспоминает: *«Когда я был маленький, то пытался общаться со слышащими, но ничего не получилось. Не понимали друг друга. Я что-то пытаюсь говорить, а они меня не понимали. И я оставил все попытки».*

Евгений, студент, вспоминает: *«Мне было тяжело воспринимать речь, я иногда, что-то не поняв, начинал говорить, тут они и начинали смеяться. Издевались, пытались мне что-то говорить шепотом, проверяли мой слух. Я потом перестал обращать на это внимание, понимая, что ребята глупые. Когда люди не понимают, не осознают, они начинают меня задирать».*

Антонина, учитель русского языка в школе глухих, говорит, что в основном общение было со слабослышащими и глухими детьми. Во дворе — слышащие, глухих всего два-три человека.

Виктор, пенсионер, рассказывает: *«Все друзья в основном были слабослышащие и тотально глухие. Общались жестами, дактилем, тактильно».*

Надежда, председатель местного отделения ВОГ, вспоминает: *«У меня двоюродные братья и во дворе ребята были слышащие. В то время все, кто во дворе жил, общались. Не было проблем, в то время я хорошо говорила, поэтому меня все слы-*

шащие дети понимали. Когда папа и мама умерли, родственники скоро обратили внимание, что раньше я хорошо разговаривала, а когда не стало родителей, речь стала хуже. Это потому, что с детьми общалась на жестовом языке, практики меньше стало, вот и хуже стала речь».

Люда, пенсионер, отмечает: *«Все родственники были глухие, поэтому я в основном общалась с глухими. Бывало, конечно, со слышащими. Я старалась понять слышащих, то, что они пытались мне объяснить на своем языке».*

Людмила, художественный руководитель, рассказывает: *«Когда в школу пошла, там увидела, что ребята общаются на жестовом языке, и сама попыталась изучить жестовый язык, также педагоги знали жестовый язык. Так я выучила жестовый язык в школе».*

Марина, домохозяйка, говорит, что со слышащими никогда не общалась. *«Со мной не хотели ребята дружить. Когда стали подрастать, меня сторонились. Надо мной насмехались и дразнили. А сестра двоюродная со мной общалась. Она меня приглашала в кино. А так, во дворе, я была одна. Я была усидчивая, очень любила читать. Поэтому я не переживала, что осталась одна. Всегда сидела дома и читала книги. Но иногда все-таки переживала».*

Галина, уборщица, рассказывает: *«Благодаря родителям в каникулы меня отправляли на отдых... завод давал путевки в лагерь для слышащих».*

детей. И поэтому я приобрела навыки общения со слышащими людьми».

Алексей, актер, рассказывает: «Я и с неслышащими общался, и со слышащими. Общение было сложное. Часто меня дразнили: глухой, неграмотный, глупый. Некоторые слышащие уважительно относились ко мне. Но таких было немного, поэтому больше общался со слабослышащими и не слышащими».

Павел, актер, отмечает, что больше друзей глухих, комфортно с ними общаться. Со слышащими с детства не дружил. «Мы друг друга не понимали, камнями друг в друга бросались».

Валерий, журналист, напротив, отмечает, что общался со слышащими.

Катерина, работающая в ВОГ, делится своей информацией о детстве: «Во дворе — да, общалась со слышащими. Во дворе у себя дома общались, потому что там двоюродная тетя, двоюродный брат. Они слышащие, я общалась».

Валентина, экономист, говорит, что «...в детстве все было прекрасно, все дети привыкли, что я вообще не слышу, бежали ко мне, звали меня, все было хорошо. Даже сердитых людей было мало, все были добрыми».

Александр, технолог, рассказывает: «У меня была подруга слабослышащая. А у нее были глухие родители. Она учила нас жестовому языку. Мы все

ее очень любили. Она была красивой, и жестовый язык у нее был красивый. Я даже не представляю, как бы мы общались, если бы не она».

Никита, тренер, говорит: *«Не боялся слышащих, сразу шел навстречу, обращался ко всем, но они не хотели играть вообще со мной. Все равно играл с ними, и они привыкали. Старались помедленнее говорить, чтобы я понял. А сейчас друзей детства нет, только остались одноклассники. И с другими слышащими общался. Это были дети подруг моей мамы, мы общались хорошо».*

Елена, воспитатель: *«Когда я слух потеряла, мне было уже восемь лет. Но в начальной школе это как-то незаметно прошло. То, что я стала плохо слышать, я почувствовала только в старших классах. Педагоги начинают говорить тихо, начинаются лекции. И я столкнулась впервые с тем, что подростки начали надо мной подшучивать, смеяться, такое было только в старших классах. Но, так или иначе, я окончила массовую школу. С теми друзьями, которые у меня остались, я общалась нормально».*

Изабель, студентка, рассказывает: *«Дети все знали, что я глухая. Но все вместе играли. Я с добрым чувством вспоминаю свое детство. Хорошее было детство. Какого-то отдаления от слышащих не было. И даже до сих пор во дворе встречаемся и вспоминаем давно минувшие дни. И никакой такой отдаленности нет. Как было общение в детстве, так и сейчас. Вообще, я общалась с глухими и слабослышащими. Со слышащими я доволь-*

но мало общалась, потому что говорящие не всех просто так принимали в свою компанию. Если принимали в свою компанию, я общалась со слышащими, если нет, я не обижалась и отходила в сторону, возвращалась в свой круг — глухих и слабослышащих».

Нина, член ВОГ, вспоминает: «Мои одноклассники были глухие, не знали жестового языка, потому что их родители были слышащие. И поэтому мне приходилось учить этих неслышащих детей жестовому языку, т. к. я в семье общалась на жестовом языке. Я была первая вообще в классе — и по развитию, и по общению, и все дети тянулись ко мне, просили меня рассказать какие-то новости — что там, где там. Дети были глухие, а слышащие родители с ними никак не общались, только жестами: кушать, спать, и все. Зато сейчас, конечно, родители начали стараться выучить жестовый язык, а раньше, в послевоенное время, не понимали этого, к глухим подход был односторонний. Правда, тогдашние дети выросли, стали хорошими людьми, неиспорченными. Берегут своих родителей, уважают, какое-то чувство патриотизма осталось, а сейчас одна грубость, почему? Может быть, время такое. Раньше фильмов таких не было, компьютеров не было, одна радость — общение на улице. Папа жалел нас: у многих уже появлялись первые телевизоры, все смотрели КВН... Потом папа накопил деньги, купил телевизор “Звезда”, вся семья так обрадовалась, соседи приходили к ним в комнату, все в коммунальной квартире приходили, смотрели этот телевизор, получали удовольствие. Смотрели вместе, было интересно

с соседями, как в кинотеатре, “ряды” были, удовольствие получали. Телевизор — двор, двор — телевизор. Был кинотеатр “Смена”, билеты было трудно купить в кинотеатр, например, был фильм “Отелло”, хотели посмотреть, но такая была сумасшедшая очередь, что не всегда можно было купить билеты. Много было в дефиците, не только билеты. И было мало информации для глухих».

Наталья, преподаватель, отмечает: *«Общалась со слышащими ручной азбукой и с помощью своих придуманных жестов — не таких, которые в ходу среди глухих. Среди моих друзей были и слышащие дети. Но не в детском саду, а во дворе. Когда я начала учиться, то, поскольку мы жили в частном доме, люди собирались у нас дома. Я одна не слышала, а все остальные — слышащие. Гоняли на велосипедах, в поле ходили, в лес. Мы дружили».*

Занимающийся монтажом фото- и видеосъемок Александр отмечает, что играл и со слышащими, и с глухими, замечательно с детства со всеми дружил. *«У нас хоккейная и футбольная команды были, борьбой и легкой атлетикой занимался — я один был среди слышащих. Карате тоже занимался. Я их учил жестам, они меня прекрасно понимали. Я же молчать не умею, настырный был всегда, сам общаться хотел».*

Светлана, работник ручной сборки, рассказывает, что *«...в детстве я больше общалась с глухими, чем со слышащими. Иногда были контакты со слышащими детьми, это было, например, летом в деревне».*

Марина, главный специалист по управлению финансами, вспоминает: *«Я до шести лет нормально слышала, поэтому ходила в обычный садик и общалась там, как все нормальные люди. А после шести лет слух пропал, и пришлось уже пользоваться жестовым языком».*

Андрей, сотрудник Сурдлимпийского комитета России: *«Естественно, что я с детства знал жестовый язык, это все-таки мой родной язык, и со своими сверстниками, теми, которые глухие, я общался на жестовом языке, в массовой же школе, когда я учился, я общался голосом».*

Андрей, сварщик, говорит: *«Общался хорошо, все ребята ко мне хорошо относились, несмотря на слуховой аппарат. Я общался, они разговаривали со мной, все было хорошо».*

Значительная часть глухих рассказывает, что после многократных неудачных попыток наладить отношения со слышащими сверстниками они отказались от этих попыток, стали замыкаться, ограничиваясь общением с такими же глухими. В целом ряде случаев они становились объектами издевательств и насмешек со стороны слышащих.

Например, **Евгений, студент,** уточняет: *«Когда со слышащими разговаривал, они что-то говорили, а я не понимал, да, слышал, но не понимал речь. Мне было тяжело воспринимать речь, и я иногда, если что-то не понял, начинал говорить, вот тут они и начинали смеяться. Поэтому я стал как-*

то замыкаться и как-то особо не разговаривал со слышащими».

Ирина, учитель математики, говорит, что *«...приходилось постоять за себя, до драки иногда доходило. Помню, что во дворе тоже дралась, в общем, со слышащими сверстниками отношения были не очень, а со своими глухими и слабослышащими все нормально».*

Наталья, преподаватель, вспоминает, как над ней смеялись. *«Дразнили, потому что я в детстве плохо говорила. Я пыталась научить их жестам, они не понимали, они пытались своими жестами со мной разговаривать».*

Изабель, студентка, рассказывает, что *«...некоторые смотрели с удивлением, если я повторяла слова, но принимали в компанию, а кое-кто даже пытался изучить жестовый язык. Я их учила простым жестам. Некоторым было интересно. Другие просто пожимали плечами, и я сразу понимала, что это не моя компания, и больше к ним не приставала».*

Несмотря на то что негативное отношение слышащих детей к слабослышащим является доминирующей тенденцией, в нескольких случаях глухие вспоминают и противоположные примеры.

Например, **Елена, домохозяйка,** рассказывает, что в ее случае *слышащие были даже лучше детей, которые не слышали. «Они были особенно чувствительными, чуткими и внимательными,*

заботливыми, я единственная глухая во дворе, а все остальные были слышащие. Они были очень заботливые. “Пойдем”, — говорили и старались показывать все жестами».

Александр, видеооператор, вспоминает, что относились к нему в детстве по-разному. Были те, кто оскорблял и обижал, а были и те, кто помогал. «Например, когда ходил на футбол, меня постоянно оскорбляли, пинали, грубили мне. Но потом другие ребята меня начали защищать, и все было нормально».

Ольга, кассир, отмечает: «Кто-то дразнил, а кто-то принимал. Все по-разному. Играли в теннис, волейбол — все одинаково было. Если в кино ходили, то просили их помочь понять. После кино нам передавали кратко содержание фильма, тогда же субтитров не было. А сейчас проще стало — с субтитрами».

Лишь меньшей части глухих и слабослышащих удалось преодолеть это негативное отношение со стороны слышащих. Например, **Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста говорит**: «Если смотреть с самого начала, они презирали меня. Говорили: “Что этот глухой тут ходит, руками машет?”. А потом я сделал так, чтобы они зауважали меня, и у нас была очень большая веселая компания, и ребята даже старались говорить руками».

При этом ряд глухих отмечает, что в современном обществе отношение к глухим стало хуже, чем было в их детстве.

Например, **Нина, член ВОГ**, отмечает: *«Моей дочке не повезло, во дворе к ней плохо относились, неслышащие с ней не хотели дружить, а в послевоенное время, наоборот, все старались. В мое время во дворе было очень здорово, комфортно себя чувствовала, я жила в центре, в районе Белорусской площади, слышащие ребята дружили и звали меня играть, с утра до вечера мы шатались одной компанией, было, допустим, десять слышащих, а мы с сестрой вдвоем неслышащие, друг друга не обижали, бывали случаи, что дразнились, но в целом двор был отличный, до сих пор вспоминаю детство».*

Ухудшение ситуации в отношении к глухим отмечает и **Надежда, председатель местного отделения ВОГ**: *«Сейчас дети плохо понимают глухих, если они пытаются вслух сказать. А меня в детстве за руку брали, в компанию. Я пыталась с ними разговаривать не предложениями, а хотя бы словами, так с ними общалась. И дети все понимали».*

Мнение экспертов подтверждает оценки и воспоминания самих глухих. Подавляющее большинство экспертов отмечает, что в современном российском обществе существует достаточно выраженное неприятие людей с любыми формами нарушений. В частности, многие родители отвергают общение своих детей с детьми, имеющими проблемы со здоровьем.

С точки зрения экспертов, исходя из задачи полноценного развития глухих детей, им необходимо общаться с себе подобными, при условии

того, что они говорят на одном жестовом языке, — это значительно комфортнее для них. При этом необходимо поощрять их общение с полноценно слышащими, что вносит положительный вклад в развитие коммуникативных способностей ребенка с нарушениями слуха.

Например, **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, делает акцент на том, что *«...ребенок развивается, познает окружающий мир, а жестовый язык — это такая же информационно-поисковая система, как и любой другой язык, и передает абсолютно тот же объем информации, который помогает ребенку развиваться. Для детей с нарушением слуха в возрасте от нуля до трех лет очень важно иметь полную коммуникацию в семье, это задача номер один. Коммуникация может достигаться разными способами. Она может достигаться посредством общения с помощью голосовой речи. Она может достигаться с помощью жестового языка. Родители, которые упускают этот момент, фактически теряют своих детей в плане дальнейшего развития. Поэтому я считаю, что родителям очень важно, если родился глухой ребенок, использовать тотальную коммуникацию, изучать самим жестовый язык»*.

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, считает, что *если человек глухой и родился в семье глухих, то он дружит, как правило, с такими же, как и он, глухими из семей, с которыми дружат родители. Но бывают и исключения.*

Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей, уверена в том, что *неприятие в обществе людей с нарушением слуха происходит оттого, что самый оптимальный способ коммуникации глухих — это жестовый язык. Этот язык, оказывается, сложен для изучения, и, конечно, слышащим проще всего отторгнуть его, вместо того чтобы вникнуть в то, что языки бывают не только звуковые, но и визуальные. Это же огромное белое пятно в лингвистике.* Она описала свой опыт вхождения в звуковой язык: *помню, что в детстве пыталась общаться со слышащими детьми, понимала, что с ними надо разговаривать голосом, но не знала, что именно для этого нужно. Говорила голосом, но контакта не происходило. Потом, когда чуть подросла, ей объяснили, что звуки бывают разные, что для их издания надо работать языком... И мучили «пыточными» железяками для постановки звуков.*

Взаимоотношения со слышащими взрослыми

Более половины глухих и слабослышащих негативно вспоминают отношение к ним посторонних взрослых в детском возрасте. Приведем наиболее показательные воспоминания глухих и слабослышащих.

Например, **Андрей, работник ручной сборки,** рассказывает: *«Когда я был совсем маленький, я чувствовал, что отличаюсь от других. Были слу-*

чаи унижения. Мне кажется, что это в природе человека — унижать инвалидов».

Оксана, курьер, вспоминает: «Многие слышащие люди относились с пренебрежением. Врачи тоже плохо, медсестры какое-то неуважение к глухим проявляли тоже».

Людмила, председатель местного отделения ВОГ, говорит, что *посторонние взрослые относились грубо, плохо*.

Ольга, председатель местного отделения ВОГ, отмечает, что «...подростки всегда спрашивали, на каком языке я говорю. Я отвечала, что на русском. Я им объясняла, что я не слышу, поэтому у меня такая дикция, но подростки не верили и считали меня иностранкой».

Вячеслав, резчик по дереву, говорит о том, что *были некоторые люди, которые дразнили и обижали. «Я сначала злился, а потом перестал обращать внимание»*.

При этом многие глухие вспоминают и положительные примеры отношения к ним в детстве со стороны посторонних взрослых.

Например, **Михаил, главный редактор газеты**, отмечает: «Мы жили в военных городках, это достаточно замкнутая система, все друг друга знают. Поэтому как-то адекватно реагировали».

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста, отмечает: «Взрослые были в шоке. Пони-

маете, в детстве я руками и песни пел, и стихи рассказывал, наверное, для того, чтобы маму удивить. Я пытался показать маме, что я не глупый, что я многое могу. Поэтому я такой творческий человек. Все слышащие всегда восхищались: “Ой, какой он молодец”».

Айнаш, официантка, вспоминает, что «...мама была слабослышащая, но говорила хорошо. Речь была нормальная у нас. Нас всегда понимали. Мы их не всегда, а нас — всегда. Нормально взрослые реагировали. Двор хороший был, дети хорошие. Ребята хорошие. Ничего такого не ощущалось».

Мнения экспертов относительно отношения взрослых к детям с нарушениями слуха разделились. Эксперты отмечают, что значительная часть взрослых пытается ограничить общение своих детей с глухими или слабослышащими детьми. Некоторые из них отмечают, что многие взрослые воспринимают глухих в качестве инвалидов, не имея представления о том, как с таким ребенком можно взаимодействовать.

Например, **Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих**, говорит: «Многие взрослые воспринимают глухих детей как инвалидов, для них это трагедия, стараются громче говорить. Если человек не слышит, они обычно не понимают и кричат громче, думая, что ребенок так услышит. Родители не понимают сути проблемы и стараются громче говорить. Мир глухих они не могут понять».

Глухие и слабослышащие дети и детский сад

Одним из немаловажных аспектов в жизни глухого и слабослышащего ребенка является посещение детского сада. Более половины опрошенных для этой книги глухих и слабослышащих посещали специализированные и коррекционные детские сады. Многие из тех, кто их не посещал, не делали этого по причине того, что в их дошкольное время коррекционных детских садов не существовало или было недостаточно. В ряде случаев глухие дети ходили в обычные детские сады, но начинали учиться уже в специальной школе. Приведем различные воспоминания об этих ситуациях.

Например, **Даниил** вспоминает, что он ходил в детский сад. *«Я был один, а все — слышащие. Плохо общались. Один я не слышу, а остальные слышат. Я был в тупике. Потом перевели в другой детский сад. Там я учился, общался с воспитателями. Я просто не понимал речь, пугался. Потом перевели в другой детский сад. Там слабослышащие и глухие были вместе. Воспитатели же говорящие были. Я старался, писал, рисовал. Но воспитатель жестами не владел, только губами шевелил, не понимал его. Говорил, что не понимаю. А воспитатель начинал ругаться».*

Даниил говорит, что хорошо было бы, если бы воспитатели знали жестовый язык. *«Я бы все понимал, что говорили, чему учили. А раньше такого не было. Повторять за воспитателями вслух — не*

подходит. Слабослышащие дети могут, а глухие — нет. Трудно за губами следить».

Людмила, председатель местного отделения ВОГ, рассказывает, что ее в детский сад не принимали, говорили, что неразвита, — не слышит, не разговаривает. *«Как меня в детский сад возьмут? Я руками не разговаривала, не умела, меня родители не научили, это уже потом, когда я попала в школу, у ребят научилась жестам».*

Елена рассказывает, что в специализированный садик не ходила, т. к. мама не знала, что есть где-то коррекционные школы, садики: *«В первый класс я пошла только в девять лет».*

Алексей, актер, говорит: *«Если в детском саду есть специальные воспитатели, которые знают жестовый язык, то дети быстро обучались. А слышащие... конечно, друг друга мы не понимали, только с возрастом мы начали понимать слышащих. Если педагог тоже глухой, то ребята быстро воспринимают жестовый язык и также речь по губам, а слышащий педагог, который не знает языка, при общении с глухим создает ему очень большие проблемы».*

Напротив, глухие, посещавшие специализированный детский сад, как правило, оценивают их позитивно.

Например, **Виктория, учитель физкультуры,** рассказывает о посещении коррекционного детского сада: *«Педагог была женщина пожилая, Алек-*

сандра, — она поставила детям все звуки. Мама радовалась тому, что у меня появлялись новые звуки. Очень хорошие были отношения. У нас была очень сильная группа. С одной девочкой даже до сих пор дружим. Дружили, выезжали на дачу. Сейчас такого нет. Раньше и летом занимались, а сейчас три месяца дома — и все забывается. Сейчас в мае дней на десять вывезут куда-нибудь, и все».

Сергей, инженер, рассказывает: *«Мне повезло, контакт с глухими детьми у меня был на должном уровне, а с воспитателями тем более, они нас воспитывали правильно, развивали речь и учили смотреть в будущее, чтобы мы нашли свое место в жизни, так сказать».*

Наталья, швея-мотористка, отмечает, что *все было хорошо. Воспитатели все говорящие были, воспитательницы знали жестовый язык и тактильную азбуку.*

Галина, технолог, говорит, что *по губам читали. Воспитатели были все хорошие, знали жестовый язык. Все объясняли, если было непонятно.*

Марина, студентка, отмечает, что *«...воспитатели были нормальные, много не запрещали, мы свободно жили, там были и рисование, и общение с детьми... — все было нормально, ну, гуляли, как в обычном детском саду».*

Изабель, студентка, говорит: *«Ничего плохого не было. С воспитателями тоже хорошо. Учили нас. Группа была хорошая. Отношения нормальные».*

Дмитрий, студент, вспоминает, что одна воспитательница, Светлана, была хорошая, а вторая, Валентина, — вредная. «Когда я поступил в детский сад, я выучил дактиль и потом голосом научился общаться. Они с нами жестами, дактилем и голосом общались».

Вместе с тем для многих обучение в специализированных учреждениях также носило достаточно непростой характер, особенно в тех случаях, когда речь идет об интернатах. Например, **Андрей, преподаватель**, вспоминает: «Я ходил в детский сад в Краснодарском крае, это был интернат. Очень жесткая система была. Ребенок помещался в этот интернат, и родители не видели его несколько месяцев. Но по окончании учебы был результат». **Алексей** рассказывает: «...в интернате, в детском садике было немного жестко. Неприятные были моменты, мало кормили, от положенного только половину давали, всех обижали. Воспитатели рано укладывали нас, сами уходили, выпивали много».

В некоторых случаях обучение глухих детей было нацелено на получение ими навыка общения голосом. Например, **Марина, инженер**, рассказывает, что «...была в экспериментальной группе, как я помню со слов родителей, нас там так учили специально, чтобы мы больше общались не жестами, а голосом».

Многие глухие ходили сначала в обычный, а потом в специализированный детский сад. Их сравнение носит достаточно показательный ха-

ракти. Например, **Вера, уборщица**, рассказывает: «Помню, что в детском саду были слышащие дети, они все переговаривались. Я тоже пыталась с ними разговаривать, но не могу сказать, понимали ли меня. Но когда в три года — до этого я училась в детском саду среди обычных ребят — я перешла в специализированный детский сад, я была очень счастлива, что попала в свой мир и могла разговаривать уже на жестовом языке».

Интересен пример **Дмитрия**, который сравнивает специализированные детские сады (с использованием жестового языка и без) на примере обучения своей дочери: «Я отвел ее в один детский сад для слабослышащих. Воспитатели там больше говорили, а жесты не использовали. И получилось, что дочка отставала в развитии. Перевели в другой детский сад, где воспитатели использовали жесты. И все пошло хорошо, все стало замечательно. За год дочка сильно изменилась. Ее научили писать слова, рисовать. И голос поставили, когда постарше стала. А так очень помогло то, что воспитатели знали жестовый язык. Все у нас в семье глухие. Четвертое уже поколение пошло. Сын в спецшколу ходит. Я школой доволен. Он слабослышащий. У него восприятие окружающих получше. Дочка полностью глухая. Со слабослышащими ей общаться тяжело. Общается с глухими. Все в семье используют жестовый язык».

Вместе с тем воспоминания о посещении обычного детского сада для глухих не обязательно носят негативный характер. Например, **Елена, домо-**

хозяйка, вспоминает: *«Мне повезло, что я попала в хороший детский сад, воспитательница была замечательная, она мне была как мама, а лучшая была нянечка Поля, мы все ее называли “Полечкой”. Она такая маленькая, милая такая старушка, такая добрая, и мы ее называли “баба Поля”».*

Глухие также отмечают, что их посещение обычного детского сада носит существенно менее болезненный характер, если учителя имеют возможность уделять им дополнительное внимание. Например, **Маргарита, домохозяйка**, вспоминает: *«Воспитательница была очень внимательная, заботливая. Она знала, что я плохо слышу, специально общалась со мной. Все хорошо. Ребята со мной играли. Мы, конечно, особо не общались, но были совместные игры».*

Владимир, преподаватель, вспоминает: *«У меня была хорошая воспитательница, она хотела меня научить говорить. Она приезжала в деревню. Я хорошо ее помню. Но еще была вторая воспитательница, я ее плохо помню, но она мне не нравилась. С детьми общение было примитивное. Голосом мы не говорили, только примитивными жестами, звуками общались».*

Некоторые из родителей осознанно принимали решение отправить детей в обычный детский сад. Например, **Виктория, учитель физкультуры**, рассказывает, что *«...мама не хотела, чтобы мы занимались в садике для глухих, она хотела, чтобы мы разговаривали голосом, не хотела, чтобы мы размахивали руками».*

До недавнего времени в России система коррекционных дошкольных учреждений развивалась достаточно успешно. При этом многие глухие отмечают важность дифференциации условий обучения для глухих и для слабослышащих.

Например, **Ольга, председатель местного отделения ВОГ**, посещала специальный детский сад. *«В мое время были садики либо для глухих, либо для слышащих. Это сейчас интеграция и смешивают слышащих детей с неслышащими. Эта идея мне не нравится, так как неслышащим детям в таком случае не уделяется должного внимания и нет соответствующих условий».*

Алла, воспитатель, утверждает, что *«...ясли, в которые она ходила, были для слышащих. Не смогла там находиться. Потом перевели в сад для слабослышащих».*

Алексей, актер, рассказывает: *«Я в специальный детский сад ходил. У нас по месту жительства были специальная школа и специальный детский сад. Воспитатели с очень большим опытом, владели жестовым языком».*

Андрей отмечает, что *пошел сразу в специализированный детский сад. Воспитатели все говорят. «Мы учились все читать с губ. Жесты нам запрещали».*

Алексей рассказывает, что *учился в детском саду со слабослышащими и глухими. «Это был хороший детский сад. Нас хорошо обслуживали, кор-*

мили. И мне было интересно, почему все уезжают на субботу и воскресенье, а я остаюсь. Я спрашивал у воспитателей, почему меня не забирают. И они объяснили, что я сирота».

Валентина: *«Сначала я пошла в обычный детсад. Потом в обычную школу. Я была высокой, меня посадили на “камчатку”. И там выяснилось, что я не все слышу. Сказали бабушке, проверили слух — действительно, плохо слышу. И решили перевести в школу для слабослышащих».*

Эдуард, видеооператор, рассказывает, что учился в коррекционных детском саду и школе.

Сергей, инженер, вспоминает, что учился в школе № 30 им. Микаэльяна: *«Я честно говорю, что мне крупно повезло, что я учился в этой школе, это была специальная школа».*

Людмила, пенсионер: *«Я посещала спецшколу. А после школы поступила в машиностроительный техникум, в группу, где был переводчик».*

Зинаида, портниха-закройщица, рассказывает, что *«...наша школа была для слабослышащих, и там был такой кабинет, специально слуховые аппараты давали. Наушники, наушники... Мы занимались на уроках развития речи. Благодаря этому, наверно, я стала лучше говорить».*

Светлана, актриса, вспоминает, что в раннем детстве ходила в обычный детский сад. *«А потом*

меня отправили в специализированный. Меня там учили речи».

Алла, воспитатель коррекционной школы, рассказывает: *«Я ходила сначала в ясли для слышащих, потом для слабослышащих, но там тоже не справилась. И меня перевели в сад для глухих».*

Эксперты также высказывают свою точку зрения по поводу посещения глухими обычных или специальных детских садов.

Например, **Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ,** высказывает свое мнение по данному вопросу: *«Я плохо представляю, что делать глухому ребенку в обычном садике. Если он не слышит, как он будет общаться со своими сверстниками?! Он никакого удовольствия от общения не получит. Честно сказать, дети — это недобрые существа. Глухого там могут побить, потому что “он дурак” и не понимает простых слов. В обычном саду многое зависит от воспитателей, есть такие, которые могут сгладить острые углы, помочь слышащим и глухим детям найти общий язык. В специальных садиках многие воспитатели действительно вкладывают душу в ребенка. Лично мне повезло. У меня были хорошие воспитатели. Какие сейчас воспитатели, мне сложно сказать, мне говорили, что многие не приветствуют жесты. Так или иначе, глухому лучше быть в специальном детском саду. Воспитательница для ребенка — как вторая мама».*

При этом, по мнению некоторых экспертов, обучение для глухих раньше находилось на бо-

лее высоком уровне. Например, **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, рассказывает: *«Я сам учился в специальном коррекционном детском саду, в специальной коррекционной школе. У меня родители глухие, я с детства знаю жестовый язык. Это не мешало мне овладеть устной речью. В наше время воспитатели не знали жестовый язык, но они были хорошими сурдопедагогами и добросовестно работали с нами. На мой взгляд, именно поэтому многие представители поколения 70–80-х могут хорошо говорить, несмотря на тяжелые потери слуха. К сожалению, в настоящее время хороших сурдопедагогов становится все меньше. Молодых педагогов я не могу судить, я не знаю, как они относятся к глухим детям и к своим обязанностям. Но я могу констатировать, что из молодых ребят глухих, которые выходят из разных учреждений, все больше людей, у которых качество и уровень образования оставляют желать лучшего».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ: *«Я жил в детском саду в Малаховке. Потом в Москве, в районе станции метро “Первомайская”. Мы там много с ребятами играли. Со мной занимались, мы часто писали в тетрадях, так мы осваивали русский язык. В специальных садиках стараются научить ребят писать с пяти лет, чтобы создать задел. Эти умения закладываются заранее. Это полезная вещь».*

Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайце-

ВОЙ: *«По-разному бывает, может быть гиперопека со стороны родителей, может быть игнорирование каких-то потребностей ребенка, например элементарное непонимание его желаний. Может быть излишняя жалость, а может быть, наоборот, навязывание ему своих интересов. Или учителя при инклюзивном обучении вообще раздражены, считают ребенка с нарушением слуха дополнительной проблемой — лишней нагрузкой: «вас много, а я одна». Поэтому в других странах, если в группе есть такой ребенок, то обязательно вводится специальный сотрудник, который с этим ребенком работает. Увы, у нас даже во многих специальных детских садах ситуация непонимания потребностей ребенка сохраняется. В специальных детсадах воспитатели не знают жестового языка, даже очень опытные воспитатели не понимают глухих детей, не понимают, что они хотят, для них главное — накормил, напоил, и все».*

Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ: *«Я сторонник того, чтобы родители имели право выбора образовательного учреждения. Опять же подчеркиваю, это зависит от того, насколько ребенок свободно общается. Если у него получается хорошо общаться при помощи голосовой речи, то, может быть, ему будет лучше пойти в обычный детский сад, где ему будут созданы хорошие специальные образовательные условия. Если же ребенок считает своим родным языком жестовый, то ему лучше быть в среде своих. Это ключевой момент в развитии любого человека, выбор зависит от его развития, конкретно — познавательной способности».*

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, считает, что *все сугубо индивидуально. «Но я считаю, что дети с большой потерей слуха должны заниматься с такими же детьми в специализированных условиях, в рамках специализированного детского учреждения, где они получают доступ к информации. Их будут обучать правильному произношению, и с ними будут работать специалисты».*

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член совета Всемирной федерации глухих: *«Есть специальные детские сады для слабослышащих. В обычной школе глухие предоставлены сами себе, никто с ними не общается, просто так зовут его, в результате он не развивается, общения никакого не получается. Если дети слабослышащие, если они немного слышат, их можно при соответствующей подготовке отдавать в массовую школу».*

Для лучшего развития своего ребенка родители также могут посещать и другие специальные коррекционные учреждения. Глухого или слабослышащего ребенка можно научить говорить, и помочь в этом может логопед, педагог. О занятиях с ними говорит целый ряд глухих.

Например, **Татьяна** вспоминает: *«Меня возили к логопеду из одного конца в другой конец города. В неделю три раза. Ехать далеко, и два часа составляли заниматься с логопедом».*

Михаил, главный редактор газеты, рассказывает, что *«...мама, когда обнаружила, что я глу-*

хой, нашла хорошего педагога, Лидию Праксину, которая обучала по особой системе, ставила речь, учила читать с губ».

Дмитрий, слесарь, рассказывает: *«Я в школе занимался с логопедом».*

Ираида, швея, говорит, что *до школы занималась с логопедом, чтобы быстрее научиться говорить.*

Ольга, кассир, вспоминает, что *посещала специалистов в Институте дефектологии.*

Евгений, оператор, помнит, что *часто занимался с логопедом. «Когда я первый раз пришел, на меня надели слуховой аппарат».*

Ирина, преподаватель математики, говорит, что *мама три раза в неделю водила на занятия к логопеду.*

Галина, швея, вспоминает о том, что *ходила к логопеду, «профессору», который «поднял» ей слух.*

В свою очередь, согласно мнениям экспертов, посещение специальных коррекционных учреждений для глухих и слабослышащих необходимо. Среди данных учреждений они упомянули специализированные ясли и детские сады, кабинет логопеда. Эксперты также считают, что обучение жестовому языку необходимо и родителям, если в их семье появился неслышащий ребенок.

По этому поводу **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, говорит следующее: «*Логопеды, занятия с ними, безусловно, нужны. Но мне представляются намного более важными занятия жестовым языком как раз с самого раннего возраста ребенка, а также этого языка слышащими родителями. Каким бы ни был хорошим остаточный слух, какие бы операции ребенку ни делали, какими бы ни были хорошими имплантаты, все равно ребенок не превращается в “слышащего ребенка”, у него всегда должна быть альтернатива. Во многих случаях уже в подростковом возрасте ребята не ощущают себя комфортно среди слышащих, а без жестового языка они также “белая ворона” среди глухих, где жестовый язык является основой общения. Поэтому я бы рекомендовала всем родителям, вне зависимости от состояния слуха ребенка, изучать жестовый язык. Если вы не хотите стать ненужными своим детям с нарушением слуха, освоите хотя бы основы РЖЯ! Если дети не ходят в специальный детский сад, то хорошо бы ходить в группы, где занимаются с детьми на жестовом языке. Жестовый язык никогда не мешал развитию словесной речи, он всегда способствует общему развитию».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ: «*90% глухих рождаются в семье слышащих, но слышащие родители в нашей стране, как правило, не имеют возможности уделять много времени глухим детям. Получается, что эти дети могут очень сильно отстать в развитии. Лучше, конечно же, отдавать в специальные ясли, сады.*

Там с ними работают воспитатели, их формирует и естественная среда общения, они вступают в контакт с другими. Это первые шаги социализации».

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ: *«Дети с физическими нарушениями или нарушениями слуха, зрения должны ходить в специализированные детские сады. Но желательно, чтобы их не отрывали от семьи».*

Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей, отмечает роль родителей: *«Коррекционные детские сады обучают и воспитывают ребенка, но в первую очередь развитие ребенка зависит от родителей. Родители — это все. Если ребенку до школы родители обеспечивают полный доступ к информации, имеют полноценный контакт с ним, занимаются его развитием, тогда ребенок в школе сможет обучаться по тем же программам, как и слышащий, с некоторыми коррективами на нарушение слуха».*

Как улучшить жизнь глухих и слабослышащих в дошкольном детстве

По мнению экспертов, одним из важных направлений в контексте улучшения жизни глухих и слабослышащих является создание программы ранней помощи, направленной на работу с родителями и семьями с детьми с нарушениями слуха. Прежде всего, такие программы направлены на информирование.

Например, **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, говорит о необходимости программ ранней помощи. *«Мне кажется, это краеугольный камень всего, с чего начинается образование. Это программа для детей от нуля до трех. Работа с семьями, особенно со слышащими семьями, где родился глухой или слабослышащий ребенок, чрезвычайно важна. Таким семьям нужна комплексная помощь, нужна помощь психолога, который должен объяснить родителям, что это не горе, что мир не перевернулся от того, что родился глухой ребенок. Он должен объяснить, что глухой ребенок — это абсолютно нормальный, здоровый ребенок, что он просто имеет другой способ получения информации, не через слух, а через зрение, — у него будет свой язык, он сможет нормально развиваться. В такие программы ранней помощи очень важно включать глухих педагогов, глухих пользователей жестового языка.*

Убитые горем слышащие родители маленького глухого ребенка мотаются по всей Москве (или приезжают в столицу), пытаются восстановить слух ребенку, научить его говорить и сделать подобным себе. На самом деле тратится драгоценное время, а ведь нужна просто помощь на дому. Чтобы приходили глухой и слышащий специалисты, которые бы говорили, что все нормально, учили бы элементарным правилам общения с таким ребенком. Правила очень просты, но о них редко где упоминают: не надо говорить с ребенком спиной к нему; очень важно установить зрительный контакт при общении на уровне глаз матери; ребенок должен понимать жесты матери; сама ситуация

должна быть понятна ему, почему мама внезапно побежала — на кухню, к двери, к телефону — только что была рядом спокойная мама, а вдруг ее не стало, что случилось?! Ребенок не понимает, что это мамина реакция на какой-то звук: у нее просто чайник закипел или суп убежал, телефон зазвонил, в дверь позвонили. Слышащий ребенок живет в мире звуков, а глухой ребенок, даже если у него хороший слуховой аппарат, очень многие звуковые коды может просто не понимать, не анализировать.

Родители должны иметь полный объем информации о дальнейших путях и возможностях выбора образования своего ребенка. Родители должны найти плюсы и минусы для себя и для своего ребенка и почувствовать всю меру ответственности при кройке “под себя”. Родители должны знать, что если они будут полностью избегать жестового языка в раннем возрасте, то в будущем могут возникнуть негативные последствия.

К сожалению, у многих воспитанников детских садов на момент окончания детского сада не сформирована фразовая речь. У них зачастую не сформировано мышление ни на одном языке: ни на русском, ни на жестовом. Жестовый язык — полноценный язык. Лев Выготский говорил, что это средство внутреннего мышления ребенка. Если бы было сформировано мышление хотя бы на одном языке, на жестовом, то потом любые другие языки давались бы ребенку значительно проще».

О необходимости работы с родителями говорит и **Надежда Чаушьян, председатель Москов-**

ского объединения глухих учителей: *«В первую очередь прикрепить ребенка к Центру ранней помощи, помощь родителям и ребенку должна оказываться государством. Схема помощи может быть примерно такая: у младенца обнаруживают нарушение слуха, врач ставит ему диагноз и направляет в Центр ранней помощи. А там к этому ребенку прикрепляют мобильную группу ранней помощи из четырех специалистов: психолога, который работает с родителями (они же в шоке и в горе); аудиолога для подбора слухового аппарата, логопеда для развития слухового восприятия и речи; специалиста, владеющего жестовым языком, который будет помогать членам семьи ребенка налаживать полноценный контакт с ребенком».*

Большинство глухих также говорят о необходимости знания жестового языка для воспитателей и учителей. Идеальный случай — тот, когда они сами являются глухими.

Например, **Эдуард, видеооператор**, говорит: *«Нужны воспитатели, учителя, которые знают жестовый язык, чтобы дети могли понять их. Иных нет вариантов. Надо им освоить жестовый язык».*

Раиса, кассир, также придерживается этого мнения: *«Надо, чтобы преподаватели хорошо знали жестовый язык, потому что многие неслышащие не понимают по губам, а если бы они могли общаться с детьми на жестовом языке, то могли бы объяснить ребенку, куда пойти, что сделать. А слышащих преподавателей в институте научи-*

ли многому, они грамотные, но объяснить качественно детям ничего не могут».

По мнению большинства глухих, важными вопросом также является обучение неслышащих детей использованию жестового языка.

Например, **Галина, уборщица**, рассказывает, что раньше тоже были люди, пытавшиеся запрещать жестовый язык, — только говорить голосом заставляли детей. Они считали, что глухие потом будут жить среди слышащих, а реально получалось, что у них нет нормального контакта ни со слышащими, ни с глухими, и они как белые вороны — ни к слышащим, получается, ни к глухим их нельзя отнести.

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, отмечает, что «...у советской сурдопедагогике были достижения, росли замечательные ребята, люди с нарушением слуха становились учеными, инженерами. Получали хорошую специальность. Сейчас тоже получают, но раньше общий уровень был выше. У многих глухих восстанавливалась речь, и они могли общаться голосом. Сейчас это как-то забывается. В советское время запрещалось использовать в обучении жестовый язык, теперь жестовый язык признан законодательно, теперь нам надо развивать использование жестового языка на всех уровнях, начиная с дошкольного образования и заканчивая высшим образованием».

Павел, актер, советует: «Дайте детям возможность пользоваться жестовым языком. Хо-

рошо бы собирать вместе глухих детей, чтобы они разговаривали на одном языке между собой. Давать им больше прогулок, интересных развивающих игр. И чтобы педагог всегда был рядом и мог больше с ними заниматься».

Михаил, главный редактор газеты: *«Основа человеческой психики закладывается в дошкольном возрасте. Глухонемого ребенка нужно учить читать. Он должен быть абсолютно грамотным. Слышащий человек может позволить себе с первого класса учить буквы, глухой даже письменный русский язык должен знать в четыре-пять лет. Ведь слышащий ребенок общается на русском устном языке. Глухой же может развиваться только через чтение и специальные занятия. Если нет грамотности в детском саду, то дальше школа им почти ничего не даст».*

Виолетта, учитель математики, отмечает: *«У своих знакомых я вижу, что глухие дети развиваются быстрее, общаясь жестами, в сравнении со слышащими детьми».*

Максим, видеооператор, говорит: *«Мы не общаемся, по сути, из-за того, что не слышим, как другие люди. Мы видим, как они губами шевелят, или слышим шепот, когда они говорят нормально, и не видим необходимости с ними общаться. Надо, чтобы люди знали жесты. Потому что для глухих другой альтернативы нет».*

Маргарита, домохозяйка, говорит, что надо, чтобы был жестовый язык, чтобы воспитатели знали жестовый язык.

Наталья, преподаватель, утверждает: «Я как педагог считаю, что, если узнали, что ребенок слабослышащий или полностью глухой, в первую очередь надо выучить жестовый язык. Иначе как с ним общаться, как ему открыть мир? У нас внук, ему сейчас 1 годик и 2 месяца, и мы с ним разговариваем, он у нас слабослышащий. Я ему рассказываю голосом и жестами, он все прекрасно понимает. Провели эксперимент: закрываю губы и говорю одними жестами, показываю. Привыкает. И отлично понимает все. Теперь в книгах картинки рассматривает, увязывает картинку с реальными предметами. Это первая помощь. Конечно, параллельно надо развивать слуховое восприятие, речь. Но если он маленький, пока он не умеет говорить — только жестами. Солнышко можно показать. Он смотрит — да, это солнышко. И радуется».

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста: «Я заставил бы всех воспитателей овладеть жестовым языком. Преподаватели голосом повторяют: “дом, дом, дом”, лучше бы показали жестом дом, иначе дети не понимают. Дети должны учить жестовый язык. Раз педагоги хотят работать с такими детьми, то пусть свободно владеют жестовым языком».

Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей, также отмечает важность знания жестового языка в дошкольном образовании: «Единственное, что хочу отметить, что было бы очень желательным, — это если бы педагоги в детских садах владели жестовым языком. Никто же не владеет, и это создавало дополнительный барьер в общении

с моими детьми. Домашние задания я брала у педагога, и мы быстро их делали. А в детском саду работали педагоги, которые не владеют жестовым языком, и они не могли проверить, насколько правильно мои дети отвечают на вопросы. А так, в принципе, в детских садах в те периоды, когда мои дети там были, все было хорошо. Методика хорошая, только жестовый язык следует добавить».

В свою очередь, эксперт **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, отмечает, что надо не бояться простых жестов. *«Они примитивны и созданы для детей. Общаться жестами с такими детьми необходимо. В колледже или вузе такие жесты уже не нужны, но на раннем этапе — необходимы.*

Устный и жестовый методы в детском саду должны развиваться и соприкасаться, но лучше не допускать доминирования того или иного метода, они должны идти параллельно и не смешиваться».

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, отмечает, что нужно максимально ввести в детсадах и школах жестовый язык, чтобы дети могли общаться, развиваться, жестовый язык — это язык, с помощью которого ребенок может воспринимать мир, информацию и так далее.

При этом некоторые слабослышащие рассказывают о том, что даже достаточно жесткие специальные меры по развитию слуха и речи у слабослышащих приводят к позитивным резуль-

татам. Например, **Ольга, технолог**, вспоминает: «Даже учителя специально закрывали губы, чтобы развивалось слуховое восприятие. Слабослышащие со слуха писали диктанты, а мы — с губ. А губы закрывали. Это была проблема. Благодаря слабослышащим мы учились говорить, поэтому у нас речь развивалась. А если бы попала в школу для глухих, не знаю, как развивалась бы у меня речь».

При этом некоторые глухие отстаивают точку зрения о приоритетности обучения дактилю — ручной азбуке для глухих. Например, **Марина, домохозяйка**, говорит: «Сейчас говорят, что нужно детей учить жестовому языку. Я против этого. Мне важно, чтобы дети общались больше дактильно. Тем более при большом словарном запасе. Это мое мнение. Я сужу по своему сыну. В детском саду его учили азбуке. Зная азбуку, легче перейти на жестовый язык. Я бы сделала сейчас, чтобы все глухие сначала учили азбуку, а потом переходили на жестовый язык. Это мое мнение. Все говорят, что нужно развивать жестовый язык, но я бы этого не хотела. Я хотела бы, чтобы начало было с азбуки. Я учила своего сына (разные цвета, картинки...), ему кубики показывала цветные, он по азбуке учил, как это слово звучит, пишется, и запоминал. Уж потом можно перейти на жестовый язык. Так проще».

По мнению **Андрея, преподавателя**, нужно внимательно отнестись к квалификации педагога, чтобы они соответствовали требуемому уровню, потому что это наиболее ответственный период в обучении таких детей, и особое внимание нужно проявить к раннему развитию речи в любой

ее форме. В первую очередь это письменная речь, чтобы ребенок глобально мог воспринимать слова в письменной форме. У глухого ребенка по-другому проходит развитие. Таких детей нужно обучать осмысленному чтению. Жесты должны быть вспомогательным инструментом общения. Дактилология четко показывает буквенный состав слова. Жаль, что многие пропускают чтение.

Некоторые специалисты говорят о том, что в детских садах должно происходить как обучение жестовому языку, так и изучение дактиля. Например, эксперт **Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей**, говорит по этому поводу: *«Есть детские сады, где персонал понимает, что без применения дактилологии и жестового языка процесс обучения будет весьма сложным. Вот именно в таких детсадах дети развиваются очень хорошо, с незначительным отставанием по сравнению со слышащими ребятами. Есть детские сады, в которых применение дактиля и жестового языка просто запрещено. Это очень плохо для детей, у которых родители слышащие. Учителя школы потом за голову хватаются, когда вот такие ребята поступают к ним в первый класс... Меня всегда приводят в ужас все эти запреты на дактиль и жестовый язык. Родители спрашивают, как им быть, если в детском саду запрещают им разговаривать с ребенком дома на жестовом языке и использовать дактилологию. На все вопросы у меня всегда один ответ: не слушайте их, как можно больше разговаривайте с ребенком, объясняйте ему все на свете, учите русскому языку через дактиль».*

Некоторые эксперты также критикуют советский опыт обучения глухих и слабослышащих в интернатах. Например, **Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ**, отмечает: *«В СССР была система специальных школ-интернатов, одедали, кормили за счет государства. Но были в этой системе минусы. Я считаю, что дети должны больше времени быть с родителями. А в советские времена забирали детей в школы-интернаты, они вырастали в отрыве от родителей».*

Одной из наиболее остро обсуждаемых среди экспертов тем является западная концепция инклюзивного образования, когда ребенок-инвалид в целях лучшей социализации обучается вместе со всеми детьми в равных условиях, в обычных общеобразовательных учебных заведениях (детские сады, школы и пр.). С идеальной точки зрения данная система должна помогать ребенку с ограниченными возможностями здоровья адаптироваться к миру окружающих людей и, с другой стороны, помогать окружающим людям (учителям, воспитателям, одноклассникам) научиться жить рядом с инвалидами.

Однако, по мнению экспертов, внедрение этой системы нуждается как в значительно большей степени готовности общества, так и в серьезной подготовке учителей, воспитателей и так называемых тьюторов — специалистов, помогающих ребенку-инвалиду усваивать знания наравне со всеми. По их мнению, в случае отсутствия в современных детских садах и школах большого количества подготовленных специалистов такого рода возникает целый ряд серьезных негативных послед-

ствий: рост неуспеваемости глухих и слабослышащих детей, снижение темпов обучения всего коллектива (группы в детском саду, школьного класса), возрастание напряженности и неприятие ребенка с нарушениями слуха как педагогами, так и родителями учеников.

Эксперты видят, что одновременно с процессом внедрения инклюзивного образования в стране наблюдается сокращение числа специальных коррекционных учреждений. Большинство из них полагает, что в условиях невозможности полноценной реализации концепции инклюзивного образования такого рода это сокращение — преждевременная и радикальная мера, благодаря которой общество рискует не только не дать необходимое образование, но и не обеспечить необходимого уровня социализации глухих и слабослышащих вовсе. Приведем мнения экспертов.

Например, **Антонина, учитель русского языка в школе глухих**, говорит: *«Инклюзию нам не надо. Пусть будут такие же детские сады для глухих и слабослышащих. Плюс инклюзии — слышащие дети тоже могут учить жестовый язык. В Европе есть школа такая, где мы были по обмену опытом, там я видела группу, где слышащие были, они между собой общались на жестовом языке. Это удобно для глухих. Но в подобных школах нужны специалисты по работе с глухими и слабослышащими, педагоги, воспитатели».*

Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, негативно оценивает практику внедрения

инклюзивного образования: «Знаете, у меня очень много претензий к инклюзивному образованию. Просто мировой опыт доказывает, что для успешности или просто хорошего результата требуется очень-очень много больших усилий. Многое зависит, конечно, и от самого ребенка, и от детского сада. У детей из семьи глухих одна ситуация, у детей из семьи слышащих — другая ситуация.

У инклюзивного обучения есть, конечно, плюсы, но надо понимать, что ребенку должна быть организована специальная помощь. И если говорить с точки зрения экономики, это может быть намного дороже, чем если бы ребенок обучался в специальном детском саду.

Более разумная форма — когда есть, скажем, группа слабослышащих детей в общем саду, где учатся другие слышащие дети, и они могли бы иметь специальные занятия именно для слабослышащих детей. Я бы пересмотрела, может быть, содержание обучения на специальных занятиях, но на детской площадке или на физкультуре можно проводить занятия вместе со слышащими детьми. Слышащих детей в обязательном порядке нужно обучать жестовому языку».

Татьяна, общественный деятель, рассказывает: «У меня самой дочка плохо слышит. Внук тоже плохо слышит. Я считаю, что сейчас делают неправильно, — вводят инклюзивную систему. Я против. Это очень опасно. Почему? Вы представьте: в класс придет человек, не слышит. Остальные слышат. Он будет там как умственно отсталый. Как обучать? Тот слышит, а этот не слышит. Им нужно объяснять по-разному. Уж лучше по совет-

ской системе — это правильно. А сейчас все шиворот-навыворот. Я против».

Алла, воспитатель: *«Сейчас нежелательна инклюзия. Будет затягиваться учеба. Глухие и слабослышащие чувствуют себя некомфортно, когда в смешанных группах учатся».*

Ольга, кассир, *считает, что глухим нужно в детском саду учиться, но не со слышащими. «Это будет полный распад. Нельзя так, слышащая молодежь будет быстро двигаться вперед, а глухие — нет».*

Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей: *«Бывают случаи, когда принимают глухого ребенка в обычный детский сад, но очень часто через некоторое время его отправляют в коррекционный, так как такой ребенок всегда оказывается в одиночестве, с ним не занимаются. Не потому, что педагог плохой, а просто этот ребенок другой и нуждается в другом подходе обучения... А инклюзия... в данное время в России педагогическая система к ней не готова. Я против поспешности в этом деле, чреватой абсурдом...»*

Эксперт Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, *отмечает, что «...и в дошкольном образовании, и во всем остальном сегодня стало хуже, потому что заставляют всех идти в массовую школу, придумали инклюзивное образование. Это совершенная глупость — закрывать спецшко-*

лы, с глухими детьми общаться никто не может, поэтому детям портят судьбу. Многие не понимают смысла инклюзии, считают, что инклюзивное образование — это когда все вместе. А главное не в этом, а в том, как общаться, как изучать, как учиться? Инклюзия подразумевает создание соответствующих условий, знание преподавателем жестового языка, а ничего этого нет, получается, собрали всех вместе, сэкономили деньги...

Если воспитатель знает жестовый язык, то никаких проблем, отличные отношения, если он не знает и говорит вслух: «Дети, пойдёмте» — это беда, никаких отношений нет, дети его не слушают. А когда воспитатель глухой, это вообще супер, это как вторая мама. Обычно, когда в школах для глухих у ребят возникают какие-то проблемы, все бегут, зовут глухого учителя или глухого воспитателя, который может объяснить, как себя вести».

Эксперт Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, отмечает, что если педагоги, воспитатели владеют жестовым языком или навыками общения с глухими детьми, то это одна картина. Если же они пытаются глухого ребенка научить разговаривать только вслух, без использования жестового языка, то, естественно, ребенок не будет понимать, это будет создавать нервную обстановку, раздражать как педагогов, так и самих детей.

По мнению **Евгения, иллюзиониста,** негативно влияет на обучение в дошкольных учреждениях объединение их в комплексы, сокращение количества коррекционных садов. «Я считаю, что было

бы неплохо ввести обучающие курсы для воспитателей, для обучения их жестовому языку».

При этом эксперты позитивно оценивают пример детского сада, в котором обучение слышащих и глухих идет отдельно, а времяпровождение детей организовано совместно. *О таком примере рассказывает Елена: «У нас есть группа слышащих и есть группа неслышащих, где-то восемь детей. На Ленинградском шоссе. Неспециализированный детский сад для слышащих, но там же есть группа неслышащих. Кушают вместе, спят вместе, играют вместе. Но обучение у них отдельное».*

Обобщая мнение глухих и слабослышащих с экспертами, кроме негативной оценки неподготовленного внедрения инклюзивного образования, можно выделить два основных направления улучшения жизни глухих в дошкольном возрасте: создание программ для информирования и обучения родителей и одновременное использование жестового языка и дактиля при обучении детей в детских садах.

ШКОЛЬНОЕ ДЕТСТВО ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ

Процесс обучения: массовые, коррекционные и специальные школы

Более 80% опрошенных глухих и слабослышащих обучались в специализированных, коррекционных школьных учреждениях. Глухие и слабослышащие делятся воспоминаниями о своем школьном образовании.

Вера, уборщица, рассказывает, что *в школе было хорошо, потому что там педагоги знали жестовый язык. Если педагог не знал жестовый язык, этот предмет не то что не давался, но был просто неинтересен, потому что дети не понимали этого предмета.*

Тамара, машинист, утверждает, что *«...в детском саду я все-таки общалась со слышащими, мне было сложнее, а в школе уже проще, потому что мы все одинаковые были, я имею в виду состояние слуха».*

Виктория, учитель физкультуры, говорит: *«Мне очень повезло, я росла в центре, с нами была де-*

вочка глухая, она старше меня примерно на четыре года. Она уже в школу пошла, мы с ней играли, она нас учила писать, цифры. Родители были у нее слышащие, и моя мама — слышащая. Как-то мама спросила, куда они будут отдавать свою дочь. Нас отправили в 101-ю школу для глухих, мама не знала, отдавать или нет, а после разговора с ее родителями она решила отдать меня в 30-ю школу. Меня не хотели брать в эту школу. Мама ходила, просила. Бабушка пошла в комитет, она сама педагог, попросила помощи. Оттуда позвонили в эту школу, и меня взяли».

Ольга, председатель местного отделения ВОГ, вспоминает, что в первых классах была в специальной школе-интернате, а с 5-го класса уже ходила туда утром, как в обычную школу, и вечером шла домой.

Людмила вспоминает: «В девять лет я только пошла в первый класс. Да, была коррекционная школа. Глухие думали, что никому не нужны, но потом мы узнали о специальных учебных заведениях в Москве, мы с родителями поехали туда, и меня отдали в школу-интернат».

Раиса, кассир, рассказывает, как ходила «...в школу для слабослышащих, там учителя знали жестовый язык, хотя не все, конечно. Все дети старались, учились, занимались с наушниками. И питание было, и экскурсии были — очень часто. На переменках разрешали нам на жестовом языке поговорить. Но на уроках нам запрещали жестами разговаривать. Место, где у нас находилась школа, было хорошее».

Правила в различных школах могли значительно отличаться. Например, в отличие от школы Раисы, в школе Натальи ученикам запрещали общаться на языке для глухих.

Например, **Наталья, редактор журнала**, вспоминает, что у нее в школе был категорически запрещен был дактиль и жестовый язык. *«По губам я не могла читать, потому что уже тогда зрение было не очень, в основном на слух воспринимала. С детства у меня был очень натренированный слух, потому что родители всегда говорили со мной только голосом, и я отвечала голосом. Поэтому у меня сейчас речь, по крайней мере, мне так говорят, очень хорошая, и никто не думает, что у меня с детства слух плохой».*

Надежда, пенсионер, говорит о том, что в школе ей не было комфортно. *«Запрещали говорить жестами. Требовали, чтобы говорили вслух. А мы еще не умели говорить. Сейчас с этим проблем нет. Мы общаемся. Нам стала более доступна информация благодаря СМИ».*

Марина, инженер, рассказывает, что *«...в школе запрещали жестовый язык учить, но мы все равно с одноклассниками “подпольно” между собой общались. Я часто общалась и дружила с ребятами из 101-й школы, они меня жестовому и научили. В моем классе все глухие были. Директор запретил говорить жестами, а родители меня отправляли в лагерь со слышащими, так что я нормально общалась со всеми».*

Роман, безработный, говорит: «Мы общались, дактилировали. У нас все было правильно. Даже учителя, которые не знали жестов, могли дактилировать, общаясь с нами. Мы считывали с губ, потому что у педагогов была хорошая артикуляция. Нас заставляли читать по губам, и мы внимательно смотрели и понимали».

Ольга, председатель местного отделения ВОГ, вспоминает, что учитель вызывала детей к доске и просила говорить вслух, поправляя, если требовалось, их произношение. «Преподаватели были хорошие и давали много знаний. Сейчас уже не так. Дочка у меня слышащая и ходит в обычную школу, а с внучкой я дома занимаюсь. Мой муж хорошо знает математику и учит внучек, глухой учит слышащих!»

Надежда, пенсионер, вспоминает, что в группе продленного дня воспитатели часто менялись. Жестового языка никто не знал. Приходилось все писать на бумаге. Это было очень трудно.

Маргарита, упаковщица, рассказывает: «Родители у одноклассников все слышащие были, оберегали их, а на меня смотрели с жалостью: “Ой, ой”. Мы с девочками стояли там в одном месте, они: “Ой, какая ты некрасивая, а моя дочка красивая”. Я в шоке, как можно мне говорить такое?»

Наталья, преподаватель, отмечает, что в школе было по-разному. «В школе для глухих у меня были отличные отношения. А в школе для слабослышащих меня воспринимали... говорили:

“глухая пришла”. И логопед со мной даже не занимался вообще. Брал с уроков других ребят, но не меня. Это меня очень сильно обижало. Я хотела говорить, хотела научиться говорить, чтобы меня понимали. И с учителями-предметниками были сложные отношения».

Владимир, преподаватель, говорит, что в школе отношения были доброжелательными, особенно в последних классах. *«У нас были необычные учителя. Они преподавали, используя жесты».*

Сергей, инженер, говорит, что с учителями в школе были уважительные отношения, я внимательно их слушал, старался развиваться. *«С глухими ребятами дружил, а если кто был слышащий, я немного их сторонился. С ними общаться труднее, чем с глухими».*

Дима, слесарь, говорит: *«Классная руководительница была глухая, она окончила институт, с ней хорошо было общаться, она вложила в меня много знаний. В классе все были из семей глухих, и все разговаривали со слышащими посредством письма. Хорошие были отношения».*

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, вспоминает, что, когда учился, все воспитатели знали жестовый язык. *«Мне было легко, поэтому я неплохо развит».*

Обучавшийся в обычной школе **Михаил, главный редактор газеты,** говорит: *«Спасало то, что*

я очень грамотный, и все слышащие в классе у меня списывали. Благодаря этому меня школа не травмировала».

Так же, как и в обычных школах, успехи в обучении в специальных (коррекционных) школах в значительной степени зависят от конкретных учителей и учеников.

Обучавшийся в специальной школе **Илья, студент**, вспоминает: *«Это был ужас. Например, я не понимал, а учитель говорил, что это моя проблема. Он показывал жест, который означал “сам”. С некоторыми предметами были проблемы. Например, русский, литература. Часто менялись учителя. Мы привыкали к одним, а потом они менялись».*

Илона, упаковщица, вспоминает, что преподаватели в вечерней школе были слышащие, и учиться было тяжело. *«Учитель просил только переписать материал, мы переписывали, но мы до конца не понимали, о чем там речь. В моей группе вечерней школы были глухие и слабослышащие. И ребята не имели интереса к учебе, многие пропускали занятия. Многие говорили, что скучно учиться, потому что неинтересно им рассказывали».*

Вячеслав, резчик по дереву, вспоминает, что в школе были сложности. Программа не нравилась. Было разделение на классы по способностям — «А», «Б», «В», «Г», в «А» учились слабослышащие с I–II степенью потери слуха, они лучше учились,

больше понимали. А у Вячеслава II–III степень, он не успевал, в пятом классе дважды учился. Учителя разные были, многие на уроках торопились, а дети не понимали.

Алексей, актер, рассказывает, что в его школе были скандалы с педагогами, потому что все слышащие педагоги не знали жестового языка. «Я понимал, что я слабослышащий, а они слышащие. Они же не понимали. Поэтому я говорил педагогу, как правильнее было бы общаться с глухими детьми, и на этом фоне были стычки».

Алла, воспитатель коррекционной школы, рассказывает: «Мама не знала, в какую школу меня отдать. Школа попалась слабая, и там мне было неинтересно. Мне бы в сильную школу, но видите, не повезло. А преподаватели повторяли тем, кто не понял материал. Учителя математики, например, я не понимала. Учителя по биологии жесты были прекрасные. Мне нравилось, как она говорит, мне было очень комфортно на ее уроках. Я с удовольствием выполняла задания, училась, отвечала на вопросы. А учитель математики жестов не знала, и мне было очень сложно. Я без желания выполняла домашнее задание по математике, переписывала у подружки. А сейчас я — преподаватель информатики и математики».

Многие из глухих негативно вспоминают отношения с воспитателями в специальных школах-интернатах. Например, **Андрей, продавец,** говорит, что учителя были разными. «Они тоже имеют предел терпения, поэтому в зависимости

от нашего поведения они соответственно к нам относились. Я жил в интернате, воспитатели иногда были жестокими. Меня били ключами, это было больно. Я до сих пор храню в своей памяти случаи, когда били ключами, это действительно болезненно. И мне приходилось воспитателям отвечать тем же, можете себе представить. Это было ужасно, но раз она так ко мне, приходилось кулаками отвечать. Хорошо бы в школе учили морали и нормам поведения, но ведь взрослые сами эти моральные нормы нарушают».

Как правило, обучение в обычных школах для глухих и слабослышащих носит вынужденный характер или связано с желанием родителей.

Например, **Михаил, главный редактор газеты**, вспоминает, что *поменял четыре обычные школы в военных городках. «Потом, когда вернулся в Москву, я пошел в школу для слабослышащих, № 30».*

Валентина говорит: *«Я училась в школе массовой, в деревне, там не было спецклассов. Но потом выяснилось, что я глухая, и папа устроил меня в спецшколу в Белоруссии».*

В контексте продолжения образования положение глухих и слабослышащих или позднооглохших существенно различается. Полноценный процесс обучения каждой из этих категорий должен иметь свою специфику. Несмотря на это, индивидуальные обстоятельства жизни не всегда позволяют следовать этому принципу.

Например, **Галина, уборщица**, рассказывает, что поступила в школу для слабослышащих. *«После этого построили новое здание, потому что это была старая школа, и нужно было переехать в другую школу, а ездить было далеко. Родители решили отдать меня в школу для глухих детей, потому что эта школа находилась около дома, родители работали, при этом не имели достаточно средств, чтобы нанять няню. Я сама ходила в школу. В итоге я жестовый язык знала, со слабослышащими и с глухими общалась свободно».*

В некоторых случаях свою роль играет качество образования в конкретной школе. Например, **Наталья, преподаватель**, вспоминает: *«Я ходила в две специальные школы. Первая школа была для глухих детей. Я прouчилась там до шестого класса. Училась отлично, даже перескочила через два класса, а потом ушла в 30-ю школу — в школу для слабослышащих. В то время она считалась очень сильной школой. Так я окончила спецшколу для слабослышащих».*

Большинство из глухих и слабослышащих, что обучались в обычных, массовых школах, вспоминают о значительных сложностях в процессе своего обучения. Многим из них приходилось переходить в специальные школы.

Например, **Елена, воспитатель**, рассказывает: *«Я старалась поближе к доске садиться, это я помню точно. Потом, конечно, сложности были в том, что все мои сверстники воспринимали нормально материал, который давал педагог, учителя, кста-*

ти, у нас хорошие были. Я же готовилась в два раза больше. Потому что я где-то не все слышала. Вы понимаете, в старших классах были лекции, а я писать не могла. Мне не хотелось показывать, что я особенная, поэтому я приходила домой, открывала книги и все то, что я в школе пропустила, наверстывала дома. А в младших классах — там были постоянные педагоги, игры, я даже не чувствовала, что плохо слышу. В целом я хорошо училась. Мне папа поставил телефон с усилителем. Общаться по нему я вполне могла сама».

Раиса, кассир, вспоминает, что *«...в обычной школе учительница говорила, а я же ее не слышала, я ничего не понимала. Училась на одни двойки. Но маме подсказали, что надо дочь отправить в специальную школу, она вместе с нормальными людьми не может учиться. Не отличница была, учиться было тяжело, я старалась, математика давалась с трудом. Но училась в школе, и мне помогали».*

Михаил, главный редактор газеты: *«Когда попал в 30-ю школу, обнаружил много таких же, как и я. Чисто технически проще в школе для слабослышащих. Там учителя четко говорят, программа растянута по времени. Я из 6-го класса массовой школы попал прямо в 8-й класс школы № 30. В обычных школах программу проходят быстрее».*

Несмотря на то что обучение глухого или слабослышащего в обычной школе носит значительно более сложный характер, эксперты отмечают,

что это может дать результат в случае готовности ребенка к преодолению трудностей и поддержке со стороны семьи. В этом вопросе ценным является экспертное мнение **Виктора Паленного, главного редактора журнала ВОГ**: *«Обучать в обычной школе или нет — ответ на этот вопрос зависит от ряда факторов. Особый фактор — семья ребенка: могут ли родители уделять внимание ребенку, заниматься с ним дополнительно... Важную роль играет характер ребенка... Если он нацелен на самоутверждение, может стерпеть грубость окружающих, то, в принципе, можно пойти на эксперимент и отдать его в обычную школу поблизости (если спецшкола имеется далеко, в другом городе). Родители будут его поддерживать. Если же родители не могут с ним заниматься или ребенок очень раним, то лучше не рисковать, потому что он замкнется, будет забытым. И мир будет представляться ему враждебным. Лучше отдать его в специальную школу. Там существуют программы для таких детей. С разработанными методиками преподавания. Другое дело, что сурдопедагоги очень боятся использовать на уроках жесты. И напрасно. На уроках слишком много времени уделяется “развитию речи” (учитель закрывает рот тетрадкой и что-то говорит, потом спрашивает: “Что я сказал?”) в ущерб познавательной деятельности. Учителя также делают упор на воспитание умения читать с губ. Это вообще-то важно, но этим должны заниматься логопеды — на специально организованных занятиях. И я считаю, что умение читать по губам сродни искусству, эти способности есть не у каждого. Вы знаете, в школе всех учат рисовать, но многие ли становятся ху-*

дожниками? Моя жена хорошо понимает по губам, талант у нее есть к этому. У меня нет, при хорошей артикуляции понимаю процентов 30. Мой коллега вообще глухой, ему это умение очень нужно, но он абсолютно не понимает по губам. А слышащие почему-то считают, что глухие поголовно умеют читать с губ».

Тезис о необходимости использования жестового языка в дошкольном обучении, высказанный как экспертами, так и со стороны глухих и слабослышащих, продолжается в применении и к школьному образованию.

Нина, член ВОГ, вспоминает, что в ее время учителя жестового языка не знали. *«Учителя детям запрещали жестовый язык. А мы, как приличные дети, головой кивали, мол, все понимаем, понимаем. Пытались зубрить то, что есть в учебнике. Кто зазубрил и отвечал “чисто”, тому ставили пятерку. Занимались зубрежкой, а в голове было пусто. Ну, послевоенное время, в школе кто знал жестовый язык? Учителя — никто из них не знал жестовый язык. Но учителя были довольны, все дети дисциплинированные, уроки отсиживали, все задания выполняли, и проблем не было, все спокойно, тихо».*

Например, эксперт **Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей**, отмечает: *«Любой педагог или воспитатель, который работает с детьми с нарушением слуха, обязан знать жестовый язык. Он может не пользоваться им в своей работе, но он обязан по-*

нимать все, что говорит воспитанник на жестовом языке. Во всех школах проверено: если педагогический работник владеет жестовым языком, то этому специалисту очень легко находить общий язык с детьми, он пользуется у них большим авторитетом, процесс обучения идет быстрыми темпами, ребенку дается больший объем информации. Если учитель не владеет жестовым языком, материал объясняет устно, то в большинстве случаев у такого педагога ученик не будет “дружить” с русским языком.

Приведу маленький, но яркий пример этого. Была какая-то конференция по педагогике в перестроечные времена: делегатов пригласили на показательные уроки в очень хорошую школу № 37 (в советское время — знаменитая школа при НИИД). Я попала на урок литературы, тема была — “Дети подземелья” Короленко. Урок проходил слаженно, дети говорили устно, на слух даже могли распознавать, что говорил через щиток учитель. Дети неплохо отвечали, чувствовалось, что их хорошо подготовили. Урок закончился, в коридоре я на жестовом языке и дактильно спрашиваю: “Что такое — «бродяга»”? Тогда в классе это слова несколько раз произносилось, его писали на доске. В ответ дети пожали плечами... Пришлось на жестовом языке быстро объяснить значение этого слова.

В другой школе третьеклассник сказал на дактиле: “Доброе утро”, спрашиваю: “Что это такое — «доброе утро»?” Милый мальчик сказал, что не знает!!! Он просто запомнил, что нужно говорить “доброе утро”, и все. Когда ему объяснила жестами смысл этого предложения, его лицо озарилось улыбкой, он воскликнул: “Я понял!” Теперь мальчик

в седьмом классе, и все эти годы по утрам он меня встречал обязательным “Доброе утро!” с неизменной широкой улыбкой...»

Эксперт Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО, также считает, что нужно вводить уроки жестового языка в школе. *«Учителей нужно обучать жестовому языку. Это улучшит и образовательный процесс, и процесс общения. Педагоги просят ввести уроки жестового языка в учебный план и сделать из него программный материал, сдавать экзамены по нему и так далее. В школе жестовый язык должен быть, но без русского языка никак нельзя. Необходимо как-то общаться, проводить экскурсии на природу, в музеи... В этих ситуациях будет использован и жестовый язык, и словесный язык.*

Важно, чтобы сами учителя-предметники хотя бы на минимальном уровне владели жестовым языком. Нельзя требовать от ученика повторения или понимания, если он вообще не понял учителя. Предположим, что этот ученик пришел из другой школы, ему необходимо подсказать, помочь. А как это сделать, если учитель не владеет жестовым языком? Я была во многих зарубежных странах, и там это не представляет проблемы для учителя. Жестовый язык нельзя называть вспомогательным. Он просто есть. Кстати, глухие очень тревожатся, когда слышат слово “вспомогательный”. Просто необходимо принять, что этот язык есть, и не затрагивать лишний раз эту тему, а воспринять это как само собой разумеющееся. Может, необходимо подкорректировать какие-то часы, чтоб ввести этот язык для изучения.

В нашей школе есть такой предмет, как развитие речи, — там глухие дети учатся говорить с логопедом, с психологом. Там тоже возможно использовать этот язык, так как психолог должен докопаться до самого дна проблемы. Но не так тотально, как этого хотят глухие. Я, например, больше за использование письменной речи. Например, логопед ставит глухому шипящие звуки или какие-то другие, так как глухому очень трудно поставить правильное произношение. Так вот логопеду жестовый язык нужен меньше. В этой области очень много споров, я имею в виду область среднего образования. Но главное, чтобы и русский язык, и жестовый язык шли параллельно и способствовали развитию ребят. Кстати, я это говорю и самим глухим. Я хорошо владею жестовой речью. Я работала в школе с глухими и выросла с глухими в свое время.

Жестовая речь — это подсказка. Я за то, чтобы глухие хорошо писали. Это поможет решению вопроса коммуникации».

По мнению эксперта **Анны Комаровой, директора Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, в спецшколах обычно глухие дети тянутся на занятия к глухим педагогам. Потому что у них есть общий язык. Если даже официальная политика школы не приветствует жестовый язык, то все равно глухие учителя и глухие ученики лучше понимают друг друга. Поэтому глухие дети тянутся к глухим педагогам. В обычной школе или детском саду детей с нарушением слуха либо жалеют, либо слишком снисходительно относятся, либо просто игнорируют.**

Эксперт **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, высказывает: *«Я, конечно, не говорю о том, чтобы математика осуществлялась на русском жестовом языке полностью. Есть такое понятие — “билингвизм”, человек должен легко переходить с одного языка на другой. Понятно, непонятно — объясним. Объяснить какую-то условную химическую реакцию, к примеру, на жестовом языке, в трехмерном измерении, с описанием этих процессов, скорости их течения намного легче. Объяснять химические процессы глухим детям устно очень сложно, они будут смотреть и пытаться понять слова, а не процесс. У них совсем другое когнитивное восприятие. И поэтому я считаю, что на жестовом языке они поймут быстрее и лучше сам процесс, а потом уже им намного легче будет это все описать на русском языке в письменной или устной форме. Если у глухих детей иное восприятие, то зачем использовать тот канал коммуникации, через который информация хуже проходит, условно говоря. Этого я не могу понять.*

Вывод: каждый учитель должен знать жестовый язык. Но они должны учить по методике, чтобы ребята говорили. Это важно и нужно продолжать. Получается у человека произносить звуки — хорошо, будем учить дальше. У другого не получается — дайте ему возможность выразить себя письменно, дайте ему возможность излагать свои мысли на жестовом языке. Поверьте, он будет много читать, если у него останется интерес к учебе. А начитанный, грамотный человек — прекрасный специалист в любой сфере. Все равно ни тот, кто хорошо говорит, ни тот, кто вообще не

говорит, не будут летчиками. У них одинаковый выбор профессии».

Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей, рассказывает: *«Я пользовалась слуховым аппаратом, и мне было легко учиться. Другой вопрос, что в моем классе были глухие дети, им было трудно учиться, и очень часто бывало так, что учителя меня просили, чтобы я дополнительно поговорила с моими глухими одноклассниками, могла им, объясняла какие-то правила, и я использовала при этом жестовый язык. Жестовый язык я выучила относительно поздно. Он мне очень пригодился в школе, я на жестовом языке объясняла учебный материал своим одноклассникам. Очень желательно, чтобы педагоги, которые работают с детьми в этой школе, проходили какую-то аттестацию на предмет знания жестового языка. Хотя бы основ, потому что работать с ребенком с нарушением слуха и не знать его родного языка не стоит».*

Многие глухие и слабослышащие резко негативно вспоминают, что им не давали использовать жестовый язык или его не знали сами учителя.

Например, **Ирина, социальный работник,** вспоминает: *«Нам запрещали использовать жестовый язык и учили только читать по губам, а дети на уроках отвлекаются... в окошко посмотрел и пропустил вопрос, соответственно, получаешь двойку. Преподаватели, казалось, сами не следовали своим правилам».*

Нина рассказывает: *«Запрещали нам разговаривать на жестовом языке, даже били по рукам».*

Татьяна, уборщица, тоже рассказывает, что учителя запрещали жестами общаться, били за это, только по губам: *«Да-да-да, как только видели, что мы общаемся между собой жестами».*

Екатерина, кассир, рассказывает о школе: *«Преподаватели жестового почти не знали. Много говорили, не все понятно было. Трудно было. Они рассказывали что-то, но ничего не показывали, не у всех артикуляция хорошая, и мы только кивали головами».*

Об аналогичной ситуации вспоминает и **воспитатель Дмитрий**: *«В школе для глухих не было никаких проблем, а в школе для слабослышащих — да, были в начале проблемы, потому что учителя не использовали жесты, я не был приспособлен к этим условиям, потом я начал учиться читать по губам».*

У журналиста **Валерия** была обратная ситуация — окружающие в школе говорили на жестовом языке, который поначалу он плохо понимал: *«В школе мы сидели за партами, а парты стояли полукругом. ...Мы сидим, и при каждой парте — наушники. Мы включаем, надеваем на голову наушники, аппарата своего у меня тогда не было, точнее, мама купила аппарат, но это был какой-то “космический” прибор, тяжеленные такие батареи, надо было таскать полчаса... весь мир видел — идет глухой. Я очень стеснялся этого, тяжело, неудобно*

аппарат носить. Потом нашли мне аппарат-заушину, когда в Москву приехал, журналистом стал работать. В школе была проблема, ребята в интернате шпарили жестами, а я был приходящим. Поэтому я как-то не втянулся в жестовый язык, я разговаривал голосом, в школе жесты были строго запрещены, строго-настрого запрещены. Вообще, это правильно, ведь если ребенок научился сначала жестам, значит, он пошел самым простым путем, потом говорить голосом не захочет. Легко говорить жестами, а голосом — это трудно».

Вместе с тем необходимость существования в мире с полноценно слышащими людьми предполагает и необходимость овладевать навыками разговора голосом. Об этом, например, говорит **Наталья**: *«В школе сначала у меня не было никаких трудностей. А когда поступила в 30-ю школу, там нельзя было использовать жестовый язык. Поэтому мне, глухой, было очень-очень трудно разговаривать с ребятами. Но как-то приспособилась, научилась со временем говорить. Самое удивительное, стали считать, что я слышу лучше, чем слабослышащие. Это было интересно! Я научилась, сама себя заставила, работала над собой».*

Эксперты отмечают, что благодаря современным технологиям общение глухих и слышащих становится проще. Например, эксперт **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, высказывает следующее мнение: *«Если говорить о школьных годах, то во дворе у меня было мало друзей именно потому, что мне были непонятны их речи. Они ко мне хо-*

рошо относились, в футбол поиграть не проблема, и в хоккее тоже. Когда они залезли на лавочку, начинали грызть семечки и болтать, болтать, мне становилось неинтересно. Я их не понимал. Переспрашивать их смысла нет. Объяснять мне никто не будет. Очень редко встречаются ребята, которые делали бы все для того, чтобы все посиделки были понятны глухим. Сейчас эта проблема уходит благодаря соцсетям, это позволяет в полном объеме эти шепталки осуществлять. Глухие ребята все видят, они все понимают. Они могут знать сленг и могут спокойно общаться. И у меня слышащая дочь спокойно общается со слабослышащими друзьями и детьми моих друзей на одном и том же сленге. То есть проблемы меняются со временем. В мое время не было таких соцсетей».

Внешкольная жизнь — кружки и секции

Как и все дети, глухие и слабослышащие дети посещают различные секции и кружки. Более 50% лиц, опрошенных для данной книги, посещали секции или кружки. Абсолютное большинство из них позитивно вспоминает этот опыт. В значительном количестве случаев одни и те же кружки посещали как глухие, так и слышащие дети. Последствия такого рода общения оцениваются позитивно.

Например, согласно рассказу **Ольги, председателя местного отделения ВОГ**, она посещала гимнастику: «Тренер гимнастики был слышащий, группы делились на глухих и слабослышащих. Были

еще три-четыре слышащие девочки». Павел, актер, рассказывает о том, что он ходил в кружок ИЗО. «Я любил театр и участвовал в постановках и концертах художественной самодеятельности. Участвовал в разных конкурсах».

Евгений, иллюзионист, говорит, что участвовал в мероприятиях художественной самодеятельности, а позже начал заниматься фокусами.

Виктория, учитель физкультуры, говорит, что в школе очень хорошо была поставлена спортивная работа, и она ходила в секцию спортивной гимнастики.

Виолетта, учитель математики, рассказывает, что занималась спортом: плаванием, греблей, легкой атлетикой, стрельбой, баскетболом, волейболом, теннисом.

Сергей, инженер, говорит о том, что у него первый разряд по плаванию. «Благодаря этому у меня очень хорошая дисциплина, пригодилось в жизни».

Надежда вспоминает, что мальчиков отправляли в кружок «по металлу», а девочек — в кружки шитья. «А затем менялись. Мы вырезали напильником. Мальчики шили фартуки и рукавички. Такая программа была. Потом домоводство было».

Ольга, технолог, увлекалась баскетболом, участвовала в соревнованиях, посещала кружок вышивания. 12 лет училась в школе-интернате.

Светлана, актриса, рассказывает, что ходила в школе в кружки. «Но потом перестала, так как попала в аварию — сломала ногу. Очень хотелось. Но боялась снова сломать что-то. А позже стала ходить в театральный кружок. Мы ставили школьные спектакли».

Алла, воспитатель: «Когда я была маленькая, я занималась баскетболом несколько месяцев. Закрыли, к сожалению. Потом я пошла в кружок вязания. Затем на плавание ходила, занималась».

Елена, воспитатель коррекционной школы, рассказывает, что хорошо рисовала. «Я каждый год ездила в обычный лагерь. Меня родители отвозили, когда училась в начальной школе, а в старшей уже сложнее было. Я раз съездила и стесняться стала. А в начальной школе, в 1, 2, 3, 4-м классах, я ездила в обычный массовый лагерь. Там кружки интересные очень были: чеканка, рисование и все в этом роде. Мне не было дискомфортно. Потому что я выбирала сама. Я еще много лет ходила на плавание».

Никита, тренер, рассказывает, что посещал кружки после школы. «Цирковое искусство, клоунада, пантомима... И спортом занимался, ходил на тренировки. Это в послешкольные годы. А в школьные — ходил на художественные курсы, но потом не понравилось, и я перевелся в спорт».

Ольга, кассир, вспоминает, что ходила в театральный кружок, где руководил Слипченко, известный слабослышащий актер. «Два года там за-

нималась. Еще посещала курсы в техникуме легкой промышленности».

Изабель, студентка, говорит, что пять лет занималась спортом.

Дмитрий ходил на шахматы, плавание. «Секции баскетбола, футбола посещал. В хоккее играл. Все школьные кружки прошел».

Евгения, председатель местного отделения ВОГ, говорит, что обучалась чтению, ходила в кружки вышивания и вязания, занималась художественной самодеятельностью. «Я до сих пор люблю танцевать».

Роберт, режиссер Театра мимики и жеста, вспоминает: «Я был членом клубов по баскетболу и по легкой атлетике».

Александр рассказывает, что он — бывший руководитель фотокружка в школе, там учил детей фотографировать. «Кинемехаником школы был, показывал там фильмы. Когда я учился на заочном отделении, раз в неделю ходил в школу работать кинемехаником. Мне 22 года было тогда. Ко мне ходили все, учились у меня. Борьбой занимался еще со слышащими, карате».

Надежда, председатель местного отделения ВОГ, говорит о том, что спортом занималась, участвовала в соревнованиях. «Играла в волейбол, ездила по городам на соревнования. Это — в школьные годы. Потом была сборная Москвы, и я входила в нее. Ездили по России».

Светлана, работник ручной сборки, вспоминает, что «...раньше были кружки — работали с кожей, шили кожу, приклеивали... Был кружок, мы работали с искусственным мехом, какие-то подделки делали. Был еще кружок макраме... кружок вышивания бисером».

Анна, школьница, рассказывает: «Занимаюсь спортом. В секции, где только глухие. Тренер слабослышащий. Я участвую в соревнованиях среди слышащих. Легкой атлетикой занимаюсь, прыгаю в высоту».

Эксперты говорят о том, что посещение различных секций и внешкольных мероприятий полезно и необходимо для глухих и слабослышащих детей. Однако по причине объединения школ и закрытия специализированных многие кружки закрываются. Эксперты резко негативно оценивают происходящее.

Например, **Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ,** говорит: «Сейчас происходит катастрофа. При сливании учебных учреждений исчезают всякие секции, кружки. Нам говорят: у нас в каждом районе есть центры, приводите туда своих детей, пусть там и занимаются. Они не понимают, что школа — это особенный дом, глухие там не только учатся, после уроков они идут во двор, в зал заниматься спортом, волейболом, кто-то вышивает, что-то делает. Это все было в мое время. Глухие могли развивать свои таланты. Они многое умели делать руками. Они были при деле. И все это было в стенах школы. Были кружки жестовой песни... Это очень важно для глухого ре-

бенка, потому что он может проявить свои таланты. Эти кружки повышают самоуважение, ребята чувствуют себя увереннее. А когда человек так себя чувствует, он настроен к миру доброжелательно. Даже к тем, с кем ему трудно общаться».

По мнению **Александра Иванова, начальника отдела реабилитации ВОГ**: «*Дети посещают кружки, и это необходимо. Глухой человек всегда испытывает дефицит информации. Если слышащий легко усваивает большой объем информации с помощью слуха, то глухому надо обязательно прочесть и это увидеть. Поэтому кружки, естественно, способствуют лучшему восприятию, более глубокому познанию мира. Кружки способствуют развитию разных способностей. Если у нас глухие люди любят рисовать, допустим, лепить, то таланты надо развивать».*

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, рассказывает, что в коррекционных школах, в спецшколах обычно обязательны всякие кружки. «*Дети с удовольствием ходили и в спортивные секции, и в творческие коллективы, и в художественные кружки, кто-то вышивал, кто-то рисовал, выбор был богатый».*

Общение между глухими и слышащими в школьном возрасте

Большинство глухих и слабослышащих говорят о сложностях в общении со слышащими в школьном возрасте.

Например, **Марина, педагог**, рассказывает: *«Слышащих друзей не было, я старалась не общаться со слышащими, потому что это было сложно, приходилось переписываться... и были еще какие-то трудности в общении со слышащими, поэтому я больше со своими жестами общалась. Если слышащий знает жестовый язык, мне не страшно, я могу с ним общаться, а если по переписке — особого желания нет».*

Марина, домохозяйка, вспоминает: *«Я очень стеснялась общаться со слышащими. Было страшно даже. Когда покупали билет в кино, всегда смотрела, кто сзади в очереди. Если стоял молодой парень, то из очереди уходила, чтобы не узнали, что я глухая. Я стеснялась своего голоса. Вдруг я что-то не так скажу».*

Сергей, говорит, что со слышащими вроде не общался, даже точно не помнит, вместе играли в футбол со слышащими, а общения как такового не было, разве только записки писали.

Андрей, продавец, утверждает — было больше глухих друзей, чем слышащих: *«Со слышащими у нас была война, иногда драки устраивали. Но иногда и по-дружески в футбол играли вместе».*

Вера, уборщица, отмечает, что слышащих друзей было немного, процентов десять. Они старались изучить жесты.

Михаил, актер, говорит, что слышащих друзей у него не было, только глухие.

Максим, видеооператор, утверждает, что *слышащих не было. «Только во взрослой жизни у меня появились такие друзья, а тогда, в школьные годы — нет».*

Вячеслав, резчик по дереву, рассказывает, что *«очень много общался со слышащими. В летний лагерь ездил, там были друзья среди слышащих. Они учили меня, как говорить буквы, а я в свою очередь показывал ручную азбуку».*

Александр, технолог, говорит, что *друзей не было слышащих, все были глухие и слабослышащие.*

Наталья, преподаватель, рассказывает, что *у нее слышащих друзей не было. «Но за мной пытались ухаживать слышащие парни, было такое дело. Но поскольку я не могла с ними дружить, я говорила, что я не слышу. Они отвечали: “Ну и что!” Может быть, у меня был какой-то комплекс, не могла гулять с таким парнем, встречаться. Я же не слышу, а он слышит».*

Галина рассказывает, что *«...слышащих друзей не было, были только глухие и постарше меня. Слышащие в основном — двоюродные братья и сестры. Я жила в семье у тети и дружила с ее сыновьями. Сейчас удивляюсь, почему они не выучили жестовый язык. Братья дактиль выучили, а жестовый язык — нет».*

Однако целый ряд глухих и слабослышащих рассказывают и о своих дружеских отношениях с полноценно слышащими. **Светлана, актриса,**

рассказывает, что «...друзья слышащие были и хотели даже изучать жестовый язык. Я с удовольствием помогала. Учила дактилю и жестовому языку».

Алла, воспитатель коррекционной школы, утверждает, что были слышащие друзья на даче, во дворе. «Общались домашними жестами. Как в детстве. Бровь — это буква “б”... Волосы — буква “в”. И так далее. На бумажечке писали, да. Но друзья учили немного наш язык. Дактиль им было сложно выучить, а жесты старались учить. Сестра тоже мне помогала, переводила. Устно сложно общаться. Глаза очень устают. Сильно напрягаешься, следя за губами, артикуляцией».

Вера вспоминает, что у нее были слышащие друзья. «Я росла и с детства имела друзей. Они жесты не изучали, они меня на слух понимали».

Анна, педагог, отмечает, что «...были слышащие друзья, учить жестовый язык никто не старался, я сама их понимала по губам».

Ольга, кассир, рассказывает, что «...ребята, имеющие глухих родителей, сами только с глухими общаются. А у меня все родственники слышащие, поэтому с ними общалась. И во дворе были слышащие ребята».

Александр вспоминает, что в школе только глухие учились. «С сентября по май учился, а летом на даче общался со слышащими, мы на рыбалку ходили, купались, в футбол играли. Великолепно общались».

Ольга вспоминает: «Слышащие друзья были. Мы жили близко, в одном доме, с детства. Выросли практически в одном дворе. Мы общались во дворе. Главное, друзья с детства все знали дактиль, жесты они понимали немного».

Светлана вспоминает: «В школьные годы у меня друзья были глухие, и со слышащими я общалась только летом. Некоторые люди, с которыми я общалась в деревне, просили научить их дактилологии и простым жестам. Иногда мы общались письменно».

Евгений, инженер, говорит о том, что он учился в обычной школе, поэтому друзья были слышащие.

На вопрос о том, как строятся дружеские отношения у глухих с себе подобными и со слышащими, отвечает **Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ**: «Бывает по-разному. Зависит от общей культуры. В деревнях слышащие могут издеваться, а в городах они "помягче". Слышащие привыкли, что на улице встречаются люди, которые машут руками. По телевизору могут где-то увидеть, как глухие говорят жестами. Многие глухие дети во дворе могут дружить со слышащими. Например, в свое время мы играли во дворе в футбол. Если что-то было непонятно, писали на бумажке, некоторые даже осваивали ручную азбуку, но, как правило, дружба заканчивается в 14–15 лет. Какой-то разлом идет, потому что мальчики в это время начинают интересоваться девочками, влюбляются. И как-то

само собой мы расходимся, просто перестаем общаться. Были мальчиками — стали юношами. Мы влюбляемся не в слышащих девочек, а в себе подобных, потому что самое главное — это комфортное общение.

Как улучшить жизнь глухих и слабослышащих в школьный период жизни

Острая критика инклюзивного образования со стороны глухих, слабослышащих респондентов и экспертов становится еще жестче. По мнению абсолютного большинства, необходимо остановить внедрение концепции инклюзивного образования и сохранить специализированные школы для глухих. Приведем мнения глухих, слабослышащих и экспертов.

Например, **Раиса, уборщица**, высказывает: *«Отменить бы интеграцию. Чтобы все учились отдельно по своим программам, а то будут и насмешки, и дразнилки, и неприязнь к глухим. Лучше, когда глухие отдельно, слышащие отдельно, это было бы нормально».*

Марина, инженер: *«Я считаю, что таким, как я, глухим и слабослышащим, нельзя учиться вместе со слышащими. В обычной школе учитель не будет поворачиваться к глухому, чтобы видна была артикуляция. Глухой будет постоянно ошибаться, нервничать. Нельзя объединять. А уже после школы обязательно глухим лучше вместе*

со слышащими учиться, привыкать постепенно. Поэтому я против объединения школ».

Дмитрий, воспитатель коррекционной школы, утверждает, что нужно сохранить коррекционные школы. *«Сейчас идет такая тенденция, коррекционные школы пытаются сокращать. Инклюзия наступает. Я сам вижу, какой результат дает необдуманная политика государства. Если ребенок специально подготовлен, то может учиться совместно со слышащими, а если нет — тогда ему только сюда (в коррекционную школу). А если в семье все глухие, он знает только жестовый язык (за редким исключением), то не сможет в условиях таких учиться — у него дорога только сюда, в коррекционную школу».*

Елена, воспитатель в коррекционной школе, говорит, что *«...слышащие решили, что только в инклюзии глухой может развиваться полноценно. Я не согласна с этим, это неправда. Нужно предоставить глухим людям выбор, чтобы они сами решали, где они могут учиться — в спецшколе или в массовой. После того как начали закрывать коррекционные школы, мне как-то не по себе стало. Что нас дальше ждет? Это первые шаги, а дальше еще хуже будет. В этом плане мне очень тревожно и за свое будущее тоже. И за будущее детей, потому что у меня много знакомых глухих, у которых дети. Что же их ждет?!»*

Алла, воспитатель коррекционной школы, говорит: *«Не надо интеграции. Учитель стоит без переводчика, что-то говорит. А я не понимаю, глаза*

болят, голова болит, считывать с губ невозможно. Но не в отсутствии переводчика дело. Нужно, чтобы все глухие были отдельно, слышащие — отдельно. Общаться, играть — пожалуйста, было бы здорово, а учиться вместе — нет. Играть хорошо с ними. Там в баскетбол, в прятки, но общаться все равно трудно. Ну, вежливо к нам относятся, не обижают нас, но общения как такового нет. Важно, чтобы преподаватели в спецшколах все знали жестовый язык. Даже ребята дразнят тех преподавателей, которые не знают жестовый язык и не могут объяснить на уроках».

Ольга, технолог, говорит: *«Меня беспокоит то, что чиновники начали проводить интеграцию в школах — учить вместе и слышащих, и глухих. Мне бы этого не хотелось».*

Алла, воспитатель, говорит: *«Мне жалко, понимаете, очень жалко детей. Им будет очень сложно со слышащими учиться, это страшно. Представляете, один ребенок будет в классе, да? Хорошо, если будет переводчик, он поддержит, но не все слышащие».*

Антонина, учитель русского языка, считает, что *«...когда говорят, что закроют коррекционные заведения, я надеюсь, что этого не будет и работу мне оставят, не сократят. Я считаю, что в будущем отношение государства и общества к глухим и слабослышащим будет лучше».*

Надежда, пенсионер, также выступает против инклюзивного образования: *«Я недавно узна-*

ла, что хотят объединить слышащих детей с глухими. Этого не нужно. Преподаватель будет говорить, а глухой этого не сможет понять. Нужно будет нанимать переводчиков. Уж лучше, чтобы учились отдельно. Должны быть отдельные школы для глухих. Это первое. Второе: по окончании школы выпускники сдают экзамены. Им дают свидетельства об окончании школы. А здесь я на себе испытала: когда окончила спецшколу, пошла на завод работать, а вечером училась в вечерней школе среди слышащих. Оканчивала с трудом, так как часто болела. А потом директор говорит: “Надежда Николаевна, как вы хотите — мы вам дадим справку, что вы окончили школу. А если сдадите экзамены, то дадим свидетельство”. Эта справка ничего не даст, я никуда не поступлю. Лучше я экзамен сдам. А сейчас важно, чтобы глухие тоже учились по нормальным программам. Не нужно так делать: если глухой, то дадим справку. А куда они пойдут после школы, где устроятся? Поэтому третье — это трудоустройство. Сейчас с этим очень сложно. Глухие не могут найти работу. Нужно дать им квоты на определенные рабочие места. Нужно, чтобы глухих брали на испытательный срок. Вдруг окажется, что они лучше работают, чем слышащие».

Сергей, инженер, считает, что лучше обновить программы под изменившиеся условия, но интеграцию с массовыми детьми нельзя допустить.

Эксперт **Анна Комарова**, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, отмечает, что в школах, где

организовано инклюзивное образование, в той же Великобритании, дети, к сожалению, в большинстве случаев одиноки, не вливаются в коллектив. Есть разные способы организации спецшкол, как, например, в Скандинавии, где дети занимаются в спецшколах до 12–13 лет. Потом они на многие предметы ходят в обычные школы, где учатся со слышащими детьми. Это такой гибкий вариант, очень интересный с социально-педагогической точки зрения, потому что это дети, которые изначально обучались только на жестовом языке. У них абсолютно адекватная самооценка, они не стесняются ни себя, ни своей глухоты, и поэтому они более открыты миру, легко входят в контакт, им есть что сказать, они чувствуют себя не глупее слышащих, легко общаются, легко знакомятся со слышащими людьми.

Я была во многих инклюзивных школах в разных странах, но, пожалуй, могла бы отметить только три случая, где обучение в массовой школе стало успешным и для глухих. Очень хвалят престижный лицей в Гонконге и скромный английский город Лидс. В Рейкьявике сейчас недостаточно детей для отдельной спецшколы в силу демографического спада. Во всех этих школах организованы классы для глухих детей, которые имеют общие занятия вместе со слышащими детьми, типа физкультуры, лепки, рисования, все слышащие дети в обязательном порядке учат жестовый язык, и обучение в этих школах с глухими детьми ведется в том числе и на жестовом языке. Все общие линейки, собрания, абсолютно все праздники проводятся и на жестовом языке. Несмотря на все усилия инклюзивного обучения, отмечено, что даже при

таких почти идеальных условиях глухие дети все равно играют отдельно, но у них нет никакого негативного отношения к слышащим.

Есть еще пример, моя мама, полностью глухая, училась вместе со слышащими до 5-го класса. Она неоднократно говорила о том, что сами занятия были безумно скучные, потому что не могла участвовать в дискуссии. Что такое настоящие друзья, она поняла, когда поступила в школу для глухих детей.

Система образования к инклюзивному образованию не готова. Я сама была на митинге в защиту сохранения спецшкол. Увы, во многих случаях качество образования, которое дают спецшколы, — низкое. Тем не менее для очень многих глухих детей это единственное место, где они чувствуют себя как дома, чувствуют себя комфортно, чувствуют себя среди своих благодаря общению на жестовом языке, получают информацию о мире и развиваются благодаря жестовому языку. На самом деле это очень важно, хотя в принципе я считаю, что внутри спецшколы нужно, конечно, проводить серьезные реформы, менять содержание образования, использовать другие методы обучения, больше привлекать глухих педагогов».

Эксперт Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, отмечает: *«В специализированных школах в классе 10–12 человек, как правило, и оттого есть очень близкий контакт у педагогов с детьми, они в процессе обучения получают информацию в полном объеме, осваивают программу. В случае больших классов, где по 25–30 человек, педагог просто физически не может*

внимание уделить неслышащему ребенку, отчего он выпадает из процесса. Допустим, учитель ему будет больше внимания уделять, остальные сразу это замечают, и, естественно, будут в психологическом плане какие-то трения возникать: почему это ему больше внимания?!»

Вера, председатель местного отделения ВОГ, отмечает: «Я бы, конечно, ничего менять не стала, но, как мы слышали, хотят объединить школы слабослышащих и слышащих. Я против, потому что слабослышащие ребята — это совершенно другой уровень. Эти руками разговаривают, пусть и меньше, чем глухие, а слышащие говорят исключительно голосом, они все время будут дразниться. Вне школы общение — ради бога. Я бы не объединяла».

По мнению эксперта **Любови Корвяковой, сотрудника Института коррекционной педагогики РАО,** допустимо совместное обучение слышащих и слабослышащих детей, но не совместное обучение с глухими: «В 2012 году было указание о том, чтобы жестовый язык широко использовался в образовательном процессе, но не было сказано, что он обязателен, просто — можно. Но слабослышащему ребенку нечего делать в одном классе с глухими, он должен ходить в класс с нормальными детьми. Отдельная проблема — с глухими ребятами. У них иное восприятие мира, не потому, что они не соображают, просто они соображают по-иному. Жесты, они легкие для запоминания. Поэтому, если человек все время будет учиться на жестах, войти в нормальный мир он не

сможет. Вся сурдопедагогика построена на том, что жестовый язык, безусловно, может быть задействован в обучении глухих, но в меру. Единого мнения нет, есть разнообразные споры вокруг данного вопроса, и консенсус пока не достигнут.

Что же касается инклюзии, человеку нужно предоставить психолога и дефектолога, иногда — и сурдопереводчика. В свое время Институт коррекционной педагогики уже начинал эти инклюзивные мероприятия. Например, в школе № 528 появились коррекционные классы. Там как раз и были те условия, о которых мы просим, то есть предоставляют тьютора, учителя-дефектолога, психолога и сурдопереводчика. Тогда все будет в порядке, при условии маленького класса, относительно обучения в нормальной школе. Ранее эту систему разрабатывал наш институт. В принципе, она была неплохая. Конечно, одноклассники слышащие сначала удивляются работе с переводчиком, но потом, привыкая, сами просят научить их жестам, хотят общаться. И в этом положительный эффект инклюзии. Но все рухнуло. Например, сейчас люди лишаются работы в связи с инклюзией. Современная методика хуже.

Вся беда в том, что никто не готов к этой инклюзии. Недавно, например, мне звонит переводчик, говорит, что его выгоняют, потому что инклюзия. Человек в шоке. Человек остался без работы. Ребята, глухие, нанимают индивидуально себе сурдопереводчика, потому что в институте им дают очень мало часов бесплатных переводческих услуг, всего 90. Просят преподавателей дать им возможность писать конспект, сдавать индивидуально, но преподаватели, как

правило, отказываются, мотивируя своей загруженностью».

Эксперт Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, объясняет на своем примере: *«Я учился в коррекционной школе, многие ребята из обычной школы переходили к нам, потому что там испытывали психологическое давление и стресс. И они более комфортно себя чувствовали в нашей среде, они были равными среди равных. Там он должен стараться, чтоб его не задавили, он постоянно в напряжении, это тяжелая нагрузка для ребенка. Почему я упомянул про психолога? Наверное, в таких школах, инклюзивных, я думаю, должен быть психолог, который бы «выравнивал» ситуацию. Но не все могут педагоги, к сожалению. Поэтому, пусть даже если будут равные условия, на психологическом уровне глухой будет испытывать дискомфорт».*

Эксперт Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной Федерации глухих, высказывает свое мнение: *«Необходимо отменить инклюзивное образование в отношении глухих. В Москве девять школ для глухих и слабослышащих, все ходят в эти спецшколы. А при инклюзии школу глухих объединяют вместе со школой слышащих, и получается школа одна. Логопедов сокращают, экономят деньги, значит, жестовый язык никто не знает, слышащие не понимают потребности глухих детей, они просто не понимают, что им нужно. В спецшколах есть дополнительные занятия, различные кружки, жестовый язык там в ходу. А в обычных школах учи-*

тель отработал свое время — и все, никакого развития для глухих».

По мнению эксперта Надежды Чаушьян, председателя Московского объединения глухих учителей, *«...глухой ребенок в первый класс должен прийти с готовой базой знания русского языка. В школе он русский язык изучает академически, как любой слышащий ребенок. Инклюзия как раз для таких детей, при наличии обеспечения необходимыми для нормального процесса обучения условиями. Если у первоклассника маленький словарный запас и нет знания основ русского языка, то тогда ему нужны жестовый язык, коррекционные программы».*

Эксперт Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ, высказывает следующее мнение: *«Объединение школ, которое в настоящее время происходит в Москве, — это ошибка номер один. Я не говорю о том, что массово объединяют школы — это еще одно дело. Но когда специальную школу включают в конгломерат из разных школ, это очень большая ошибка, потому что директор, который будет где-то далеко сидеть, вообще не будет иметь представления о том, что происходит в структурном подразделении, где учатся глухие. Те решения, которые он будет принимать, могут отрицательно сказываться на системе образования. Я считаю, что в настоящее время необходимо сохранить коррекционные школы и одновременно создавать условия в массовой школе, чтобы там могли обучаться дети с нарушениями слуха, чьи*

родители выразили желание отдать своих детей именно в массовую школу. Но так сливать нельзя. Объединить спецшколы с массовыми и объявлять, что у нас инклюзия, — это обман».

По мнению Виктора Паленного, главного редактора журнала ВОГ, сейчас происходит непродуманное слияние школ в Москве. «Специальные школы теряют свою вывеску. Из нормального образовательного пространства они “уходят в тень”. Школа, где я раньше работал, где сейчас работает жена моя, сейчас слилась с колледжем, и там такие люди из Департамента образования и этого колледжа все ходят, ходят, ищут повод, чтобы сократить учителей, страшно давят. Почему в классах по семь человек, когда в классе должно быть 13 человек? Пытаемся объяснить, что глухие и слабослышащие должны учиться по возможности отдельно. И к глухому нужен индивидуальный подход, кто-то понял, а кто-то нет. Но доводы не принимают во внимание. Навязывают каких-то слышащих гопников, которых колледж учить не хочет. Почему должны страдать неслышащие — ученики и учителя?!».

Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей, относительно актуальных реформ высказывается так: «Сейчас школы объединяют и хотят, чтобы глухие учились со слышащими. Государство считает, что глухие получат больше навыков для будущей жизни, если они станут общаться с детства со слышащими детьми. Государство считает, что слышащие дети, общаясь с глухими детьми, тоже будут добрее, терпимее. Но мне ка-

жется, что это сработает, только когда идет речь о слепых. Слепым и инвалидам-опорникам еще можно учиться в массовой школе среди обычных детей. Почему? Потому что язык один. Общение идет голосом, и никаких барьеров нет. А когда идет речь о глухих, о слабослышащих людях, то этим людям со слышащими детьми учиться не нужно. Почему? Потому что барьер очень серьезный. У глухих и у слабослышащих детей восприятие слуха зрительное. И языковой барьер очень сложный, очень сложный. На мой взгляд, гораздо продуктивнее будет дать глухим и слабослышащим детям возможность обучаться и окончить школу именно в своей среде. Может быть, это и выглядит резервацией, но эта резервация оправдана из-за языкового барьера. И нельзя людей, которые могут общаться голосом с детства, помещать в эту среду, потому что они замкнутся, они не смогут пройти этот этап, очень важный этап становления личности. И наоборот. Я считаю, что эта резервация нормальна, так как необходимо, чтобы глухой или слабослышащий ребенок вырос, получил четкую установку, что он сможет потом приносить пользу обществу, выучил словесный язык русский, хорошо знал основы жестового языка, и только потом он может выходить из школы и стать полноценным членом общества. Я участвовала в митинге на Суворовской площади, который был организован школой "Интеллектуал", которую объединили с обычной школой. Рядом с представителями этой школы свои права отстаивали несколько членов ВОГ. Много людей поддержало мнение, что государство должно стремиться к инклюзии, но это инклюзия должна быть продуманной».

Как глухие и слабослышащие респонденты, так и эксперты убеждены в необходимости использования как жестового языка, так и дактиля в школьном образовании, а также в необходимости владения учителями жестовым языком.

Например, **Алексей** говорит о том, что *«...нельзя запрещать разговаривать жестами, нужно позволить разговаривать жестами, но вместе с голосом. Тогда ничего не потеряешь».*

Эдуард, видеооператор, говорит, что *«...главное — это преподаватели. Для лучшей адаптации детей в образовании, я думаю, что они обязаны знать жестовый язык».*

Виктор, воспитатель, рассказывает, что *мно-го слышащих учителей, к сожалению, плохо знают жесты. «Ко мне ребята подходят, и я вынужден объяснять ребятам. Для глухого русский жестовый язык — это его родной язык. Он на нем разговаривает, а дети неслышащие подходят к преподавателям неслышащим. Надо, конечно, считывать с губ, говорить вслух, но это для них — как бы вспомогательное. Если на уроках вообще запрещать использовать русский жестовый язык, будет очень тяжело».*

Галина, сотрудник организации ВОГ, считает, что учителям надо во время уроков использовать жестовый язык, чтобы их лучше понимали. *«Ученикам глухим неинтересно учиться. Есть в школе слабослышащие учителя, они, используя жесты, читают стихи Пушкина, там простое*

стихотворение “Мороз и солнце, день чудесный”. Все, раскрыв рты, сидят. Учитель говорит, учителе, завтра спрошу. Все учат. Пытаются осмыслить. Там написано “дремлешь” — что это такое? Говорю, спит. “Друг прелестный”... — а что такое “прелестный”? С помощью жестов объясняю, им тогда легче учить это стихотворение. Учителю не следует использовать только артикуляцию, нужно показывать жестами, иначе глухие не смогут понять такие предметы, как литература и русский язык. Отсюда все беды — глухие не умеют писать, они не любят русский язык, не понимают тексты».

Максим, видеооператор, рассказывает, что «...в обязательном порядке с первого класса ввел бы жестовый язык, потому что в то время, когда я учился в школе, нам запрещали на жестах говорить. Били по рукам. Нам учителя говорили, что это некрасиво, если вы будете на улице стоять и между собой говорить жестами, а мимо будут идти люди, то они будут смотреть на вас и думать, что вы ненормальные, раз руками машете. Это нехорошо, надо голосом говорить. Мы и говорили голосом. Поэтому я жесты освоил довольно поздно, мне было лет 12–14, но когда я их освоил, мне стало намного комфортнее, я нашел ту среду, где я был таким же, как все. Это вообще вопрос коммуникации. Просто для глухих это родной язык, а нас учили по системе, где наша глухота не учитывалась. Нам запрещали жесты. Потому что директором был Карп Авдеевич Микаэлян, он был глухим, но не с детства, а позднооглохшим, и он старался говорить голосом, старался понимать

по губам, и свою философию внедрял в школе. И не одобрял жестовый язык».

Илона, упаковщица, считает, что *«...в спецшколе нужно вводить предметы: жестовый язык и английский язык. Это расширяет кругозор. Проблема в том, что учителей принимают на работу только слышащих. Лучше было бы, если с нами работали глухие или слабослышащие учителя».*

Эксперты также активно обсуждают как вопросы активного использования жестового языка, так и вопросы необходимости знания жестового языка для учителей и врачей.

Например, **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, предлагает внедрение программы ранней помощи с использованием жестового языка на самых ранних этапах обучения: *«Это не значит, что не нужны занятия по устной речи, естественно, развитие слуха нужно, если не мешает общему развитию. Если ребенок может говорить, пусть говорит. Но я бы использовала больше жестового языка в обучении, это точно. Необходимо изменить качество обучения наших педагогов, жестовый язык они по нынешним программам не знают. У них очень заниженный уровень ожидания от глухих детей (их невозможно ничему обучить!). На самом деле глухому ребенку можно объяснить все, что хочешь, то же самое, что и слышащему, потенциал у глухих и слышащих детей абсолютно одинаковый. Просто зачастую пропущены драгоценные первые годы обучения или на каком-то*

этапе обучения пропадает интерес, так как ребенок не понимает, что говорит учитель. Или содержание обучения не соответствует возрастным интересам ребенка. Я была на уроке в одной школе, 12–13 летние ученики там официально числятся в четвертом классе. Здоровые ребята, которым нужны роботы, “Лего” и т. д., но сидят эти “лбы” на уроке про русские народные сказки, где учительница из них вытрясает, чтобы они с правильным произношением и интонацией сказали фразу: “Почему Аленушка грустная, почему она печальная?” И рассматривают картинки про серого волка и про Марию Царевну».

Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО, также поднимает вопрос использования жестовой речи: *«Нужно давать жестовую речь как дополнительную, обязательно. Иначе процесс обучения тормозится. Должно быть тесное общение глухих со слышащими. Московский Департамент образования полагает, что, объединив школы и детсады в холдинги, улучшит работу. Однако наш вопрос пока не рассматривается. При этом есть угроза закрытия интернатов. Дети, которые идут в нормальные классы, как правило, в коллективе оказываются как бы изолированными, то есть они представлены в нем как нечто особенное».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ: *«Обратите внимание, кого больше любят дети. Тех педагогов, которые имеют глухих родителей! Такие иногда приходят в школу и, несмотря на запреты, используют жесты, ребята*

охотно их слушают, отвечают на вопросы, налицо контакт с учителем. Глухих раздражает, когда слышащий учитель не учитывает их интересы: “Зачем она вообще пришла в нашу школу, почему не уважает наши жесты, что она из себя строит, она что, думает, что мы какие-то дикари?!” Самый худший учитель — тот, который, стоя у доски, постукивает указкой, смотрит на глухих и думает: “Надо делать из них нормальных людей. Таких, как мы”. Учителя должны давать информацию, учить, разъяснять, а если не получается, виноваты они сами. Не надо говорить, что глухие такие “глупые, неспособные, руками все машут...” Тяжело с глухими работать? Ну и уходите из этой школы.

Есть ощущение, что падает качество образования. Слышащие тоже беспокоятся, но у слышащих есть элита, люди, которые “делают историю”, а среди глухих высокообразованных очень немного. Неслышащая молодежь поголовно не читает, слышащие в массе тоже почти перестали читать, но они же слышат, автоматически получают массу информации, а глухих важно приобщать к чтению, учить грамотно излагать на бумаге свои мысли».

ГЛУХИЕ И СЛАБОСЛЫШАЩИЕ В ВЫСШЕМ/СРЕДНЕМ СПЕЦИАЛЬНОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Выбор вуза, проблемы при поступлении и в учебе

Полученные данные говорят о том, что более 65% глухих и слабослышащих, принявших участие в опросе для данной книги, имеют среднее специальное или высшее образование. Около 25% опрошенных не получили дальнейшего образования по различным семейным и финансовым причинам, а оставшиеся отказались ответить на этот вопрос.

Значительное количество глухих и слабослышащих отмечает, что перечень профессий и вузов, где возможно получить высшее образование, увеличился по сравнению с советским периодом. На сегодня в Москве существует несколько вузов, предоставляющих особые условия для обучения глухого человека (среди них МГТУ им. Н. Э. Баумана, МГАФК, РГСУ, РГСАИ и др.). Но, несмотря на это, получение высшего образования для глухих и слабослышащих является значимой проблемой. Например, глухие и слабослышащие говорили о том, что регулярно сталкиваются со случаями отказа в принятии в высшее учебное заведение. Стоит

отметить, что это не останавливает многих опрошенных. Часто они, стараясь скрыть свой недостаток, проходят приемную комиссию, сдают экзамены наравне со всеми абитуриентами и лишь потом признаются в своем недуге. Остается множество учебных заведений и факультетов, доступ к которым закрыт для неслышащего человека, несмотря на то что их ограничения все же позволяют учиться и работать в этой или иной сфере.

Например, **Ольга, главный бухгалтер**, рассказывает: *«Я была одна на весь институт. Когда я поступала, меня не хотели брать из-за слуха. Сначала меня послали в комиссию, чтобы они подтвердили, что я имею право учиться в институте среди слышащих по специальности экономиста. Мне в комиссии сначала отказали, обосновывая тем, что я буду учиться одна среди слышащих. Я им сказала, это мои проблемы, если я поступаю, значит, я сама буду решать свои проблемы, а не кто-нибудь другой. Члены комиссии посмотрели перечень “разрешенных” профессий и убедились, что экономисты могут быть глухими. На основании этой справки меня допустили к экзамену, я успешно сдала экзамены в Плехановский, благополучно его окончила».*

Татьяна вспоминает, что *поступала в техникум, чтобы учиться по специальности «экономика»: «Конкурс был очень большой. Я скрыла, что не слышу. Со всеми наравне сдавала».*

Ирина, социальный работник, вспоминает: *«Где была возможность обучения, туда и пошла.*

В первом институте перевели со слышащими студентами в группу, где учили читать по губам, и я ушла оттуда. Потом поступила в институт культуры. Ушла, потому что на экзамен запретили привести переводчика».

Владимир говорит, что «...сам все учил, самостоятельно. В школу электроники ходил. Без переводчика. Поступил... Все мне помогали. Разрешили учиться, взяли на заочное отделение. Хорошо, что был Интернет. Можно самостоятельно писать диплом, переводчики здесь не нужны. А к защите диплома нашел переводчицу, заплатил ей, она переводила на защите».

Наталья, главный редактор журнала, вспоминает: «После школы училась в МГУ. На историческом факультете, я там была одна, никакой группы с переводчиком не было. У меня был слуховой аппарат, и он мне прекрасно помогал. Так что я нормально окончила МГУ. Без трудностей не обошлось, но во многом была виновата я сама. Потому что я всю жизнь занималась тем, что пыталась скрыть свои проблемы. Если я чего-то недослышала, то я не пыталась переспросить, никому не говорила, что я не слышу. Был большой аппарат слуховой, я прикрывала локонами этот аппарат. А сказать: “Пожалуйста, повторите!” — было просто невозможно, я попадала в такие неприятные и анекдотические ситуации именно из-за своего слуха».

Ольга, председатель местного отделения ВОГ, рассказывает, что «...после школы были ва-

рианты, куда пойти учиться: машиностроительное, зубопротезное и швейное направления. Кто не смог поступить в техникум или вуз — шел сразу на производство, на многих предприятиях были группы глухих людей с переводчиком жестового языка. Я поступила в медицинское училище. Во время учебы не сталкивалась с большими трудностями, я ведь хорошо училась в школе, но с математикой были проблемы. У меня есть сестра — заслуженный учитель математики и физики, она мне помогала. На занятиях в училище присутствовал переводчик жестового языка».

Раиса, кассир, вспоминает, что хотела поступать в технический вуз, но не получилось, потому что у них общежития не было, а с жильем у нее были проблемы. «Московской прописки не было, поэтому я не смогла поступить в институт. Вот и сразу пошла работать».

Многие отмечают, что для глухих и слабослышающих выбор профессиональных путей как был, так и остается сравнительно небольшим. Например, **Екатерина, кассир**, вспоминает: «Выбор маленький был, а тут в Павловском политехникуме впервые открыли юридическое отделение. Мой учитель предложил: “Поезжай туда, юристом будешь”. Заявление подала. Приезжаем, а тут такой большой наплыв абитуриентов. Половина пошла на другие отделения, но я все-таки осталась, так проучилась и окончила. Выбирать мы особенно не могли, шли туда, где есть специальная группа. В Павловске был специальный политехникум именно для глухих. Там

учились будущие художники, культпросветчики, юристы, полиграфисты».

Алексей рассказывает, что *поступил в институт, учился на инженера. «Меня расстроило, что выбор был очень мал. Технический вуз — один, Бауманский. Но мне хотелось найти то, что мне нравится. Например, учиться на менеджера, мне больше нравились торговля, экономика. Но раньше никуда не брали».*

Важно отметить, что в регионах ситуация в плане возможности получить необходимое образование является существенно более сложной, чем в Москве. Наличие существенно больших возможностей в столице России отмечается отдельно. Например, **Алексей, актер**, говорит, что *когда приехал, был на седьмом небе от счастья, в институте восемь сурдопереводчиков, преподаватели также слышащие, но они знали и старались изучить жестовый язык. Здесь я понял, что такое Москва и сколько возможностей в Москве, которых нет в регионах. Я учился и окончил институт. Раскрыв рот, я смотрел на педагогов. Потому что я даже школьную программу не совсем понимал. А в институте все понимал, у меня уровень повышался с каждым днем. Я даже еще хотел продолжать учебу там, но решил, что уже вышел на свой уровень».*

Павел, актер, рассказывает: *«Вообще, я хотел стать киноактером. Родители отправляли работать на завод. А в школе директор не отпускала: “Как можно его отправить на завод, при его-то та-*

лантах?» И предложила поехать в Москву учиться. Я в то время думал, что ни в кино, ни в театре нет глухих актеров, и поэтому даже пытался сам снимать фильмы. Поступил в Москву, в специализированную Академию искусств, и не пожалел. В Москве я увидел, что глухие могут работать по разным специальностям, и юристами, и педагогами — выбор большой, для глухих открыты двери в любую сферу деятельности».

По-разному складывается как учеба, так и профессиональный путь глухих и слабослышащих. Приведем несколько таких историй.

Например, **Михаил, главный редактор газеты**, рассказывает: «Я поступил в библиотечный техникум, проучился там полгода и бросил. Работал четыре года на заводах, потом вернулся опять в библиотечный техникум, окончил. Работал в библиотеке Инженерного института. Проработал два года, а потом мне друг и говорит: “У нас в МПГУ, в педагогическом, есть группа для глухих, поступи, экзамены сдадим”. А экзамены для глухих там были — ниже плинтуса уровень. Я с ним за компанию пошел, тут же поступил и пять лет проучился в педагогическом».

Елена, воспитатель, рассказывает, что после окончания школы сразу поехала в Санкт-Петербург. «Я училась на двух специальностях параллельно — на воспитателя и на бухгалтера. Окончила и пошла работать по направлению. Работала в школе, в другом городе. Было желание огромное учиться дальше, я поступила на заочное отделе-

ние — в педагогический университет им. Шолохова. У меня родители — потомственные педагоги. Я бесплатно поступила, сразу. Сложностей не было. Было собеседование — и все».

Виолетта, учитель математики, рассказывает о том, как состоялся ее профессиональный выбор: *«Я случайно прочитала объявление в журнале “В едином строю”. У меня вся семья — педагоги. И я решила пойти в педагоги».*

Сергей, инженер: *«Вначале я поступил в техникум, потому что у нас раньше было два выбора: зубопротезный либо машиностроительный техникум. Я учился в машиностроительном, а после техникума поступил в вечерний институт по моему профилю машиностроения».*

Светлана отмечает: *«Мне посоветовали поехать в Москву. В 1984 году там был набор в Щукинское театральное училище. Набор был экспериментальный. Программа — на уровне слышащих. Мне посоветовали, я и поехала. Поступила на первый курс. Пять лет училась, окончила. Стала актрисой. Позже поступила в Театр музыки и танца. Я всегда легко училась. Был конкурс, большой конкурс. Поступила на первый курс, а потом меня сразу перевели на третий курс. Не знаю, почему так получилось. Второй курс я пропустила. Сказали, что мне это не нужно было».*

Елена, воспитатель коррекционной школы, рассказывает: *«Я поступала на отделение сурдопедагогики в Педагогический институт имени Ле-*

нина. Я готовилась работать в спецшколе, и это была моя первая встреча с людьми, которые потеряли слух. Также там учились слабослышащие, с которыми я познакомилась. На спецкурсах подготовки к поступлению в тот институт преподаватели учили нас дактилологии, жестам. Решила поступать туда, чтобы людям помочь и самой в себе разобраться. Сложностей у меня не было. Я поступала сразу после школы, писала сочинения, занималась историей, готовилась к поступлению. При сдаче документов возникла заминка. Специалиста не обманешь. Акцент меня выдал. И мне пришлось разговаривать с деканом факультета. Мне разрешили оставить документы, пошли навстречу».

Никита, тренер, говорит, что хотел поступить в ювелирный колледж № 39, это декоративно-прикладной колледж имени Карла Фаберже близ станции метро «Тимирязевская». «Там были подготовительные курсы, я рисовал. Но там мне было неинтересно среди слышащих, никто со мной не общался, а если я к ним обращался — никто меня не слушал, они общались только между собой. Я рисовал лучше всех, все слышащие учились кое-как, а я готовился серьезно. Но потом сказал родителям, что не буду поступать в колледж, потому что там будет скучно среди слышащих. Потом поступил в спортивный институт».

Марина, студентка, рассказывает: «Я давно хотела в педагогический институт, мечтала быть учителем, поэтому специально поступила в эту спецшколу, чтоб получить законченное среднее образование и поступить сразу в этот институт.

Нормально сдавали экзамены. А когда поступили в институт, там были проблемы с педагогами, потому что многие не знали жестового языка. Кто-то из нашей группы помогал, переводил, а позже в вузе появился переводчик».

Наталья, пенсионер, говорит, что после школы сразу пошла работать. *«Мой отец говорил: “Если хочешь учиться — продолжай. Цель есть — учись. Если нет цели — иди работать”. И я пошла работать».*

Ирина, учитель математики, вспоминает, что *«...родители посоветовали пойти в техникум, я училась в электромеханическом техникуме города Курска вместе со слышащими сверстниками, а потом поступила в Педагогический институт им. Ленина. Но сначала, когда техникум окончила, пошла в Курский педагогический институт. Мне сказали, что я могу поступить туда по своему профилю, на индустриальное педагогическое отделение. Уточняю: “Кем я буду потом?” — “Учителем труда у мальчиков”. Говорю: “Нет, не подходит”. В 1991 году открыли специальную группу в Педагогическом университете в Москве, и я поступила со вторым потоком».*

Валентина, экономист, рассказывает, что вынуждена была идти работать: *«Я была старшей в семье. В семье детей было трое, двое были маленькие. Я собиралась поступать учиться дальше, но оставила эту мысль, потому что мама просила пойти работать, зарабатывать и помогать. И я пошла работать».*

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста, рассказывает, что он решил поступить в университет: *«Среди 40 ребят моей группы я был один слабослышащий. Руководители не хотели меня брать, но я доказал, что я смогу учиться. По результатам экзаменов я показал второй результат. Потом в Москве меня заметили представители другого университета и предложили учиться у них. Это был специализированный институт искусств. Я переехал в столицу и здесь получил высшее образование».*

Раиса вспоминает: *«Двоюродная сестра сразу отправила меня в швейный институт. У них было две группы слабослышащих, имелся переводчик».*

По мнению экспертов, необходимо расширять как число вузов, так и число факультетов, где могут обучать глухих и слабослышащих. Важным является и наличие переводчика жестового языка в приемной комиссии.

Например, эксперт **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, придерживается следующего мнения — *глухие должны иметь возможность обучаться по любым специальностям, а не только там, где есть группы глухих: «Значит, для этого должен быть представлен бесплатный переводчик жестового языка, а у нас этого нет. Глухие вынуждены идти либо в технический Бауманский, либо в педагогический, где есть группы глухих студентов. А если я хочу быть археологом? Существует также проблема с переводчиками: у нас нет хо-*

роших квалифицированных переводчиков, которые знали бы, как работать в высшей школе, их единицы. У нас также нет системы работы помощников, которые специально для глухих студентов ведут конспекты. Опять же, если есть группа глухих студентов, то педагоги должны знать, как работать с такими студентами, а не просто “пиши с доски” или “открой учебник и делай конспект”. Высшее образование должно быть доступно, в том числе и через переводчика, через кураторов или специалистов, которые знают глухих».

Эксперт Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО, отмечает пример Университета им. Баумана: *«В наилучшем положении Бауманский университет. Там есть подготовительные курсы с переводчиком. Переводчиков включают в состав приемных комиссий, чтобы они помогли общению между абитуриентами и членами комиссий. В других вузах не все так хорошо».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, рассказывает: *«Проблемы очевидны — преподаватели технического вуза читают лекции вслух, и важно именно их слушать, а не только читать то, что написано в учебниках, которые быстро устаревают. Наблюдается очень большая нехватка переводчиков, в Бауманском, ситуация неплохая, там есть довольно большая группа переводчиков, но в других университетах, где обучаются глухие, их мало. Глухие ограничены в выборе университетов. Кто-то мечтает об архитектуре, а возможности учиться нет. Проблема в край-*

нем дефиците переводчиков. Недавно Владимир Путин подписал закон о жестовом языке. Председатель Правительства Д. Медведев принял президента ВОГ и обещал существенно увеличить зарплату переводчикам жестового языка. Может, удастся подготовить и привлечь больше переводчиков. Хорошо, что сильно выручает техника, не обязательно записывать лекции, можно просто внимательно слушать переводчика, потом взять у слышащего студента конспект и скопировать на ксероксе. Слышащие могут одновременно слушать и писать, а мне в свое время на лекциях приходилось периодически поднимать голову, чтобы послушать переводчика, а дома, читая свои записи, пытался вспомнить, о чем была лекция, копался в учебных пособиях... Ныне развивается дистанционное обучение, Интернет. Самое главное, чтобы глухой не шел в университет абы как. Он должен стремиться получить конкретную специальность, о которой мечтает. Когда глухой сильно хочет, он может получить образование и без переводчика».

Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ, дает оценку ситуации с образованием для глухих: «В Москве только пять вузов могут принимать глухих, вернее, глухие туда идут, потому что там есть группы с переводчиками, есть более-менее какие-то условия. Если говорить обо всей России, то имеется 16 вузов, включая эти пять московских. Но переводчики жестового языка есть только в восьми вузах. Соответственно, важно, чтобы у человека была возможность общаться со слышащими

ребятами, так было у меня. Я поступил в юридический и отучился вместе со всеми шесть лет. Просто я был уверен в себе. Но есть ребята, которым нужен перевод. Таланты у ребят разные. Государство должно вкладывать в образование деньги, которые потом окупятся. И поэтому, даже если один глухой человек хочет поступить, допустим, в архитектурный вуз, нужно создать для него все необходимые условия, включая переводчика».

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих: *«Обычно идут туда, где есть спецгруппы с переводчиком, а в обычных университетах глухих не принимают, потому что не знают, как с ними общаться, вот и отказывают в приеме».*

Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей, говорит о том, что, обучаясь не по тем специальностям, по которым бы хотелось, глухие и слабослышащие идут на не соответствующую образованию работу: *«Глухие очень часто по “стадному чувству” поступают в вуз, где созданы спецгруппы с переводчиком. На вопрос: “Зачем вы туда поступили, если профиль не нравится?”, ответ всегда был одинаковый: “А куда еще поступать? В другие вузы глухих не берут”».*

Процесс обучения, взаимоотношения с преподавателями и другими студентами

Значительное количество глухих, слабослышащих экспертов отметили, что процесс обучения

в вузе носит существенно более сложный характер по сравнению со школой.

Например, **Галина, библиотекарь**, рассказывает: *«...комфортно мне было и в школе, и на работе. Но не в университете. Там мы были изгоями. Не принимали нас. Они все удивлялись, как мы можем учиться среди нормальных людей. Они просто нас за людей не считали».*

Эксперт **Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной Федерации глухих**: *«В школе, конечно, комфортнее детям, т. к. там их опекают, там люди знают жесты, а в колледже — слышащий мир, инклюзив. Но это уже реальная жизнь, пора уже ее осваивать. Во взрослой жизни никто опекать уже не будет».*

Такого же мнения придерживается **Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей**. Она утверждает, что им *«...комфортнее, конечно, в школе. Там учителя разжевывают каждое слово, а в колледже такого уже нет. Мои выпускники удивлялись жесткости учебы в вузах, хотя в школе их предупреждали о сложности обучения в средних технических и высших учебных заведениях».*

Одной из основных жалоб глухих и слабослышащих касается недостаточной подготовки преподавателей, их неготовности или нежелания взаимодействовать с людьми с нарушениями слуха. Особенно остро такая проблема стоит для глухих.

Например, **Елена**, безработная, вспоминает, что *преподаватели очень жестоко обращались: «Там были слышащие и глухие — все вместе, и преподаватели не учитывали, что последние не слышат. А с однокурсниками хорошие отношения были».*

Эксперт **Любовь Корвякова**, сотрудник **Института коррекционной педагогики РАО**, также поднимает проблему подготовки преподавателей в вузе. Она говорит о том, что *есть проблема в общении между преподавателем и студентом со слабым слухом. Если у преподавателя плохая артикуляция или в лекции много специальных терминов, тогда очень сложно. Я была в вузе, в котором такие студенты учились на факультете охраны труда. Преподаватель не владел жестами, у него была плохая артикуляция. И глухие студенты специальными терминами не владели, то есть у них низкая подготовка.*

В ряде случаев преподавателям свойственно предубеждение по отношению к глухим и слабослышащим студентам. Например, **Галина, библиотекарь**, рассказывает, что *«преподаватели смотрели на нас косо. Они боялись, что мы их не будем понимать. Но мы шли по профилю библиотечарей. Не просто библиотечарей, а инспекторов в этой области. Фактически я там осталась одна. Просто условия были для нас тяжелыми. Короче говоря, мы не нужны были преподавателям».*

В тех случаях, когда преподаватели обращают отдельное внимание на особенности глухих, это значительно помогает в учебе. Например, **Марина**,

домохозяйка, рассказывает: «У нас была специализированная группа и очень хорошие преподаватели. Они не делали акцент на том, что мы глухие. Когда не было переводчика (например, заболел), они старались говорить с хорошей артикуляцией, чтобы мы понимали. Преподаватели относились к нам доброжелательно. Нам с ними повезло. Мы соревновались со слышащими. И когда был конкурс среди глухих, если мы что-то не понимали, то бежали к слышащим за помощью. Они нам объясняли и подсказывали. Нормальные были отношения».

В свою очередь, эксперт **Дмитрий Ребров**, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной Федерации глухих, рассказывает, что «...в университете преподавателю все равно — слышит, не слышит, он свое дело делает, преподает, ему главное — провести занятие. Если с переводчиком повезло, то очень хорошо, переводчик им помогает, а так ребята сами все делают. Они у слышащих просят конспекты списать, и, как правило, те идут навстречу. В общем, глухие студенты крутятся, выкручиваются, в учебе большого комфорта нет».

В условиях невозможности нормального обучения и взаимодействия с преподавателем многие глухие и слабослышащие по-разному стараются найти удобный для них формат. Например, **Владимир**, председатель организации ВОГ, рассказывает, что «...договаривался с преподавателями, чтобы не ходить на лекции, потому что преподаватель читал лекции, а я не понимал. Практически все преподаватели отпускали меня с занятий,

поскольку есть учебники, а если не было учебников, то удавалось договариваться с однокурсниками, и они писали лекции под копирку. Я потом готовился по этим лекциям».

Галина, работник ВОГ, говорит, что было хорошо: *«Преподаватели делали так: как со слышащими они работали — и с нами работали так же. Никаких отличий не было, только к нашим услугам был переводчик. Программа была такая же, как для слышащих. Никаких смягчений там, никакой жалости — нет, все одинаково было. Потому что мы идем в жизнь, как слышащие. А как по-другому?»*

Никита рассказывает о своем опыте обучения: *«Есть хорошие преподаватели, которые сопровождают лекции презентациями — мы смотрим на экран, все понятно. А многие преподаватели просто говорят, все за ним записывают, а мне приходится переписывать у соседней с отставанием. В общем, за время учебы я практически не учил ничего, реально учил во время сессий. Прихожу к преподавателям, они подсказывают, объясняют мне. Прихожу на пересдачу и сдаю экзамен или зачет. Если один глухой студент учится среди слышащих — трудно ему будет, может потерять интерес к учебе. Вдвоем веселее, можно объяснить друг другу и помочь».*

Школьница Анна надеется на то, что к моменту обучения в вузе учиться будет не так сложно. *«Сейчас все новое, есть Интернет, можно будет найти лекции. То, что рассказывают преподава-*

тели, я смогу прочитать на экране. Буду учиться вместе со слышащими».

Эксперт **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, убежден в том, что многое зависит от индивидуальных качеств человека. Он говорит: *«Всё зависит от человека. Один может быть лауреатом и ходить с большой бородой. Ему абсолютно не интересно, кто есть кто. Он приходит, читает лекции и уходит. Здесь очень важен переводчик. Ребята тоже разные. Некоторые могут подойти и упротить его, чтобы он принимал у них экзамен в письменном виде. Это сейчас решается на уровне личностных качеств каждого. Есть преподаватели, которые идут навстречу и меняют условия, а есть преподаватели, которые говорят, мол, ничего подобного, делай как все, и ребята уходят. А должна быть система профобразования, адаптированная к потребностям инвалидов».*

Эксперт **Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей**, рассказывает о такой ситуации на собственном примере: *«Когда я училась в педагогическом университете, потребовали сдать экзамен по фонетике. Я отбиваюсь: “Я же не слышу, я никогда не смогу исправлять произношение у детей, и зачем мне голову забивать ненужной наукой?” И знаете, что мне ответил очень опытный, старый, умный преподаватель: “Если слона в цирке научили танцевать, почему бы глухому не научиться?” Я не нашла, чем ответить, потом поздно, уже на лестнице, пришла “светлая” мысль: “Я не слон”».*

Значительно улучшает процесс обучения наличие переводчика — человека, который переводит речь на жестовый язык с использованием дактиля. Например, **Роберт, режиссер Театра мимики и жеста**, вспоминает: «В Москве были переводчики, мы все понимали. Преподаватель может ходить туда-сюда, а переводчик возле нас сидит. В Барнауле тако-го не было. Я ничего не понимал, там было сложно. Она ходила и все говорила и говорила. А я не понимал, что писать. В Москве было намного проще».

Галина, уборщица, рассказывает, что «в группе были все глухие. Это специальная была группа. Была переводчица. Пять курсов окончили. Все вместе, дружно, всей командой».

Сергей, инженер, рассказывает: «...в институте проблемы у меня были минимальные, все по мелочам. А в целом я был доволен, там работали переводчики, хорошие преподаватели, атмосфера в этих учебных заведениях была дружеская по отношению к глухим. Со слышащими студентами контактов не было».

Максим, видеооператор, говорит, что «...преподаватели хорошие были. Главное — никогда нам на проблемы со слухом не указывали, там был переводчик».

Галина, швея, вспоминает, что «...отношения с ребятами хорошие были, много глухих. Переводчик хороший, душевный был, это самое главное — внимательный переводчик, нужно, чтобы переводчик понимал».

Алексей, актер, вспоминает: «*Меня сильно вдохновляло, где я учился, и я благополучно окончил Академию искусств, там есть опытные педагоги, они читали вслух с помощью переводчика, сами пользовались жестами*».

Изабель, студентка, подробно рассказывает о практических трудностях в процессе обучения с использованием переводчиков. «*В школе учителя и воспитатели пытались более подробно объяснить. Они знали жестовый язык. А когда я поступила на первый курс, там не было переводчика. Слабослышащие могли учиться, а я, глухая, не могла. Но мне повезло. Одна слабослышащая девочка хорошо знала жестовый язык и довольно прилично слышала. Она слушала и переводила все группе. А были такие преподаватели, которым не нужен был переводчик, настолько четкая у них была артикуляция. У одного преподавателя была быстрая речь, с губ мы не могли понять. Конечно, таким преподавателям нужен переводчик. И сейчас их приглашают. Но и тут есть проблемы. От себя вопросы хотелось бы задать, обсудить материал после урока. И через переводчика пообщаться с педагогом. Но педагоги неохотно шли на это. Переводчик должен доброжелательно относиться к студентам, знать специфику глухих. Через него осуществляется обратная связь. Неудивительно, что некоторые ребята даже пропускали занятия, потому что не было переводчика. Было много специфических организационных проблем, с которыми студенты должны были справляться сами. Это только сейчас переводчика присылают. Раньше мы сами искали переводчика, а теперь в МГПУ*

сами заказывают переводчиков. У них даже появился куратор, который приглашает переводчиков на занятия».

Наоборот, отсутствие переводчиков в вузе является большой проблемой для глухих и слабослышащих. Например, **Михаил, оператор погрузчика**, рассказывает, что в техникуме были интересные случаи. «В техникуме слышащие преподаватели первый раз столкнулись с глухими. Они никогда раньше с ними не работали. Была тяжелая проблема с переводчиками. Их не хватало, поэтому слабослышащих студентов ставили у доски и просили переводить для глухих студентов. Учителями там были бывшие военные, и для меня было странно оказаться в таком месте с такими людьми. Я привык к школе, где были другие порядки. А в техникуме же за нарушения заставляли отжиматься. Если я опаздывал, меня заставляли мыть классы в техникуме. Иногда бывала такая ситуация, когда мы переговаривались на жестовом языке во время занятий, а преподаватели не знали, как нас остановить. Мы общались жестами, а преподаватели били по столу для того, чтобы создать вибрацию, к которой глухие чувствительны. Даже били по стене, чтобы нас напугать и привлечь внимание к себе».

Виктор, воспитатель коррекционной школы, рассказывает, что «переводчик один год работал, и все. А так все сами писали, спрашивали, учителей просили, тетрадей было много. А был бы переводчик все время, конечно, все было бы намного легче. Мучились мы очень, тетрадок

столько понаписали, но учителя к нам хорошо относились».

Павел, актер, отмечает, что в системе специального образования есть единственный недостаток: не все педагоги знают жестовый язык. *«Неслышащие могут не понять окончания слов, из-за этого пропускают смысл слов. А жестовый язык и дактиль передают глубину слов».*

Ирина, социальный работник, говорит, что мало толковых переводчиков, ведь раньше жестовый язык был не в моде.

Дмитрий, студент, говорит, что *«...в колледже, если переводчик заболел, все провисает. Или переводчик есть, но у него плохой жестовый язык. Нужно, чтобы переводчиков было больше».*

Ольга тоже говорит о том, что надо, чтобы было больше переводчиков. *«А вообще, глухие хотят учиться, поступать куда-нибудь после школы, и они должны сами всего добиваться. Важно, конечно, чтобы к их услугам были переводчики. Я сначала училась в специальной группе, вместе с переводчиком, а во втором вузе я училась сама по себе. Просила переводчика приходить, и он мне переводил, но не всегда получалось хорошо на лекциях. Тогда обращалась к другим студентам и все у них переписывала. Но хороший переводчик — это очень важно. Где есть глухой человек, там должен быть всегда переводчик».*

Виолетта, учитель математики, рассказывает: *«У меня два диплома. Первый диплом я полу-*

чила, когда училась в спецгруппе, там комфортно было, а второй — когда была вместе со слышащими, и там был дискомфорт. Я не могла писать лекции у слышащего преподавателя, и приходилось переписывать. Я наняла репетитора, которому платила. Репетитор учил меня, например, математике».

Галина также говорит о значении переводчиков: «Если переводчица заболела — все. Пропускаю все лекции, какой смысл на них ходить. Была девушка, которая давала мне списывать конспекты».

Несмотря на объективные сложности, многие глухие и слабослышащие позитивно вспоминают свои отношения с преподавателями в вузе.

Павел, актер, рассказывает, что отношения с преподавателями были отличные: «Хорошие отношения. Ну, там люди творческие, поэтому и педагоги творческие, и в целом отношения были... отличные».

Эдуард, видеооператор, рассказывает: «Преподаватели терпимо ко мне относились, понимали, что мне тяжело со слышащими. Приходилось брать задание, вставлять, уходить и так далее. Со студентами отношения были нормальными».

Татьяна, уборщица, утверждает, что у нее была группа для инвалидов, 10 слабослышащих, 15 слышащих. «Все люди разные, и педагоги разные. Нормально складывались отношения. У нас там все, в принципе, были инвалидами. То есть на на-

шем курсе кто-то был инвалидом по слуху, кто-то там слепой, кто-то — опорник-колясочник, кто-то с протезом».

Светлана, актриса, рассказывает о том, что ей было комфортно и в школе, и в училище. «Я не видела разницы между школой или училищем. Я всегда училась с удовольствием. Не было проблемы выучить какой-то предмет. Учеба давалась легко. Только “плавала” в точных науках — в химии, физике, математике. А с остальными у меня проблем не было».

В ряде случаев это было связано с личными качествами самого человека. Например, **Ольга, главный бухгалтер**, говорит, что «...преподаватели вначале шарахались от меня, глухой, а потом смотрят — я говорю не хуже других, а в чем-то и лучше, поэтому ко мне нормальное отношение было».

Виктория, учитель физкультуры, вспоминает: «Был такой случай на политэкономике, все знали, как я пишу, — если было что-то новое, я переписывала у ребят, если можно было по книжке — из книжки. Преподаватель захотел со мной познакомиться, так как считал, что глухие бестолковые, но ему объяснили, что я все могу делать на высоком уровне. У меня была хорошая подготовка в школе, учительница по истории просто вдалбливала нам знания. Потом на экзамене у этого преподавателя вытянула билет, а в нем три вопроса. Хорошо помню один вопрос: “Революционные ситуации”, никто, кроме меня, не знал

ответа. Я написала ответ, он проверил, задал дополнительный вопрос, я ответила, и мне поставили 5. После этого он всегда со мной здоровался, а раньше просто игнорировал».

Отношения со слышащими коллегами-студентами складываются по-разному, но наиболее распространенной тенденцией является значительно меньшее количество общения между глухими, слабослышащими и нормально слышащими в вузе. Например, **Максим, видеооператор**, рассказывает, что *«...со слышащими студентами мы практически не общались. Только конкретно, например, на лабораторных работах что-то уточняли, спрашивали, а так, помимо учебы — нет».*

Никита, тренер, рассказывает: *«На первом курсе слышащие с любопытством ко мне обращались, автоматически давали нам списывать. А на втором, третьем они забыли обо мне. В группе пять человек глухих, три человека из моего выпуска школьного, а два — из параллельного класса. Мы и общаемся, а со слышащими — нет, только во время выполнения заданий преподавателя мы у них спрашиваем, что нужно сделать. Помню: прошел месяц практики, слышащие написали мне, что нужно написать отчет. А преподаватель сказал — нет, надо по книге сделать. Посмотрел книгу, а там еще больше нужно сделать. Поэтому слышащие уже сдали все, а мы все еще пишем. Это помимо отчета. В общем, мы к слышащим обращались по делу, первыми разговор начинали, а они только отвечали, не интересовались, как нам живется».*

Как правило, в вузе общение идет внутри группы с нарушениями слуха. Нередко оно продолжается в рамках общения с той же группой, что была в школе или специальном учебном заведении. Например, **Александр** рассказывает, что «...собрал группу (все с нарушениями слуха), и мы все поступили в институт на вечернее отделение. Утром работали, вечером учились. Было легко учиться, так как в институте были те же предметы, что и в техникуме. Тем, кто плохо учился в техникуме, было тяжело. Мы все им помогали. Если бы группа стала меньше, чем 30 человек, нас всех бы отчислили. Преподаватели были замечательными. Один преподаватель помогал мне работать на станке, а также давал учебные брошюры. Он говорил, что если я буду хорошим техником, то меня возьмут на производство технологом».

Алла рассказывает: «В институте мне понравилось то, что мы вместе ходили на разные экскурсии, в походы. Были разные мероприятия. Собирались глухие из нескольких университетов, даже из разных городов. Проводили КВН. А сейчас такого нет. Ходили еще в музеи...».

Как улучшить жизнь глухих и слабослышащих в период обучения в вузе

Одной из наиболее серьезных проблем глухие и слабослышащие считают недостаточное количество высших/средних специальных учебных заведений, куда принимают людей с ограничениями по слуху.

Например, **Максим, видеооператор**, говорит, что важно для людей с недостатками слуха расширить возможный выбор специальностей, по которым они могут учиться: «У нас выбор был очень ограничен, по факту только три факультета из 30. Понятно, почему — переводчиков на всех не хватало, поэтому набирали большие группы, и переводчик со всеми работал. Например, я хотел бы там пойти на факультет биомедицинских технологий, но возможности не было».

Эксперты говорят о том, что наличие в обществе глухих и слабослышащих ставит задачу подготовки специалистов для работы с ними, нередко из их же числа, и приводят позитивные примеры такой подготовки. Например, **эксперт Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, утверждает: «Возьмем социальный университет, который готовит специалистов по адаптивной физкультуре, переводчиков, социальных работников для работы с глухими. Все поставлено хорошо. Все продумано. Университет более доступный, чем, например, “Бауманка”. У нас есть много преподавателей, владеющих жестами. В принципе, это одно из условий для обучения глухих. Студенты хорошо учатся. Работники Московской организации глухих — Ирина Винник, Галина Гаврилова и другие — окончили этот университет. Обучаться можно и заочно, и дистанционно. Там меньше проблем. В РГСУ есть сотрудники, владеющие жестовым языком, есть и дефектологи, даже глухие ведут предметы. Я проверяла у них владение жестами, когда меня пригласили в качестве экспер-

та. В принципе — в норме. Они заинтересованы в решении нашей проблемы».

Ограниченный выбор специальностей для обучения глухих и слабослышащих имеет место даже в тех учебных заведениях, которые принимают их на обучение. В некоторых случаях созданные для них специальные группы расформируют.

Например, **Марина, домохозяйка**, рассказывает, что ее сын чудом устроился в колледж по специальности «Машиностроение», где была специализированная группа (пять-шесть человек). Когда он ушел, то закрыли всю группу, ссылаясь на то, что глухим сложно освоить программу, технический язык недоступен им. У глухих очень узкий выбор специальностей. Нужно расширить перечень специальностей, доступных для них. В вузах должно быть больше групп специализированных.

В качестве серьезнейшей проблемы глухие и слабослышащие называют недостаточное количество переводчиков. При обсуждении обучения в вузах этот вопрос поднимает большинство из людей с ограничениями по слуху. Они также касаются вопроса обучения обычных преподавателей хотя бы основам жестового языка.

Например, **Изабель, студентка**, говорит, что обязательно присутствие переводчиков: «Педагог сложно объясняет. Но не все глухие понимают сложные предложения, термины. Даже если переводчик хороший, он не всегда понимает проблемы глухих. При построении учебного процесса надо учитывать

особенности глухих студентов. Программу следует оставить. Но лекции не стоит усложнять сверх меры». Об этом говорит и **Ольга, кассир**: «Надо увеличивать количество переводчиков, поднять им зарплату. Надо быть повнимательнее к глухим. Если преподаватель не смотрит на глухого, то нормального контакта не будет. Многие слышащие не понимают глухих. Считаю, что нужна помощь психологов, они могут помочь установить контакт».

Алексей считает, что нужна государственная поддержка переводчиков. Чтобы государство платило переводчикам, а не глухие клиенты.

Алла, пенсионер, говорит о том, что хотела бы, чтобы каждый студент мог индивидуально заниматься по какому-либо предмету, чтобы у него был переводчик. «Если у него есть цель, нужно его поддержать. Дать ему переводчика. Например, моя дочь Мила хотела поступить на филологический факультет, но ее не хотели брать из-за недостатка слуха. Она своего добилась, окончила этот университет с отличием. Но училась-то без переводчика, и ей было тяжело».

Надежда, председатель местного отделения ВОГ, отмечает важность того, чтобы преподаватели в учебных заведениях знали жестовый язык. «Это главное! И сейчас с переводчиками проблема. Лучше бы преподаватели знали жестовый язык, хотя бы чуть-чуть».

Для обеспечения достаточного количества и уровня подготовки переводчиков эксперты го-

ворят о необходимости поднять им уровень заработной платы и престиж профессии. Например, **Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ**, говорит: «Преподаватели у нас получают одну зарплату, а переводчику платят на много меньше. Они — вспомогательный персонал. Но ведь они непосредственно участвуют в образовательном процессе, являются кураторами групп студентов. Надо поднять уровень их зарплаты и престиж профессии. Действительно, профессия очень дефицитная, мало кто владеет в совершенстве жестовым языком, поэтому надо поддерживать переводчиков жестового языка в их нелегком труде, это тяжелая работа, между прочим».

Важно, чтобы экзамены в вузе принимали с участием переводчиков. Например, **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, говорит: «Надо иметь возможность сдавать экзамены не устно, а или на жестовом языке с переводчиком, либо письменно — это очень важно. Многие преподаватели требуют: “Говори”. А если я говорю плохо? Если он говорит плохо, это не значит, что он думает плохо, а преподаватель может не понимать речь студента, именно для этого нужна возможность письменного контроля знаний. Приходит глухой, с ним переводчик, глухой говорит на жестовом языке с голосом или без. Переводчик сидит с преподавателем и переводит его вопросы и ответы глухого студента. Можно отвечать и в письменной форме. У глухих должно быть право поступать, куда они хотят, соответственно, должен быть обеспечен жестовый перевод».

Эксперты отмечают, что для понимания переводчика в вузе необходимо владение жестовым языком (т. е. его надо знать еще в школе), а также говорят о важности мотивации глухих и слабослышащих в учебных заведениях. Так, **Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей**, говорит: *«Нет “механизма”, по которому глухие учителя могут быть допущены к преподаванию жестового языка. У меня филологическое образование, я бы хотела работать в школе и преподавать жестовый язык здесь, в школе. Допустим, слабослышащие дети оканчивают школу, в которой не приветствуется жестовый язык, в которой не обучают ему, идут в вузы; если там есть переводчик жестового языка, то они не поймут этого переводчика. Я думаю, в школах нужен такой предмет, хотя бы раз в неделю. Потому что дети испытывали бы меньше трудностей при прослушивании лекций через переводчика.*

Если глухому уделить внимания больше, убедить его в том, что он сможет приносить пользу обществу, то такой глухой человек сможет многого добиться. Проблема в том, что в школах не придадут должного значения мотивации, чаще всего можно услышать от взрослых людей: “Ты глухой, тебе будет трудно, ты никуда не сможешь поступить, ты плохо говоришь, ты будешь дворником, ты будешь работать на заводе токарем” — и очень, очень мало учителей, которые говорят так: “Ты глухой, но ты сможешь! Если будешь настойчивым, ты сможешь поступить в вуз, ты сможешь найти работу по душе, ты должен иметь мечту, следуй своей мечте”. Но в основном мы слышим: “Ты плохо говоришь, у тебя будут про-

блемы". Так дети теряют всякое желание что-то делать для страны, они выходят из школы, и 99% думают: "Я глухой, я ничего не слышу, я никому не нужен". Это очень важный момент. Нужно поднимать этот вопрос».

Эксперты говорят и о необходимости менять отношение преподавателей к глухим и слабослышащим. Например, **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, отмечает, что создала бы определенные условия, позволяющие человеку эффективно пройти адаптационный период в вузе: «У этих людей он достаточно длительный. Нужно менять психологию, отношение преподавателей и окружающих. Чтобы они не считали глухого обузой. Для этого они должны понимать, что помощь студенту — это еще и способность саморазвиваться. Поэтому мудрые преподаватели считают глухого не обузой, а одной из возможностей самому научиться чему-то новому.

Надо создать человеку в вузе те условия, которых он заслуживает. И которые оговорены в документах. Я бы хотела, чтобы вузы были более подготовлены к приему нашего контингента. Нельзя так одинаково со всеми... У наших ребят достаточно длительный период адаптации. Некому им помочь. А далее начинается обучение в одиночку. Оно может идти неплохо, если коллектив хороший, а если человек отдаляется, стоит на переменах один, где-то в коридоре, то просматривается негативное отношение. Человек считается обузой. Так как педагогу нужно писать для него специальные термины, каким-то образом их расшифровывать.

Это дополнительные усилия, которые прикладывает педагог. Нужно вмешательство науки. Наша наука, сурдопедагогика, очень интересная. Многие ученые предсказали то, что мы сейчас проходим. Педагог не должен все делать за ребенка, он должен проникнуться его проблемой. И сделать все для его самовыражения. При этом он должен понимать, что, оказывая помощь, будет сам развиваться, а не останавливаться на достигнутом».

Другие эксперты уверены в том, что основным условием является наличие переводчика, а другие специальные условия для них не нужны. Например, **Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ**, говорит о том, что для него вуз — это место, где человек должен создавать себя: «Поэтому я бы не увлекался особенно созданием специальной среды для глухих и так далее. Лучше учиться наравне со слышащими, главное — дать глухому переводчика, и все. Человек, который идет в вуз, хочет получить диплом, чтобы потом устроиться на работу в мире слышащих. А вузы — это своего рода репетиция самостоятельной жизни. Поэтому тепличные условия в вузах не нужны».

Глухие и слабослышащие уверены в том, что расширение дистанционного образования, улучшение технического оснащения вузов, сопровождение чтения лекции показом письменных материалов также может существенно улучшить их успеваемость во время обучения в вузе. Например, **Никита** предлагает «...преподавателям выводить всю лекцию на экране, чтобы мы могли читать и выписывать нужные темы. Но обычно они только

говорят и говорят. Однажды я попросил преподавателя дать мне текст лекции, чтобы я смог списать. А он отказал: переписывай у слушающих. А у них почерк бывает неразборчивым». Об этом говорит и **Эдуард, видеооператор**: «У каждого преподавателя свой почерк, можно его иногда и не понять, а если на электронной доске будет информация, то студенты смогут ее считывать».

Виктор, программист, говорит о том, что нужно развивать дистанционное обучение: учебники, консультации, методики, чтобы можно было у компьютера сидеть и самому учиться. Раньше группы собирались с переводчиком. Почему? Потому что индивидуально переводчика нанимать было дорого. Сейчас можно лекцию записать с переводом, отправить ее в Сеть — и никаких проблем. Все зависит от самого уровня подготовки, человек должен соответствовать университету. Со школы готовиться надо».

Наталья, главный редактор, предлагает, чтобы, во-первых, в институтах понимали проблемы глухих и слабовидящих. Чтобы у них было право свободного посещения лекций, чтобы они (если учатся не в специальной группе) не напрягали зрение, считывая с губ. Во-вторых, чтобы давали переводчиков. В-третьих, следует использовать возможности дистанционного образования. При этом нужно все равно учитывать проблемы таких людей. Ведь часто бывает, что человек учится дистанционно и не имеет возможности связаться с преподавателем и получить консультацию, даже если это платное образование. В об-

щем, чтобы человек мог получить высшее образование, университет должен понять его проблемы и пойти ему навстречу.

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, также поднимает вопрос удобных форм организации учебного процесса с помощью технических средств: *«Я приведу пример: за границей преподаватель отдает готовую лекцию студенту по электронке. Надо, чтобы была современная техника, чтобы были равные возможности доступа к информации».*

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, как и другие эксперты, *говорит о новых возможностях для обучения благодаря новым технологиям: «Сейчас система высшего образования использует дополнительные средства наряду с техникой: есть FM-система, которая позволяет на слуховом аппарате прослушивать выступление преподавателя, и переводчики жестового языка. То есть все условия практически есть, надо просто расширять спектр профессий и привлекать молодежь к обучению».*

Эксперт Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, обобщает: *«Может, раньше легендарных профессоров было больше. Мы гордились, что слушали их лекции. А сейчас харизматичных преподавателей меньше. Но, с другой стороны, техника помогает. Можно по Интернету заочно учиться хоть в заграничном университете. Это дистанционное обучение».*

Кроме того, глухие и слабослышащие отмечают актуальную для них проблему недостаточно осознанного выбора вуза для будущей профессиональной жизни. Например, **Михаил, оператор погрузчика**, говорит о том, что *перед тем, как глухой человек будет поступать в техникум или институт, с ним нужно проводить беседу, дать ему понять, кем он может быть после окончания обучения: «Чтобы глухие после окончания понимали, что они могут дальше делать. Не допускать такого, чтобы глухие и слабослышащие поступали в колледж просто так, лишь бы отсидеться. Важно, чтобы сознательно шли в колледж или вуз».*

ГЛУХИЕ И СЛАБОСЛЫШАЩИЕ: РАБОТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ

Проблемы в трудоустройстве

По мнению глухих и слабослышащих, одной из наиболее серьезных проблем является проблема с трудоустройством. Лишь в незначительной мере это связано с реальными ограничениями. Например, глухие приводят в качестве примера то, что, согласно недавним изменениям в нормативах, человеку с недостатком слуха не разрешается работать по станочным специальностям, несмотря на то что ранее такие ограничения не выдвигались, более того, эти специальности считались традиционными для неслышащих. Помимо очевидных ограничений, с которыми согласны глухие и слабослышащие, в значительном количестве случаев проблему создает наличие стойких и широко распространенных в среде сотрудников компаний и предприятий предубеждений относительно глухих, их интеллектуальных способностей и профессиональных возможностей. В значительной мере это связано с отсутствием информации о том, как строить общение с глухим и слабослышащим человеком. Это приводит к тому, что человеку с недостатком слуха, как правило, отказыва-

ют в работе, даже если он в полной мере способен выполнять необходимые обязанности. При этом эксперты отмечают, что в современном мире технологий, Интернета, смартфонов и социальных сетей при необходимости построить интерактивное рабочее взаимодействие с другими людьми не составит особого труда. Более 35% опрошенных для данной книги глухих и слабослышащих заявили о том, что они лично сталкивались с проблемами в трудоустройстве по причине их слуха даже в тех случаях, когда они могли осуществлять связанные с работой обязанности. При этом, несмотря на предубеждения общества, глухие люди успешно работают на сложных работах: бухгалтерами, экономистами, видеооператорами, актерами, журналистами, преподавателями, столярами, токарями и пр. Однако эти предубеждения приводят к тому, что только меньшей части глухих и слабослышащих удается получить работу по этим специальностям. Но даже в этих случаях их назначали на меньшие должности и предоставляли им меньшие заработные платы. Приведем наиболее показательные мнения о вопросе трудоустройства.

Виктор, воспитатель, говорит, что устроиться на работу трудно: *«Я сам искал долго, в другие школы ходил, никто не брал меня, в другую школу обратился — не было места».* **Эдуард, видеооператор**, считает, что глухим тяжело найти работу: *«Директор, скажем так, не воспринимает глухих людей. Думает, что тяжело с ними будет. Не хотят брать на себя ответственность. Ты как проклятый — только и слышишь: “Не нужен. Мест нет”».*

Максим, видеооператор, вспоминает, что «... когда в Бауманском еще учился, я рассылал по своей специальности сотни резюме. На два-три отвечали, что подумают. А так, чтобы конкретно: “Приезжайте на собеседование”, не было».

Михаил, актер: «Сейчас все глухие говорят, что нет работы. Глухому человеку сейчас практически невозможно найти работу. Он постоянно сталкивается с этим вопросом». **Валентина, экономист**, говорит: «Бывает, вижу, как глухие приходят, просят, даже со слезами на глазах, устроить на работу».

Дмитрий, воспитатель, вспоминает: «В основном через знакомых подыскивал работу. Предлагали низкооплачиваемую работу. А у меня — семья. Нужно было ее содержать. А постоянной работы не было. Глухим нелегко. Был случай, когда я поступал на мясокомбинат, где хорошая зарплата: пришел туда, а мне сказали, что нужна медицинская книжка; прошел всех врачей, заплатил деньги. Пришел обратно в отдел кадров, а там уже другая сидела, она и говорит: “А мы глухих не берем!” А я деньги-то уже истратил. Кто вернет? Потом в другую фирму пришел, работа простая — собирать тележки, которые на улице оставляют. Также надо обойти врачей. Прошел медкомиссию, она дала добро. Прихожу в фирму со справкой, а на работу не берут! А что, сложно собирать тележки?! Зарплата там мизерная. А глухих все равно не берут!».

Елена, воспитатель, говорит о том, что найти работу очень трудно: «Глухие никому не нужны.

Чтобы интересную работу найти — это зависит от профессии. И от настойчивости. Высокооплачиваемая профессия — мечта. Я всю жизнь работаю, а денег не видно. А работу с карьерным ростом, с профессиональным развитием — этого глухой человек не найдет. Меня пригласили на работу, когда я еще училась. Пригласил старый директор школы, которую я окончила».

Анатолий, безработный, говорит о том, что из-за проблем со слухом никуда не берут. «Они не смотрят на опыт работы или на то, какие у меня золотые руки, только на проблемы слуха смотрят: “Извините, вы нам не нужны”. И все».

Михаил, оператор погрузчика, рассказывает, что «...если меня легко берут на работу, то это какая-то ужасная, черная, работа, которую никто не хочет выполнять».

Марина, домохозяйка, рассказывает: «Мой сын, кроме технологического вуза, получил еще специальность “оператор ЧПУ”. Я волновалась по этому поводу. Но сыну повезло, его приняли оператором ЧПУ. А так глухих не берут на работу. Есть приказ, в котором прописаны специальности, на которые могут брать глухих. Я говорю сыну, чтобы он не увольнялся, сидел на этом месте. А то больше не сможет никуда устроиться».

Нина вспоминает, что с дочкой приходила, хотела на завод ее устроить. Но когда узнали, что она глухая (она слышит плохо, но говорит хорошо): «Нет, нам такие не нужны! Штат заполнен».

Мы никого не берем!" Но там же квота есть! "Нет, больше 10 мы не принимаем на работу!" Понятно. Есть приятные исключения, например, гвоздильно-проволочный завод на Преображенской площади, там работает 80 глухих, директор с пониманием относится к неслышащим.

Ольга, кассир, говорит: *«Когда глухой приходит на биржу труда, ему дают направление. Он идет на предприятие, а его там не берут. Тогда глухой обратно на биржу труда идет. Слышащих принимают, а глухих не берут. Нужно обязательно давать им работу, они рукастые! Но не берут. Бывают, конечно, бестолковые глухие, но все равно нужно помогать им. Люди же разные, ведь и среди слышащих есть всякие. Не надо обобщать, если какой-то глухой плохо работает, это еще не значит, что все глухие так же плохо работают».*

Галина, уборщица, вспоминает: *«С утра встала, пошла во все двери, какие видела, офисы, спрашивала: "Нужна уборщица? Нужна уборщица?" На меня смотрели — "Нет, мест нет, мест нет. Не слышишь — мест нет". Иду и вижу: "Требуется уборщица в автомагазин". Я туда зашла. Администратор встретила, спрашивает: "Что вам?" "Работу уборщицы ищу", — отвечаю. Она осмотрела с головы до ног: "Нет, нет". Смотрю — оказывается, там другие уборщицы, такие красавицы в коротких юбочках, стекла протирают, витрины протирают — ну куда я пошла! И ушла, расстроилась. Друзья помогли на работу устроиться. Сейчас я работаю. Но был такой период, когда я не могла найти, плакала. Потому что до пенсии было*

рано еще. Как буду жить? Дети не помогают. Ребенок отдельно уже жил, со своей семьей. А теперь держусь за работу, двумя руками держусь. Давно уже меня выгнать надо по возрасту, но я держусь. Страшно очень».

Раиса, кассир, рассказывает: *«Посмотрите, сколько среди глухих безработных, их не берут на работу, среди них много специалистов, например, фрезеровщиков, токарей, а предприятий таких, как во времена СССР, нет сейчас, все позакрывались. Берут только на место дворника, и то не всегда. Это просто смешно, когда говорят, что мест нет. Есть предприятия обществ инвалидов, но там очень низкие заработки, поэтому туда и не идут».*

Галина, уборщица, добавляет, что с трудоустройством очень плохо: *«Я понимаю, от государства это, может быть, не зависит — это зависит от предприятий, от директоров, от боссов. У них свои интересы. Брать не хотят».*

Михаил, актер, говорит, что *«...если и есть работа для глухих, то это только места дворника, уборщика, упаковщика, а о какой-нибудь престижной работе речи не идет».*

Екатерина, пенсионер, рассказывает, что трудно устроиться: *«Раньше можно было устроиться там, и там. Я школу окончила успешно, потом училась, мне дали работу. Сейчас молодых, конечно, жалко, особенно тех, кто престижный Бауманский окончил — их, за редким исключением, берут только дворниками».*

Елена, воспитатель коррекционной школы, рассказывает: *«Общаюсь с глухими, с молодежью — им трудно найти работу. Есть девочка, которая очень хорошо стрижет. У нее талант, но она не может пойти в колледж, потому что там нужна группа, дали бы сурдопереводчика на шесть человек. Но других желающих не было, и она пошла на другое место».*

Значительное количество нашедших удовлетворяющую их работу указывает на то, что смогли ее получить только за счет связей или случайно. Например, **Ольга** говорит, что *очень сложно работу найти: «В основном глухие приходят устраиваться туда, где уже работают глухие. Туда, где их нет, устроиться практически нельзя. Разве что по блату. Через знакомых».*

Вячеслав, резчик по дереву, прямо говорит, что человеку с недостатком слуха не просто найти работу: *«Это скорее вопрос везения, это редкое явление, когда слабослышащего или глухого сразу берут на работу».*

Антон рассказывает: *«В первую очередь, конечно, отказывали мне в связи со слухом. Если компании небольшие, то могли пойти навстречу. Вначале обычно пугаются, когда я на собеседование прихожу, а потом начинают понимать, что все нормально. Конечно, должность давали низкую, оплата тоже низкая. В немецкую компанию меня случайно взяли. Я в заявлении указал физический недостаток, они этого не заметили и меня позвали. Я сказал на собеседовании, что я не слышу, и тут*

они растерялись. Что теперь? В другом случае они бы отказали, но я ведь уже пришел. Говорю: “Могу показать вам портфолио”. Они смотрят: работы мои хорошие, нормальные. Они были в неудобном положении. Я спросил: “А как же вы работаете — даже не заметили примечание, что я глухой?” Они удивились моей прямоте, но оценили и приняли на работу. Так обстоятельства удачно сложились для меня. Важно быть в нужном месте в нужное время. А просто так ничего бы не вышло».

Виктория, учитель физкультуры, говорит, что устроиться на работу тяжело: «Даже в школу мне пришлось устраиваться по знакомству».

Михаил, главный редактор газеты, рассказывает, что работал там, где проходил практику — в МИФИ: «Меня туда и взяли, не потому что я такой умный, а потому что библиотеке понадобился мужчина, который может стеллажи передвигать, книги перетаскивать, только ради физической работы. Когда уже учился в педагогическом, я начал писать статьи в журнал, и когда я окончил вуз, меня взяли в штат этого журнала, и какое-то время работал корреспондентом».

Алла, воспитатель, вспоминает, что ее нашли после института: «Просто мне повезло. В то время работу еще легко было найти. Сейчас тем, кто оканчивает вуз, уже сложно. Во всех сферах глухим очень трудно устроиться на работу, не хотят с ними общаться, не понимают их. У мужа моего руки золотые — он столяр. Устроился на работу. Ему начальник начинает что-то говорить, муж

отвечает: «Извините, я не понял» — он разворачивается и уходит. Такое вот отношение, к сожалению...»

Елена, воспитатель, тоже говорит о том, что глухим сложно найти работу: «Дело в предвзятости. Нужно относиться к инвалидам хорошо, считать инвалида полноценным человеком. Надо прививать детям мысль, что инвалид — человек, заслуживающий уважения. Из двух пришедших устраиваться на работу — слышащего и глухого — кого работодатель возьмет? Конечно, слышащего, чтоб проблем меньше было. Если кто-то поможет глухому, порекомендует его как отличного специалиста, тогда его могут взять. А так, без протекции, трудно устроиться. Разве что у начальника в роду есть плохослышащие, и тогда он может отнести к глухому непредвзято».

Елена, типограф, рассказывает, что «большую роль сыграла мама, так как я не могу общаться по телефону. Она со мной ходила на собеседование, помогала найти общий язык».

Люда, пенсионер, рассказывает, что в ее время проблем с работой не было: «А сейчас, я сужу по сыну, трудности есть. Можно устроиться только через знакомых. Глухих не хотят брать из-за того, что не знают, как с ними общаться. Ссылались именно на это. Они думают, что глухой — это глупый человек, а это не так. У него есть руки, голова. Если общаться по переписке, то никаких сложностей не будет. Сейчас сыну 33 года, он работает слесарем на военном предприятии. Справляется

со своей работой. Так что не нужно отказывать всем глухим. И подводить всех под одну гребенку».

Людмила, художественный руководитель, вспоминает: *«Папа был начальником производства, поэтому мне легко было. Другим, конечно, было сложно, а мне просто повезло».*

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста, говорит: *«Просто мне повезло. У меня по окончании университета был на руках режиссерский диплом, и как раз через два года после этого в Театре мимики и жеста умер режиссер, встал вопрос: кто займет его место? Директор предложил работу мне. Вот я и взялся. У меня есть знакомые ребята, которые окончили Бауманский, но их почти никуда не берут».*

Светлана, актриса, говорит о том, что нужно доверять глухим: *«Существует такое мнение, что глухие — это ненормальные люди. А на деле нужно просто посмотреть, как человек работает. Среди глухих людей есть очень способные профессионалы. Если взять слышащего и глухого с одинаковым образованием, то в первую очередь возьмут слышащего. Глухие в проигрыше. Это очень грустно. Бывает, что кто-то устроится удачно, но это чаще по знакомству или по благу».*

Важно отметить, что предубеждение по отношению к глухим и слабослышащим настолько велико, что даже то, что наличие определенного процента инвалидов дает предприятию льготы по налогам, не влияет на их трудоустройство. На-

пример, **Алексей, безработный**, рассказывает, что ему обидно, что начальники и директора не принимают людей с проблемами слуха, зрения: «Им не важно даже то, что им выгодно таких брать на работу — меньше будут платить налогов, но они все же не хотят этого делать».

Некоторые отмечают, что дополнительные сложности в трудоустройстве связаны с тем, что глухие не могут «подать себя». Например, **Максим, видеооператор, говорит**: «Многие слишком заморачиваются на своей проблеме со слухом. Есть и такие глухие, которым очень тяжело находиться со слышащими людьми, они не смогут себя нормально подать, заинтересовать работодателя, чтоб он его взял к себе на работу. Надо головой думать, что-то делать. Но для большинства глухих эта проблема актуальна, потому что их не научили жить нормально».

Дмитрий, обучается менеджменту, вспоминает, что у него был такой случай: «“А как мы с вами общаться будем?” — спрашивают меня. Говорю, чтоб писали на бумажке. “Нет, на бумаге писать не будем”. С ними спорить сложно. Люди начинают что-то мямлить и уходят. Контакта не происходит. Если по губам понимаю, стараюсь ответить. Хорошую работу найти возможно, но это зависит от того, как человек может себя подать. Слышащим проще договориться. А глухому надо показать себя в деле, чтоб его оценили. Больше усилий надо приложить для трудоустройства. Но в принципе это возможно. Каждый человек должен выбрать, где ему комфортно и удобно».

Есть еще интересные места, где работают глухие. Но это капля в море».

Марина, инженер, говорит, что «...слышащие знают, как подойти к начальству, говорить с ним. А глухой что может? К сожалению, нас воспитывали в тепличных условиях. Те глухие, которые из слышащих семей, они хоть как-то общаться могут. А у глухого из семьи глухих другое сознание. И общаться с начальством им очень сложно».

В подавляющем количестве случаев глухие и слабослышащие выбирают не ту работу, которую хотели бы, а ту, которую смогли найти. Например, **Ольга, главный бухгалтер,** говорит, что «...не собиралась быть бухгалтером, просто выбора не было, куда идти-то глухому человеку? Пошла в экономику, потому что глухие здесь могут работать и имеют право работать».

Масса широко распространенных проблем в области трудоустройства не исключает наличие и положительных примеров. Например, **Галина** рассказывает, что «...поступила на завод конструктором. Была сначала копировщицей, потом конструктором, росла там. В одном месте работала двадцать пять лет. Никуда не уходила. Не изменяла заводу. Заканчивала техникум механический, поэтому поступила на завод часовой, там отец мой работал. Отдел кадров без проблем прошла. Назначили в группу слышащих, копировщицей — на время. Нормально работала. Потом начался рост. Доросла до инженера».

Павел, актер, поступил в Театр мимики и жеста и параллельно занимается короткометражными фильмами: «Я участвую в международных кинофестивалях, есть награды».

Александр, технолог, проектировщик, вспоминает, что после окончания института попросился в конструкторское бюро на том же производстве. «Меня готовы были взять несколько КБ сразу. Но один из руководителей бюро позвал к себе. Там было очень сложно, многие уходили оттуда, но я согласился. Оказалось, работать было не так трудно, как казалось поначалу. Все было связано с чертежами и математикой. Для конструктора главное — хорошая память, потому что там сотни деталей, и все это нужно помнить».

Ольга, пенсионер, говорит, что работу найти слабослышащим легче. Глухих не берут, ссылаясь на то, что нужен переводчик. «Если человеку что-то интересно, думаю, он сможет добиться этого. Зависит от самого человека».

Проблемы с трудоустройством глухих и слабослышащих активно обсуждают и эксперты. Они отмечают, что эти проблемы во многом связаны со свойственными обществу глубокими предубеждениями и недостатком информации о глухих и слабослышащих. С другой стороны, замкнутому миру глухих свойственны свои предубеждения, они не умеют и не стремятся «показать» себя и часто «идут по пути наименьшего сопротивления» — стремятся идти на работу в те места, где уже работают люди с нарушениями слуха. Часто

эта работа не требует высокой квалификации или, как минимум, не соответствует их способностям или интересам.

Например, эксперт **Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей**, оценивая количество глухих и слабослышащих, не имеющих возможности найти удовлетворяющее их место для работы, говорит о том, что *примерно 80% сталкивается с такой проблемой.*

Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, говорит о том, что в области трудоустройства *ситуация стала немного лучше, чем 10–20 лет назад. «Я не говорю про советские времена, когда действовала система защиты трудоустройства. Когда были все условия работы — переводчики, бесплатные путевки, экскурсии — только работай, план давай. Когда эта система рухнула, глухим было очень тяжело, но, с другой стороны, это стимулировало поиск других возможностей. Благодаря новым технологиям все-таки стало больше вариантов трудоустройства.*

Информированность общества о глухих достаточно низкая. Многие работодатели автоматически пугаются глухого, просто не знают, как с ним общаться. Если приходится на интервью, то слабослышащим легче. Полностью глухим очень трудно, надо искать переводчика или рассчитывать на терпение работодателя. Может быть, образование у глухого намного лучше, чем у слабослышащего, но из-за проблем

в общении зачастую глухого возьмут в последнюю очередь.

Есть и другие случаи. Например, одна глухая женщина жаловалась, что выполняет вместе со слышащими совершенно одинаковую работу, но разница в зарплате у них почти в два раза. Такая дискриминация на рынке труда существует, и, конечно, обидно, что есть огромное количество глухих с высшим образованием, окончивших те же вузы, но работают кассирами или грузчиками. Найти физическую работу глухим реально, а работу по специальности — достаточно сложно».

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, тоже рассказывает о том, на какую работу берут глухих и слабослышащих: *«Если говорить про рабочие специальности типа “портной”, “станочник”, то глухих, как правило, берут охотно, они же видят процесс глазами, чисто работают, работают больше времени: слышащие уходят на перерывы, чтобы потрепаться, покурить, а глухому не с кем общаться, вот он и работает от и до. Производительность у него часто выше. Государство дает глухому только простые специальности. Летчик, врач — это не для глухого. В таких случаях обычно говорят: “А как он будет общаться?” Работу найти нелегко, разве что в Москве ситуация более или менее. И предлагают маленькую зарплату. Считают, что раз инвалид, то что он вообще может? Никто лишней ответственности не хочет. Если глухие удачно трудоустроились, то часто это благодаря знакомству».*

Эксперт Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО, прямо говорит, что *очень сложно с трудоустройством: «Условий нет. Отношение окружающих не совсем толерантное. Глухих никто не ждет. Первая причина, которая влияет на выбор работы, — это стадность. Куда большая часть товарищей пошла, туда индивид и следует. В данном случае его реальные способности не учитываются. Государство в перспективе потеряет, может быть, гениального химика, физика и т. д. Вторая — это родители. Куда у них есть возможность устроить его, туда он, соответственно, и идет. При этом родителям говорят: “Мы возьмем его условно”. С другой стороны, пенсия у глухих часто больше, чем зарплата. При устройстве глухого на работу его пенсия урезается, поэтому многие из-за этого никуда не идут работать, предпочитая максимальную пенсию. А те, кто хотел бы работать, находятся в критической ситуации. Их не берут. Говорят: “Мы не можем работать с тобой без переводчика, а его нужно оплачивать”. Он говорит: “Я буду писать”. Начинает писать, мастер не может разобрать его письма, в итоге его просят уйти».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, дает свою оценку причин проблем с трудоустройством глухих и слабослышащих: *«Я, заканчивая школу, еще не знал, куда мне пойти, чем мне заняться. Это сейчас я понимаю, что надо было поступить в архитектурный. Я это понял только где-то в 30 лет. А тогда, в 18 лет, нужно было выбрать направление. По математике и физике у меня были пятерки. В МГУ, как мои*

родители, не пойдешь, там переводчиков нет. И я поступил в МВТУ им. Баумана. Он давал гарантию трудоустройства. Работал рядом со слышащими. Меня уважали, потому что я был довольно толковым конструктором. На меня даже скидывали лишнюю работу, я чертил, придумывал что-то. Потом, к 90-м, зарплата резко упала, и я уволился. Легко ли устроиться на работу? Раньше среди глухих безработицы практически не было, потому что они массами шли на заводы, предприятия швейные, металлообрабатывающие... Глухой может плотником, столяром трудиться, фрезеровщиком... Это были "наши" специальности, потому что глухие "работают" глазами. И они рукастые, мастера своего дела. Во время войны они были героями трудового фронта. Работали день и ночь, вытачивали на станках снаряды для "Катюш". Многие трудились на крупных предприятиях типа Уралмаша, ЧТЗ (во время войны — Танкоград). Директора этих предприятий позже становились министрами. Они прекрасно знали возможности глухих, поддерживали их, издавали постановления, указы, облегчавшие их трудовую подготовку и устройство на работу. А сейчас многие крупные предприятия загнулись. На ЧТЗ по-прежнему глухие работают, на Ростовском вертолетном заводе тоже глухие работают в большом коллективе. Таких предприятий почти не осталось в Москве. Новое поколение директоров просто не знает, на что способны глухие люди. Приходит человек, работу ищет, пишет кое-как. Ему говорят: "Извини. Мест нет". Это вместо того, чтобы дать ему возможность показать свои умения. Работодатель вопрошает: "Как я буду с вами разговари-

вать?" Глупый вопрос! Когда человек работает на станке, с ним много говорить не нужно. Ему надо дать чертеж детали, разговаривать с ним будет начальник цеха, они уж точно найдут общий язык. Но директор из новеньких, поэтому отказывает глухим. Везет тем глухим, у которых есть влиятельные родители, которые могут попросить, мол, возьми моего сына. Потом руководители говорят: спасибо, что привел своего сына, он, оказывается, лучше всех разбирается в компьютерах».

При этом успешный поиск работы представляет для глухих и слабослышащих задачу такой сложности, что лишь около 15% опрошенных сказали, что могут себе позволить уволиться с существующей работы и искать новую. Например, **Ирина, социальный работник**, покинет рабочее место, только если сильно чего-то испугается или какой-то серьезный конфликт произойдет.

Ольга, технолог, говорит, что уволилась бы, если бы знала, что найти новую работу легко.

Екатерина, швея, говорит: «Работаю за маленькую зарплату и молчу, потому что пенсионерка, а была бы помоложе, ушла бы».

Этого же мнения придерживаются и эксперты. Например, **Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих**, говорит: «Куда ему идти? Там, где он работает, хоть какая-то зарплата есть. Если уволишься, то куда устроишься? Женщинам можно только в уборщицы».

Несмотря на наличие целого ряда проблем в области трудоустройства глухих и слабослышащих, нельзя не упомянуть и об обратных примерах. Например, **Михаил, оператор погрузчика**, готов к поиску новой работы. Он говорит, что его *сейчас повысили настолько, насколько это возможно. «Дальше роста нет. Для более высоких должностей нужен слух. Но сейчас я думаю, что достоин лучшей работы. Может быть, скоро придется начать поиски лучшей работы. Например, меня хотели поставить управляющим. Я этого хотел, разговаривал с директором. Директор был не против, но боялся того, что скажут слышащие люди. И второе, что мне мешает, — я не могу говорить по телефону. Но без перспектив мне скучно. Я хочу расти. Придется идти на другую работу, где смогут оценить мои качества, где меня будут уважать».*

Показательно мнение **Владимира Базоева, председателя МГО ВОГ**, который говорит, что *положение, конечно, меняется в лучшую сторону, потому что общественные организации активно работают с органами власти; мы требуем от них, чтоб создавались все условия для комфортной жизни глухих в нашей стране, так ситуация постепенно меняется к лучшему.*

О предвзятом отношении к глухим и слабослышащим на рабочем месте

Более 40% глухих и слабослышащих в Москве говорят о том, что лично сталкивались с предвзятым или негативным отношением со стороны на-

чальства или коллег из-за своих проблем со слухом: их пытаются уволить при первой возможности, обвиняют в первую очередь. Приведем примеры личных историй, которыми делятся глухие и слабослышащие.

Надежда рассказывает: *«Мой знакомый десять лет работал на одном месте. Все было отлично. Но когда поменялся начальник, то новый босс вынудил его уволиться, несмотря на то что он на все руки мастер. Прежний начальник его посылал и туда, и туда. Почему, раз ты глухой, тебе нужно зарплату урезать? А начальник говорит: “Ах, тебе не нравится — уходи! Пиши заявление и уходи”. И таких случаев много. Недавно поступила девочка работать в магазин кассиром, а там ничего особенного делать не нужно, там товар со штрих-кодом. Вскоре начальник ей сказал, чтобы она увольнялась, — на ее место он возьмет другую (не москвичку, которая готова пойти на любую зарплату). А нас, москвичей, куда? Он говорит: “Если не уволишься сама, я тебе запишу прогул в трудовой книжке”. Такая вот дискриминация».*

Галина, уборщица, рассказывает, что когда она работала в банке, у нее был такой случай: *«Я убирала у начальника в кабинете. Однажды сломался какой-то сувенир на столе у начальника, и в этом обвинили меня. Меня сразу уволили, не разобравшись. Потом оказалось, другой человек был виноват».*

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста, помнит, что негативные случаи были,

когда преподавал мастерство актера, с педагогами были конфликты. Когда какие-то вопросы возникали, я пытался участвовать в их решении, но преподаватели говорили: «Мы без вас разберемся». Из-за такого отношения я и бросил преподавание».

Вячеслав рассказывает: «Раньше было хорошо. Начальник и директор меня уважали. У меня почетные грамоты “за участие”, “за активность”. Но в последнее время что-то не так пошло. Опоздаешь на две минуты, не на 10–20, всего на две минуты, а тебя уже пугают лишением премии. У нас на заводе было 13 человек, а теперь осталось восемь. Глухих увольняют всех. Я терплю, терплю. Хотел уйти. А куда? Я бы устроился, но нет диплома. Вот и молчу, сижу и работаю. Деньги нужны, жить надо».

Дмитрий, воспитатель, говорит о том, что в коррекционной школе педагогический коллектив очень хороший, внутренние проблемы тоже решаются: «А когда я работал на заводе “Коммунар”, там в отношении глухих были проблемы. Были конфликтные даже ситуации. Без переводчика решить вопросы было невозможно».

Евгения, инженер, рассказывает, что «была на работе в основном со слышащими, потому что глухие были в других отделах. И все глухие все мне говорили, что им очень трудно и часто отношение к ним несправедливое. Я подходила к слышащим и говорила: “Что вы делаете? Говорите спокойно, они вас по губам понимают. Зачем вы здесь кривляетесь?” А в ответ: “Мы устали! Почему мы с ними

мучиться должны?» А я им говорила, что это глухие со слышащими мучаются».

Эксперт **Виктор Паленный**, главный редактор журнала **ВОГ**, говорит, что, *«бывает, в коллективе избирают глухого мишенью для придирок. Например, в производстве брак, и тут все указывают на глухого. В такой обстановке он уже не желает работать и уходит».*

Несмотря на описанные выше широко распространенные случаи предвзятого и негативного отношения, значительное количество глухих и слабослышащих рассказывает и о позитивных примерах трудовых коллективов. Необходимо отметить, что немногим более половины глухих и слабослышащих признали, что им удастся полноценно работать в коллективе слышащих людей.

Например, **Ольга, технолог**, вспоминает, что *«были нормальные отношения: «Наше предприятие было учебно-производственным, поэтому там с пониманием относились к глухим, к инвалидам. Директор сам был инвалид».*

Виктор, программист, рассказывает: *«Ко мне нормально относились. Конечно, вместе не пьем, но по работе — нормально. Приходит начальник ко мне, хочет что-то сказать. Я ему говорю: напиши. А он пожилой, в очках, стесняется. Начинает говорить, а я его не понимаю. Он идет к другому, объясняет ему, а тот уже — мне». Людмила, художественный руководитель*, говорит, что *к ней относились вначале с осторожностью, а потом,*

«когда я показала, кто я на самом деле, отношение улучшилось, и все стало нормально. Главное, я выполняла все вовремя, качественно, меня оценили, я не хвалюсь, но рассказываю, как было».

Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, считает, что многое зависит и от человека, и от коллектива, везде по-разному. *Есть совершенно замечательные ситуации, когда слышащие люди осваивают основные жесты, изучают дактилологию. Тем не менее изоляция от общества есть, потому что это то же самое, как если ты один русский, а вокруг тебя все китайцы. И если ты русский и работаешь в коллективе китайцев, благодаря слуху ты все равно начнешь постепенно понимать китайский язык. У глухого такого не получится, поэтому всегда есть определенная изоляция, непонимание того, что происходит. Если на работе кто-то будет принимать какие-то решения, планировать сокращения, то глухие будут узнавать новости последними».*

Виктор, программист, вспоминает: *«Когда на заводе работал, люди с трудом привыкали к тому, что у меня нет слуха. Например, компьютер на заводе сломался, я приду, а человек не знает, как мне объяснить. Но, слава богу, после того как опыта набрался, я просто садился и чинил. А те, кто знал, в чем проблема, — пальцем тыкали, и я уже понимал, что к чему. Но первое время было тяжело».*

Раиса, председатель местного отделения ВОГ, говорит о том, что она общается с менедже-

рами, с бригадирами, с поварами: «Даже за столом сидим и обмениваемся мнениями, опытом».

Алексей, актер, говорит, что со слышащими общается: «Мне вполне комфортно, по губам я все понимаю, у меня есть хорошие друзья, артисты в театре Маяковского, я всегда прихожу к ним пообщаться и просто посмотреть. Есть такие слабослышащие, которые общаются с известными людьми, у них свободные, хорошие отношения».

Вера, уборщица, рассказывает, что всю жизнь общалась со слышащими, проблем не было: «Это здесь первое место моей работы, где весь коллектив состоит из неслышащих или слабослышащих».

Галина, технолог, говорит, что на ее работе многие знали язык глухих. Мастер очень быстро выучил основные жесты. Не было никаких проблем.

Андрей, сварщик, рассказывает, что у него хорошая бригада: «Вместе давно работаем. Все давно поняли, как со мной надо общаться, всем новеньким бригадир сразу объяснял, как надо со мной общаться. А то поначалу новый человек пытается говорить в ухо, а мне надо видеть его губы».

Эксперт **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, рассказывает, что в хороших коллективах часть коллег переходит на жесты: «Есть производства, которые нуждаются в глухих. В частности, конвейерные. Глухой меньше отвлекается. Руки заняты. Они не общаются со слышащими соседями».

Некоторые в компьютерных центрах работают. Ну а в принципе все зависит от эффективности интеграции человека в коллектив».

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, утверждает, что *если глухой — настоящий профессионал, его уважают и, соответственно, стараются найти с ним общий язык. Некоторые даже доходят до того, что начинают учить ручную азбуку. Многие стараются артикулировать четко, пишут на бумажке. Профессионалов уважают. А если человек глуп, то какая разница, слышит он или нет, с ним никто не захочет контактировать. Многие глухие работают в одиночку в коллективах слышащих и не жалуются.*

Эксперт **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО,** рассказывает, что *знает ребят, которые работают в нормальной фирме: «У них хорошие условия. Есть некрупные фирмы, которые берут наших ребят, если они проходят конкурс. Они работают прекрасно. У нас есть глухие инженеры, мастера цехов. Если у человека нет особых отклонений и у него есть желание, он работает прекрасно, наравне с обычными людьми».*

Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ, говорит, что *большую роль играет сам работодатель или руководитель отдела, к примеру. Если организация-работодатель в лице руководства проводит толерантную политику, то отношение к инвалидам*

изначально строится правильным образом. Дальше все зависит от личностных качеств людей.

При этом значительное количество позитивных оценок ситуации на рабочем месте связано с воспоминаниями о советском времени. Например, **Людмила, председатель местного отделения ВОГ**, утверждает, что *со слышащими были хорошие отношения, когда она работала чертежницей: «Я была единственной глухой в отделе. Когда что-то было непонятно, они писали. Была еще одна глухая, но она ушла в декрет. Я выходила в выходные дни на работу. Но когда мне нужно было, начальник всегда давал мне отгулы. С начальником цеха тоже были отличные отношения. Я была конструктором, и мое рабочее место было вверху. Остальные глухие работали внизу. У меня со всеми были хорошие отношения. А в другом цехе ЗИЛа были жалобы на то, что глухие опаздывают, не выполняют работу. Их вызывали на собрания, разбирались. Приглашали переводчика. Их наказывали».* **Александр, технолог**, говорит о том, что проблем на работе у него не было: *«Нормально общались. Если человек что-то не понимал, мы переписывались. Мы работали в инструментальном цеху, а он очень шумный. Ничего не слышно. А мне было все равно, так как я читал по губам. А рабочим приходилось очень громко говорить. В основном я смотрел по чертежам. И я старался грамотно делать технологическую карту. И если я ее где-то нарушал, то меня лишали премии. А этого не хотелось. Поэтому я старался все выполнять качественно. Из-за моих ошибок рабочие могли допустить брак, и их тоже лишили бы пре-*

мии. На мне была двойная ответственность. Все старались работать хорошо, сплоченно. Все зависели друг от друга. У нас каждые два года была аттестация. Если ты ее не проходил, то понижали квалификацию. Это влияло на зарплату. Когда я пришел первый раз на аттестацию, там были все начальники. Со мной была моя папка с чертежами. Когда они увидели ее содержимое, то отпустили меня. Моя первая аттестация длилась всего две минуты. Комиссия поняла, что я хороший специалист. Я доволен, что мне попалось хорошее предприятие, что у нас был хороший коллектив. Я был счастлив. Сейчас этого предприятия нет. Закрыли».

Вместе с тем работа в коллективе глухих также может иметь некоторую специфику. Например, **Михаил, оператор погрузчика**, рассказывает: *«Когда работал в торговле, был такой момент, когда меня поставили начальником над глухими. Вместо того чтобы радоваться, они мне завидовали. Не получалось работать, когда много глухих. Мне приходилось распределять работу, а им казалось странным, что я, глухой, руковожу ими и им даю “черную” работу. Они видели, что я выполняю работу лучше, и наши отношения только портились. Сейчас мы сработались, и уже некоторые вещи их не раздражают. Я знаю, что они любят, а что нет. Я их изучил. Поэтому со временем мы нашли подход друг к другу. Конфликтов сейчас нет».*

В некоторых случаях глухие и слабослышащие рассказывают о намеренном мошенничестве

по отношению к ним. Например, **Эдуард, видеооператор**, рассказывает, что *глухим предлагают коробочки склеивать: «Тысячу коробочек. Они берут на один месяц с испытательным сроком, а потом говорят: “Ты нам не подошел”. А он уже наклеил там кучу коробочек. Многие так пользуются».*

Одним из примеров дискриминации на рабочем месте является занижение заработной платы. Об этом говорит каждый четвертый из глухих и слабослышащих в Москве. Такого же мнения придерживаются и эксперты. Например, **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, считает, что *если взять зарплату в среднем у глухих и в среднем у слышащих, то у глухих зарплата будет ниже.*

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, говорит, что *зарплата у глухих, как правило, самая низкая. «Только если он себя зарекомендовал, проявил наилучшим образом, тогда начинают его ценить».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, приводит следующий пример: *«Проблемы, например, могут возникать в лабораториях, где работают зубные техники. Там слышащие могут брать легкую работу, распределять “левые” заказы между собой, а глухому дают черную работу и ему говорят: “У тебя же есть пенсия, а нам тоже нужно кушать”».*

Эксперт **Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей**, приводит примеры и обратных случаев: *«Есть семьи, где папа и мама не работают и у них несколько детей, и они нормально живут. Есть глухие спортсмены, которые живут намного лучше всех. Есть глухие, которые умеют делать деньги. Есть пенсионерки, которые каждый год ездят за границу отдыхать. Все у нас есть».*

Некоторые эксперты отмечают негативные стороны применения концепции инклюзивного образования. Например, сложности в работе в коллективе глухих людей. **Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ**, рассказывает: *«К нам ребята попадают из инклюзивных школ. Они часто бывают зажатыми и стесняются подойти спросить, а другие, которые учились со “своими”, свободно общаются с другими».*

Как улучшить профессиональную жизнь глухих и слабослышащих

Более 50% глухих и слабослышащих говорят, что необходимо изменение общественного мнения для того, чтобы их принимали на работу по их фактическим знаниям и навыкам, а не исходя из сложившихся стереотипов. Одной из главных мер по улучшению своей профессиональной жизни глухие и слабослышащие считают полноценное информирование общества об их возможностях и способах коммуникации с ними. Эта мера сни-

зит уровень существующих предубеждений и приведет к тому, что глухих и слабослышащих будут больше брать на работу, на которой они могут проявить себя в полной мере.

Эксперты отмечают, что глухие люди в качестве работников обладают своими плюсами, например, не отвлекаются на разговоры, в большей степени концентрируются на работе, могут хорошо работать там, где особенно важно зрение.

Например, **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, отмечает: *«Государство на самом деле старается очень много делать, мы видим — и программа “Доступная среда”, и изменение законодательства, но нужно время, чтобы все это постепенно превратилось в практику, чтобы стало привычным, что на работу инвалида берут не потому, что так надо, а, наоборот, потому что это хороший работник и он будет лоялен к работодателю, который создает ему комфортные условия. Он будет на него именно пахать, потому что он понимает, что, перейдя на другую работу, он может такого работодателя не получить. Эта лояльность — как раз то, что может предложить глухой работник, и вообще любой человек с инвалидностью».*

Эксперт **Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ**, говорит, что *глухие используют все возможности визуального канала информации. Случаев травматизма меньше, чем у слышащих. То же самое в автовождении: «Слышащие часто говорят: “Как вы вообще водите, если вы не слыши-*

те?” А мы им: “А как вы можете включать громкую музыку, это опаснее”. У нас, знаете, периферийное зрение развито лучше, чем у вас (благодаря жестам), мы быстро реагируем на любые “помехи”. А вам хоть маши рукой, вы только смотрите вперед и никак не реагируете».

Ольга, пенсионер, говорит о том, что у многих глухих руки золотые, они все умеют делать, просто начальники боятся брать человека неслышащегоо.

Алексей, актер, приводит в пример, что неслышащие больше работают руками, поэтому у них производительность может быть выше, глухие зачастую — лучшие работники, чем слышащие.

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста, говорит о том, что иной глухой может сделать работу намного быстрее и качественнее, чем слышащий. Просто нужно дать им шанс. Если человек хочет пойти работать на завод, то пусть его возьмут.

Людмила, пенсионер, вспоминает, что слышащие на работе много болтают, а глухие работают. У глухих лучше концентрация.

Целый ряд работ не предусматривает необходимости постоянного общения со слышащими людьми. Эти работы глухие и слабослышащие в состоянии выполнять нередко на более высоком уровне, чем полноценно слышащие люди. Например, **Александр Иванов, начальник отдела**

реабилитации ВОГ, отмечает, что *есть хорошие, замечательные токари, фрезеровщики, столяры — там общение особое не требуется, нужно, чтобы они выполнили свою работу качественно и аккуратно. С этим они справляются.*

По мнению **Михаила, главного редактора газеты**, *работодатель может подыскать для глухих такую работу, которая требует минимума общения с другими людьми: «Например, я могу написать аналитическую статью, провести анализ какой-то ситуации, где общение не тронет вообще меня».*

Елена, воспитатель, говорит, что *есть такие профессии, которые не требуют постоянного напряжения слуха. Многие глухие имеют такую профессию, которая позволяет им сидеть, что-то делать руками — ювелиры там, например. Другое дело, что сейчас они говорят: «Все равно меня не возьмут».*

Многие из глухих и слабослышающих отмечают, что даже в случае необходимости активного обмена информации между глухими и слышащих современные технические средства легко позволяют это организовать. Например, эксперт **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, прямо говорит, что *главное — наладить коммуникацию: «Для водителя, например, это могут быть SMS, чаты, скайп. Человеку дается задание по электронной почте, необязательно ему звонить. Если будут такие каналы налажены и это*

будет нормой вещей, тогда, я думаю, проблем не будет».

Эксперт Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной Федерации глухих, говорит о том, что *работодатель мог бы, например, по электронной почте дать задание: «Можно написать глухому, в письменном виде глухой все бы понял, все бы сделал, что надо».* **Ирина** приводит пример такой коммуникации: *«Нам на рабочих местах поставили видеотелефоны».*

Эксперты и люди с проблемами со слухом сравнивают российские и иностранные условия, выделяют их плюсы и минусы. Например, **Галина, председатель местного отделения ВОГ,** рассказывает: *«Я была в Америке, там система другая. У них свои плюсы и минусы. В Америке с самого рождения уже знают о глухом человеке, его заносят в базу данных. Не надо просить, куда-то ходить, объяснять, документы показывать, что я глухая, я инвалид — их обеспечивают всем с рождения. Поэтому у них пенсии нет — пособие по безработице. Когда человек работает — нет пособия. Но бесплатно дают всякие технические средства реабилитации. В Израиле глухие пенсию не получают вообще. Им дают льготы. Одно из немногих государств, где глухие получают пенсию, — Россия. (Пенсию выплачивают и в бывших республиках СССР.) Все завидуют, что у нас, в России, транспорт бесплатный, куча льгот, неплохая пенсия, спортсменам доплата идет».*

Надежда, пенсионер, рассказывает: *«Какая-то транспортная компания взяла одного из наших работать водителем за границу. Тот хорошо работал, да еще и сэкономил им бензин. За это получил хорошую зарплату, заработал на дом. Глухие хорошо работают. Но я знаю и некоторых глухих, уехавших за границу, которые никуда не смогли устроиться. В России у нас есть возможности для общения, нам предоставляются слуховые аппараты, сигнализаторы звука, дается образование в специальных школах. Все это у нас бесплатно. Нам здесь достаточно комфортно. Хотя есть страны, где не хуже».*

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, говорит о том, что *«в Америке есть специальный Акт о правах инвалидов: там все расписано — работодатели обязаны обеспечить рабочие места вспомогательной техникой, установить световые сигнализаторы, глухие по необходимости получают переводческие услуги, телепередачи должны идти с субтитрами».*

Эксперт **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО,** говорит, что *в других странах более стерты различия между глухими и слышащими. Например, есть даже глухие пилоты (летают на личных самолетах). У слышащих нет страха перед глухими.*

Эксперт **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка**

им. Г. Л. Зайцевой, рассказывает: «*В Швеции, если сравнить процент выпускников обычных школ и процент выпускников школ для глухих, которые поступают в колледжи и вузы, то среди выпускников спецшкол процент выше.*»

Наталья, преподаватель, рассказывает, что в Гамбурге побывала в спецшколе. «*Мне очень понравилось. Допустим, начался урок истории. Ребята входят в класс. Мы удивились тому, что ребята идут туда не все, часть идет в другой кабинет. Спрашиваем, почему так? Объяснили, что в первом кабинете предмет ведет учитель, который не делает поблажек, он работает с неслышащими, как с нормальными детьми. А в другом кабинете второй учитель ведет урок несколько иначе — для тех детей, которые послабее умом, и для тех, кто приехал из других стран и пока слабо знает немецкий. Им объясняют материал в доступной форме, но тема одна и та же. Даже по математике разделение идет. Это интересно.*»

Большинство экспертов отмечает, что гражданское общество в целом ряде зарубежных стран на данный момент более информировано о проблемах глухих и слабослышащих, их больше берут на работу, предоставляют переводчиков. **Виктор, воспитатель**, отмечает, что за границей все знают, что есть глухие, что есть такой мир. Много телеканалов с субтитрами, с бегущей строкой. Во многих школах есть сурдопереводчик.

Изабель, студентка, говорит о том, что в Америке больше переводчиков. Сами организации или

фирмы вызывают переводчика, чтобы общаться с глухими.

Владимир, председатель организации ВОГ, говорит: *«Я бы сказал, что наши глухие по сравнению с другими странами живут неплохо. Они имеют бесплатный проезд в общественном транспорте, льготы по оплате коммунальных услуг, могут получить бесплатные телевизоры с функцией скрытых субтитров, мобильные телефоны, световые сигнализаторы, они могут бесплатно получить путевки на санаторно-курортное лечение, они имеют право на бесплатный проезд в электричках в своей области».*

С другой стороны, глухие отмечают, что людям с нарушениями слуха в ряде западных стран свойственны глубокие иждивенческие настроения. Например, **Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста,** рассказывает: *«Знали бы вы, что там происходит. Там серьезно не учатся. Я часто бываю за границей, и там глухие поражаются, что у нас есть образование. Они считают, что им незачем учиться, ведь их никуда не примут. У нас глухие рвутся получить образование. А у них не так».*

Ольга отмечает: *«Я путешествовала, и мне кажется, что русские глухие как в обучении, так и в работе сильнее, чем иностранцы».*

Михаил, оператор погрузчика, считает, что система образования для глухих в России лучше,

чем за границей: «Мне кажется, в России сложнее учиться, здесь больше дают знаний».

Подавляющее число глухих и слабослышащих, в том числе и эксперты, делают акцент на необходимости изменения российского общественного мнения и преодоления предрассудков. Например, **Максим, видеооператор**, предлагает активно публиковать обзоры и выводы общественных организаций глухих, других инвалидных организаций, по проблемам трудоустройства: *«Все вопросы бы с ними прорабатывал, потому что они, как никто другой, хорошо знают эту ситуацию. Часто решения, затрагивающие интересы глухих, принимают люди, которые абсолютно не знакомы с нашей спецификой. Считают, что это нормально. Потом мы по факту сталкиваемся с последствиями их решений, и часть остается недовольной, мягко говоря».*

При этом эксперты говорят о том, что простая попытка квотирования количества глухих и слабослышащих для различных организаций не приведет к улучшению их жизни. **Анна Комарова, директор Центра образования и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, рассказывает: *«Была попытка всех работодателей обязать этими квотами брать на работу инвалидов, но тогда все делалось примитивно, собирались трудовые книжки, копии справок ВТЭК, глухих оформляли фиктивно уборщицами, укладчицами за 500 рублей в месяц. Мне кажется, нужно дать работодателям больше информации о возможностях глухих, и самим глухим нужно как-то лучше ориентироваться на рынке*

труда. Часто бывает так, что работодатель, приняв одного глухого, видит, что он работает хорошо, и принимает еще глухих».

В свою очередь, эксперт **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, говорит о том, что нужно *проводить больше работы с работодателями, а не с инвалидами. Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ*, также говорит о том, что нужно *«...изменение массового общественного сознания, потому что глухие зачастую воспринимаются неадекватно — нет у нас понимания, что они такие же, как все. Единственное, надо правильно преподнести информацию. У нас книжечка есть — “Что вы хотели узнать о глухих”. Там все написано правильно. Я думаю, если бы люди прочитали ее, они бы поняли, в чем их ошибки во время контактов с глухими. Если они повернутся лицом к глухим, все будет нормально. Если же они отвернутся — все! Уже нет никакого взаимодействия, нет понимания друг друга. Такая возникнет стена».*

Об этом говорит и **Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих**: *«Все очень просто, нужна информация, просто нужно дать информацию всем, и все. Глухой по большому счету ничем не отличается от обычного человека, просто он не слышит, общаться только голосом тяжело, а думать и работать он умеет».*

Эксперты говорят о том, что предубеждение по отношению к глухим нужно преодолевать еще

на уровне школы. Например, **Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей**, предлагает: *«Я бы внесла в школьную программу предмет “Этика общения”. Чтобы дети с маленьких лет умели общаться с не такими, как они. Я даже сталкивалась с врачами, которым я говорю, что не слышу, а они в ответ кричат мне в ухо. Воспитывать нужно с малых лет, что глухие — такие же, как и вы, но немного с другими правилами общения: в разговоре им надо смотреть в глаза, так как они читают с губ. Им не надо кричать, просто спокойно проговаривать слова, и так далее...»*

Интересно отметить, что глухие делают акцент на том, что молодое поколение российских граждан уже относится к их проблемам более чутко, чем старшее. Например, **Галина, сотрудник организации ВОГ**, отмечает, что *новое поколение лояльно относится к глухим: «Можно сказать, что намного лучше. Когда мне бывает плохо, я обращаюсь к подросткам, к молодым, они лучше реагируют. А пожилые люди прямо шарахаются. Зато молодые с удовольствием мне помогают».*

Важной мерой является сокращение списка специальностей, по которым прием глухих на работу ограничен. Например, **Юлия, педагог**, считает, что *нужно изменить законы, связанные с трудоустройством. Перечень «запрещенных» профессий для глухих и слабослышащих велик. Это сужает возможности трудоустройства.*

Вера, пенсионер, вспоминает: *«Когда пошла на завод в 1981 году, у нас глухие работали — и то-*

кари, и фрезеровщики, и слесари, все работали, никаких проблем не было, не было таких препятствий, как сейчас. Сейчас, например, запрещают работать рядом с движущимися механизмами».

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, говорит по этому поводу: «Министерство здравоохранения издало приказ, который запрещает глухим работать станочниками, фрезеровщиками. Пишут: запрещено работать рядом с движущимися механизмами. Но эти специальности для глухих — в самый раз! Движущийся механизм... я понимаю, если это цеховой кран, который скользит туда-сюда, — глухой может не заметить опасности. Но нельзя так обобщать, станки — это не краны. Глухие видят глазами гораздо больше, чем думают слышащие. Случаев травматизма не больше, чем у слышащих».

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, рассказывает о работе, которую ведет Общество глухих: «Мы уже не один год бьемся, чтоб сняли запрет на работу по станочным специальностям. Потому что у нас почти сто лет готовили глухих по этим специальностям. Глухие учились на токарей, фрезеровщиков — в разных ПТУ, ремесленных училищах. А в одночасье, года три назад, Минздрав взял и запретил работать в шумных цехах, на станках и так далее. Это грубейшая ошибка! В результате у нас возникла серьезная социальная проблема. И потом в ПТУ ребят не могут взять, потому что те не могут пройти медкомиссию, в бумажках у них черным по белому написано: «работа в нормальных условиях производства»

(имеется в виду, что не рядом с движущимися механизмами). Абсурдная ситуация сложилась. Вроде бы все понимают и говорят: “Да-да-да, надо исправить”, но воз и ныне там. Нет, мы получили поддержку, но официального приказа до сих пор нет».

Высказывается идея об организации средних профессиональных учебных заведений для глухих по востребованным специальностям. Об этом, например, говорит **Александр, технолог**: *«Нужно организовывать для глухих училища, которые выпускали бы токарей, слесарей, фрезеровщиков. Такие специалисты нужны. У них не будет проблем с трудоустройством. На таких работах хорошие зарплаты. Вообще, это увлекательная работа. Спасибо ВОГ. Эта организация помогает не только мне, но и многим другим глухим, дает возможность получить образование, отстаивает наши права, выпускает газеты и журналы».*

Глухие и слабослышащие отмечают и полезность широко развитого в советское время института наставничества в плане эффективной адаптации к работе. Например, **Ольга, технолог**, рассказывает, что раньше, когда она работала после техникума, было много наставников, которые поддерживали, рассказывали, показывали, учили работать на станке: *«Я справлялась с нормами. А сейчас наставников нет. Из-за этого глухой теряет рабочее место. Когда было наставничество, было хорошо. А сейчас его нет».*

ЛИЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГЛУХИХ И СЛАБОСЛЫШАЩИХ

Дружеские отношения

Больше половины людей с нарушениями слуха предпочитают в качестве друзей иметь таких же, как они. Около трети отметили, что слышащих друзей нет, но есть знакомые. Помимо технических сложностей во взаимодействии, не менее важным фактором, осложняющим дружеские отношения между слышащими и неслышащими людьми, являются взаимные предубеждения. Интересно отметить, что аналогичная, хотя и выраженная несколько в меньшей степени, специфика характерна и для отношений между глухими и слабослышащими. Приведем высказывания глухих и слабослышащих о возможности дружеских отношений с полноценно слышащими.

Например, **Виктор, воспитатель**, признается, что говорящих друзей нет — смысла нет связываться с ними: *«Говорящих друзей нет — смысла нет. Глухие друзья все. Это моя жизнь, это мой мир, а мир говорящих — нет».*

Ольга, технолог, на вопрос о наличии друзей говорит, что они были в основном среди глухих: *«Со слышащими я особо не дружила, потому что они не всегда были честными, обманывали меня. Я же не слышала. Я старалась дружить только с глухими. Просто я не хочу лохануться в среде слышащих».*

Александр, технолог, рассказывает про компанию своих друзей — *все глухие и слабослышащие. Слышащими были только родственники.*

Людмила, председатель местного отделения ВОГ, говорит: *«У меня друзья — глухие. Мы дружим уже 40 лет и друг другу помогаем. Дружим и всегда вместе ездим отдыхать, в санаториях лечимся и отдыхаем все вместе. Со слышащими нам неинтересно и скучно».*

Максим, видеооператор, говорит, что *среди слышащих есть много просто знакомых. А так, чтобы вместе время проводить, отдыхать — таких мало.*

Дмитрий, воспитатель коррекционной школы, говорит, что *«...раньше были слышащие друзья, но глухой нуждается в принужденном общении, да и слышащим непривычно общаться с нами, с глухими».*

Алла, воспитатель, отмечает, что в основном *друзья, конечно, глухие. Только сестра слышащая.*

Ольга, кассир, поясняет, что она сама глухая, следовательно, у нее *глухие друзья: «Потому что*

с ними проще общаться, а со слабослышащими сложнее. Сейчас говорят одно, а потом — другое. Они хитрят иногда».

Вера, председатель местного отделения ВОГ, рассказывает, что ее друзья в основном слабослышащие: *«Мы встречаемся, общаемся. Я председатель местного отделения Даниловского района, курирую три района, у меня всего 95 человек, я должна устраивать праздники, их собирать, чаепитие устраивать, например. Раз в месяц собираемся, я им новости рассказываю, хорошо, что я немножко слышу, я все новости по ТВ посмотрю, газеты прочитаю, они тоже читают, но не все могут понять. Я рассказываю им, что в мире происходит. Рассказываю также новости от нашего ВОГа, распределяю билеты или приглашения на мероприятия. Наша Даниловская управа такая хорошая управа — всегда выделяет подарки, билеты на концерты».*

Олег, студент, говорит, что с глухими не общается. Слабослышащие и слышащие друзья есть: *«Я хотел научить их жестовому языку. Пока они выучили только алфавит. Дальше они сами должны изучать жесты».*

Евгения, председатель местного отделения ВОГ, говорит, что друзей больше глухих, хотя и слышащие тоже есть. Со слышащими тяжело общаться: *«Мне удобно разговаривать только со своей сестрой, она слышащая. Мы с ней общаемся, делимся новостями. Она уже привыкла ко мне. Однажды мы поругались, но потом помирились».*

Я старше ее. Но она часто со мной спорит, а я молчу».

Андрей, продавец, рассуждает: *«Мне кажется, лучше иметь глухих друзей, потому что со слышащими будут дополнительные проблемы. Но бывает, что слышащий человек знает жестовый язык. С таким я бы смог дружить».* **Наталья, домохозяйка,** говорит, что друзей слышащих нет, только слабослышащие: *«Просто, когда начинаешь общаться со слышащими, такое ощущение, что они хотят оттолкнуть. Как же ты будешь навстречу идти, если тебя отталкивают? Поэтому не общаюсь».*

Однако встречаются и другие примеры. **Людила, художественный руководитель,** вспоминает, *«...были друзья, были Надя, Галя — их хорошо помню, но дальнейшая их судьба неизвестна. Мы жили в деревянном доме, в бараке, потом переехали в каменный дом, в другой район, так что связь потерялась. А на работе я была среди слышащих, и теперь связи сохранились, по мобильнику, с помощью SMS общаемся. Я иногда на производство прихожу, там все слышащие, я там инженером работала, проектировщиком метро. Бывшие коллеги даже позванивают, спрашивают о здоровье, поздравляют с праздниками, очень хороший был коллектив, мне с ним повезло».*

Алина, преподаватель, говорит, что есть и те, и те: *«Есть слышащие люди, которые свободно общаются на жестовом языке, есть слышащие, которых я без проблем понимаю по губам».*

О сложностях дружеских отношениях между полноценно слышащими и людьми с нарушениями слуха говорят и эксперты. Например, **Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей**, на собственном примере объясняет: *«Круг моего общения — это глухие и слабослышащие люди, слышащих близких друзей у меня практически нет. Это в основном родственники. В нашем обществе тоже есть своя элита, я как раз общаюсь с глухими и слабослышащими, которые имеют высшее образование или являются очень начитанными людьми, такими как мой муж, например. Когда слышащие люди узнают о том, что я плохо слышу, они по-разному себя ведут. Конечно, для меня было бы более комфортно, если бы общались со мной письменно. К сожалению, не все люди соглашались писать. А ведь все очень просто: ручка, бумага. Жаль, мне кажется, что это упущение школ, мне кажется, в российских школах не обучают людей общаться с инвалидами. Например, они не знают, как общаться с глухим. Нужно людей готовить к общению с глухими, со слепыми. Не знаю, почему так трудно взять ручку и написать свой вопрос. Другая проблема — у нас очень мало переводчиков. Если бы их было больше, то глухие люди для страны делали бы больше».*

Эксперт Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, считает, что предпочтения закладываются еще в детстве, начинаются с отношений в семье и влияют на выбор друзей: *«Он зависит, наверное, от самой семьи, как в семье складывались эти отношения. Если семья глухих — то у них круг друзей в основном из глухих. Если семья*

слышащих, но ребенок глухой — то друзья, допустим, ребенка тоже становятся частью общества, семьи. В семье по-разному бывает, конечно, но в целом-то слышащие дети глухих родителей своих родителей любят, обожают папу, маму. При этом сверстники в школе иногда могут говорить: “А у тебя мама глухонемая, папа глухонемой...”, хочешь, не хочешь — им тяжело в этом плане, зато у них часто твердый характер, они умеют добиваться своих целей. Спасибо, что любят своих родителей, родители этого достойны, неважно, что не слышат...»

Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей, говорит, что выбор друзей определяется в большинстве случаев просто — дружат с такими же, как они сами. Такая ситуация во всем мире.

Отношения мужчины и женщины, заключение брака

Для глухих и слабослышащих характерны внутригрупповые браки. Более того, большинство глухих ищет пару из числа глухих, а слабослышащие ориентируются на «своих», хотя исключения (пара глухой — слабослышащий) нельзя назвать редкими. Отвечая на вопрос об отношениях мужчины и женщины, более половины глухих и слабослышащих сказали, что строили отношения только с себе подобными. Лишь каждый четвертый сказал, что готов рассматривать в качестве пары слышащего человека.

Эксперты также отмечают, что отношения, как правило, складываются в зависимости от наличия или отсутствия слуха. В практически равной степени это связано как с предубеждениями слышащих по отношению к людям с нарушениями слуха, так и с предубеждениями вторых по отношению к первым. Например, **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, говорит о силе предубеждений и традиций: *«Стереотипы мешают. Глухие и слышащие в детстве могут общаться, но потом каждый пойдет своей дорогой, потому что таковы традиции у нас: мы женимся, заводим семьи среди своих. Хотя, конечно, исключения есть».*

Светлана, актриса, считает, что часто слышащие ставят стену между собой и глухим: *«Нормальный человек думает: зачем ему знакомиться с оглохшей женщиной? Никто не хочет знакомиться с инвалидом. Может, они мыслят иначе, я не знаю. Но они сразу ставят барьер».*

Галина, библиотекарь, вспоминает: *«Я ни с кем не общаюсь, кроме мужа. Но внимание ко мне со стороны мужчин было. Однако как только я говорила: “Извините, я плохо слышу” — эти слышащие уходили».*

Светлана, работник ручной сборки, говорит, что если бывают какие-то отношения с противоположным полом, то только с глухими.

Алексей, безработный: *«Интересно, в летних лагерях я пользовался большой популярностью»*

у слышащих девушек. А вот когда переехал в Москву, где девушки отличаются от провинциалок, этого не было». **Елена, домохозяйка**, вспоминает, что «общалась с говорящим человеком. Переписывались, но как-то не вышло. Сейчас у меня муж глухой, общаемся жестами. Мой язык — жестовый язык, и я понимаю глухого».

Ирина, социальный работник: «Компании водила со слышащими ребятами, но как-то отношения не развивались. А когда старше стала, искала в основном среди своих, слышащие мне были уже неинтересны».

Сергей, инженер, говорит: «Со слышащими людьми общаться не могу, потому что в жизни я сталкивался с тем, что они относятся к глухим пренебрежительно. Следовательно, все отношения у меня были только с себе подобными».

Александр, технолог, говорит: «Мне даже слышащая женщина на работе предлагала жениться. Я не пью, не курю, со всех сторон положительный, поэтому она и предложила мне руку и сердце. Но я отказался, мне лучше с глухими».

Екатерина, пенсионер, отмечает, что со слабослышащими отношения были, со слышащими — нет: «они общаются вслух, а я не умею».

Людмила, прессовщица, говорит, что отношения удавалось строить только с глухими и слабослышащими.

Люда, пенсионер, рассказывает, что она стеснялась слышащих: «С глухими мне было комфортно. Общались на жестовом языке. Считаю, что слышащих я бы раздражала».

Марина, домохозяйка, вспоминает, что быть со слышащими не хотела: «На заводе мужчины предлагали встречаться. Но я не считала это возможным. Не было искорки... Если бы была искорка, может, что-то и получилось бы».

Людмила, пенсионер, говорит, что боялась общаться со слышащими, в их присутствии больше молчала: «И первый муж, и второй муж были слабослышащими».

Елена, домохозяйка, на своем примере рассказывает: «Меня первый муж, он слабослышащий, до конца не понимал. А с глухими людьми мы общаемся, обсуждаем то и се, и все хорошо у нас получается». **Максим, видеооператор**, говорит, после учебы отношения были и со слышащими, и с неслышащими: «А сейчас моя супруга — глухая». **Александра, пенсионер**, говорит, что общалась в основном с глухими: «Просто слышащие много болтают, увлекаются разными сплетнями».

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста, рассказывает, что его отношения складывались, в основном со слабослышащими и глухими: «С глухими мне проще. У меня была одна попытка общения со слышащей девушкой, но у нас не получилось».

Эксперт Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, считает, что *глухому трудно найти себе идентичную пару. Глухая со слышащим... такие пары встречаются, но очень редко. Проще, если у людей схожие ограничения, скажем так. Люди ищут друга или подругу через Интернет.*

Когда они ругаются, могут ударить в болезное место: "Ах, ты глухонемой, ты ничего не слышишь (не понимаешь)". Это и обижает, и унижает. Поэтому такие браки редко бывают прочными».

Людмила, пенсионер, рассказывает, что *встретила слабослышащего мужчину. Отношения были хорошие, поженились. Но постоянно вмешивалась его мать: «Ей не нравилось, что я глухая. Она боялась, что это наследственное. Она постоянно ему говорила, что со мной нужно развестись и найти слабослышащую. Мы прожили вместе 10 лет и развелись».*

Алексей, актер, говорит о том, что *«...слышащий может легко обмануть глухого, глухой не понимает некоторых вещей, которые очевидны для слышащего, поэтому проблемы неизбежны».*

Сергей, инженер, говорит: *«У меня жена глухая. К некоторым глухим женщинам я отношусь хорошо. Но со слышащими женщинами я не могу общаться».*

Илона, упаковщица, отмечает, что, конечно, *бывают случаи, когда глухой человек встречается со слышащей девушкой, но таких случаев очень*

мало. Есть даже браки между слышащими и глухими, но эти браки не являются прочными.

Даниил, безработный, считает, что *со слышащими трудно общаться. Девушка, которая ушла от него, снова вернулась: «Но я понял, что со слышащими тяжело. Сейчас мы просто друзья, так лучше. Если девочка глухая, то не будет проблем, а со слышащими проблемы будут всегда».*

Алексей, безработный, придерживается широко распространенной среди глухих и слабослышащих точки зрения: *надежнее строить семью с глухим (слабослышащим) человеком.*

Эксперты подобно обсуждают различные стороны отношений между глухими/слабослышащими и полноценно слышащими. **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, говорит, что *проблемы есть определенные, потому что это достаточно тонкая сфера, можно сравнить с браком с иностранцем, но это сложнее: «Допустим, слышащая жена может говорить по телефону со своей подругой, просто приходит к ней в гости, но ее глухой муж не будет этого знать, у него будут подозрения: а что она говорит, может, она обсуждает меня? И таких ситуаций в ежедневной жизни может быть миллион. И, наоборот, слышащая жена может хорошо знать жесты, но если муж сидит со своими друзьями и пользуется такой формой жестового языка, которую жена может не понимать, то она будет обижаться, думать: может, он обсуждает*

меня, или у него какие-то дела на стороне, и так далее. Она еще может спрашивать себя: почему он все время хочет быть с глухими и почему он не хочет идти на день рождения к ее родственникам, слышащим (а мужу там действительно неинтересно)».

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, вспоминает, что когда был молодой, пытался ухаживать за слышащими: «Толку не было. Я уставал, мне было трудно читать с губ, я все время напрягался. Если взять слабослышащих, им, наверное, легче общаться со слышащими, но, я смотрю, процент разводов все равно велик. Рано или поздно супруги срываются с катушек. Пример? Слышащая жена на кухне громким голосом зовет слабослышащего мужа. Не дождавшись его, идет к нему в комнату и начинает орать: “Глухонемой! Я зову-зову, а ты не идешь”. Может ли такое понравиться мужу? Вопрос риторический. Счастливые браки редки».

Несмотря на широко укоренившуюся тенденцию к изоляции в данной сфере, в наше время все чаще встречаются пары, в которых один человек глухой или слабослышащий, а другой — полноценно слышащий. Например, каждый четвертый глухой и слабослышащий говорит о своей готовности к отношениям со слышащими людьми. Эксперты отмечают тренд к увеличению числа смешанных браков. В значительной степени они связывают это с тем, что новое поколение слышащих в большей степени готово к отношениям с человеком с ограничениями по слуху.

Например, **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, считает, что *«ситуация меняется во всем мире. В последние 15 лет за рубежом, а у нас, может, в последние пять лет, становится больше смешанных отношений и браков между глухими и слышащими. Я более 20 лет провожу анкетирование слышащих людей, и у меня есть вопросы: “Смогли бы вы влюбиться в глухого человека или смогли бы вы жениться”. И если раньше большинство говорило “вряд ли, нет”, то сейчас я очень много положительных ответов получаю. Сейчас появляется такое новое поколение людей, когда девочки влюбляются в глухих или слабослышащих мальчиков, у них возникают романы, да и устойчивые отношения бывают чаще».*

Лена, уборщица, говорит: *«Мне было все равно, главное, чтоб характер был хороший. А глухой или слышащий — все равно».*

Эксперт Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей, говорит, что *есть переводчицы жестового языка, которые вышли замуж за глухих и хорошо живут.*

Михаил, оператор погрузчика, говорит: *«Я стараюсь общаться не только с глухими, но и со слышащими. Я слышал, что слышащим женщинам нравятся глухие мужчины. Может, это миф. Любая женщина ищет мужчину без вредных привычек. Мне кажется, среди глухих таких больше».*

Глухие и слабослышащие отмечают, что для смешанных пар в большей степени характерно, когда женщина является слышащей, а мужчина — глухой или слабослышащий. Например, **Анна, пенсионер**, говорит, что *«...слышащие не понимают нас. Не поняла я — уже мат! Стой! Сколько раз повторять! Не нравлюсь — уходи! Есть мужчины, которые поймут. Слышащие жены более терпеливы, они перескажут, повторяют все, они это могут. А слышащие мужчины, имеющие глухих или слабослышащих жен, часто не выдерживают, они терпеть не могут повторять несколько раз одно и то же»*.

Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, говорит о том, что у нас, в России, смешанные пары чаще *«слышащие женщины и глухие мужчины»*. *«У нас даже не припомню ни одного официального брака, чтобы мужчина был слышащий, а женщина глухая. В Европе же такие пары сейчас не редкость»*. Например, **Андрей** говорит, что *«...мужчина должен быть главным в семье, а поскольку я плохо слышу, получается, что главная уже женщина, если она слышащая, и с этим некоторые вопросы возникают»*.

Длительность отношений таких пар зависит как от взаимных чувств, так и от способности партнеров разговаривать на жестовом языке. Например, **Сергей** рассказывает, что в его жизни были *только глухие и слабослышащие, а со слышащими как-то не очень*: *«Надо, чтобы можно было говорить на своем языке. У меня жена — слабослыша-*

*щая, но знает жестовый язык». **Виктория, безработная,** рассказывает, что отношения были только с глухими: «Глухой и слышащий — это разные уровни. Хорошо, чтобы муж и жена знали жестовый язык». **Андрей, продавец,** заверяет: «Если девушка не хочет знать жестового языка, я бы с ней не встречался. Если слышащая женщина или девушка знает жестовый язык и готова со мной на нем общаться, то совсем другое дело».*

Вера, уборщица, вспоминает, что ранее знакомилась только с глухими, но в данный момент больше везет на слышащих мужчин: «Один даже предложил выйти за него замуж. Сказала ему: “Нет, вы же не знаете жестового языка”. Он стал убеждать, что отлично меня понимает. Только по той причине, что он не знал жестового языка, у нас не сложилось. Сейчас у меня другой мужчина, тоже слышащий, встречаюсь с ним».

Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста, говорит, что «...нужно было девушку учить жестам, а у меня терпения не хватало. Но у меня есть знакомые, ради которых вторая половина выучила жестовый язык».

Эксперт **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ,** рассказывает, что крепость семейных пар «глухой — слышащий» зависит от владения жестовым языком: «Бывает, что слышащий становится переводчиком спустя всего два года после встречи с глухими. Переводчиком, который может не просто общаться, но и переводить кучу всего.

Это уже талант, это что-то, данное свыше. Он становится таким, когда влюбляется, начинает тесно общаться с глухим партнером (партнершей), тогда он этот язык буквально впитывает. Все возможно».

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, говорит о том, что *есть глухие мужчины, которые женятся на слышащих женщинах, потому что хотят иметь рядом переводчицу, чтобы получать больше информации.*

Алексей, актер, утверждает, что слышащая или неслышащая — ему все равно: *«Главное, если слышащая, то чтобы знала жестовый язык, тогда было бы вообще идеально».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, рассказывает: *«У меня есть друг, он из семьи глухих, говорит только жестами. Его слышащая жена окончила философский факультет. Они вместе живут, благополучно живут. Сыну уже три года. Он познакомился с ней на улице, ее не отпугнула его глухота. А сейчас она сама очень неплохо владеет жестовым языком. Более того, она — уже своя в мире глухих. Есть и другие примеры. Жена домашняя такая, добрая. Глухой муж — борец, спортсмен. Муж ее на руках носит. Кормит, одевает, машину покупает... Это любовь».*

Глухие и слабослышащие на своем примере рассказывают об отношениях мужчин и женщин. Например, **эксперт Людмила Жадан, домохозяй-**

ка, мать троих детей, приводит в качестве примера смешанных семей свою «ячейку общества»: *«Я окончила школу для слабослышащих, мой муж — школу для глухих. Мы познакомились и дружили полтора года. Я полюбила этого человека, и мы уже давно вместе».*

Как и у полноценно слышащих людей, отношения между мужчиной и женщиной с нарушениями слуха носят индивидуальный характер. Например, **Вячеслав, резчик по дереву**, рассказывает: *«С первой девочкой я дружил два года. Мне было 17 лет. Потом она встретила другого парня и бросила меня. Я был в шоке. А мама, папа растерялись. Сказали: “Найдешь другую”. Действительно, нашел быстро. В 20 лет мы поженились. К сожалению, мы только три года прожили вместе, она умерла от болезни. А со второй женой все отлично. Недавно отметили 25-летие совместной жизни. Дочке 24 года. Внук появился...».*

Анна, педагог, рассказывает, что были ухаженеры и слышащие, и плохо слышащие. *С мужем познакомилась в школе.*

Ольга, технолог, вспоминает, что с глухими отношения были, а со слышащими не общалась: *«После техникума я пришла на работу, где были в основном мужчины. Они не понимали мою речь, даже когда я говорила громко. Общались по переписке».*

Михаил, актер, говорит: *с противоположным полом у меня всегда все было хорошо.*

Алексей рассказывает, что у него были отношения и с глухими, и со слабослышащими, и со слышащими: *«Но я не могу найти ту девушку, которая меня примет таким, как я есть».*

Геннадий, работает сборщиком микрочипов, рассказывает: *«Мы познакомились в клубе, когда отмечали Новый год. Я ее увидел, и она мне понравилась. Сначала мы просто общались. Не могу сказать, что была любовь. Потом мы разъехались. А через некоторое время снова встретились около станции метро “Первомайская”. Я устал и присел отдохнуть на лавочку, и тут увидел ее. Она показалась мне очень красивой. Мы поздоровались, общались и с тех пор вместе».*

Изабель, студентка, говорит о том, что знала парня со школы: *«Он раньше меня окончил эту школу, а я осталась, потом перешла в другую. Потом мы встретились, стали общаться. То встречались, то расставались. Сейчас у нас серьезные отношения. Может, мы будем всю жизнь вместе».*

Максим, видеооператор, рассказывает, что у его неслышащей жены — слышащие родители, они до сих пор не знают ни одного жеста: *«Они живут на даче, у них там свой дом, часто просят нас к ним ездить. Первое время мы к ним ездили, помогали. Теперь я перестал это делать, потому что мы не находим взаимопонимания. Я их прошу научиться пользоваться скайпом, любым мессенджером. Но они не хотят, потому что это сложно и все такое. Я говорю: “Вы же телеviso-*

ром умеете пользоваться, там не сложнее". И то на телевизоре кнопочек больше, чем на мобильнике. Там — тем более, интерфейс везде понятный. Можно хотя бы попробовать. Я плохо слышу, но с аппаратом я еще могу по телефону говорить, и людей, которых знаю, могу понимать. А с другими, как получится, смотря кто как говорит. Бывает, мой слух временно снижается. Например, теща звонит, и я ее не слышу, точнее, слышу, что она что-то говорит, но не разбираю ничего. Много раз просил, напишите эсэмэску, это же несложно. Но она считает, что мы их напрягаем. Только такие сложности в личных отношениях с женой».

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, говорит о себе: *«Я, например, глухой, но подсознательно ориентировался на слабослышащих, потому что я все-таки не “жестовик”. Да, я знаю жесты, но мыслю, как обычный слышащий. Психологически со слабослышащими мне легче, я смогу “играть словами”, рассказывать анекдоты, и тут мне нужна адекватная реакция. Главное, моя жена знает хорошо и русский язык, и жестовый язык, мне комфортно с ней общаться».*

Досуг и общественная жизнь глухих и слабослышащих

Глухие и слабослышащие отмечают, что их досуг практически аналогичен досугу нормально слышащих людей. Приведем истории и примеры, о которых они рассказывают.

Эксперт Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной Федерации глухих, отмечает, что *«...все, как у слышащих, у кого есть хобби, кто по выставкам ходит, кто на рыбалку ездит, многие — на охоту, проблем никаких. В советское время были клубы, куда ехали для общения, а сейчас есть мобильные телефоны, позволяющие переписываться эсэмэсками, все, как у слышащих».*

Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, говорит о досуге глухих и слабослышащих: *«Хобби — нет проблем, глухие — обычные люди, точно такие же, как и слышащие. Я думаю, тут все нормально. Например, если ты хочешь заниматься спортом, ты и будешь заниматься спортом».* **Эксперт Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО,** отмечает, что глухие — *самодостаточные люди, особенно после получения образования: «У нас есть театр, там проводятся спектакли. Организовываются ребятами дискотеки. Они живут хорошей, полной жизнью».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, рассказывает об увлечениях своих знакомых: *«Многие занимаются в студиях художественной самодеятельности. Пантомима там, жестовые песни... У меня есть знакомый по имени Саид, он берет скелет старого автомобиля и начинает из развалины делать конфетку — руки у него золотые. Другие не представляют жизнь без рыбалки. Мой приятель Александр увлекается*

охотой. Многие любят путешествовать. На машине катаются по европам. Многие слышащие не понимают, как это получается. Они считают, что глухие за границей должны чувствовать себя некомфортно. Но есть же путеводители. А если за границей глухого встретил, с ним можно легко найти общий язык. Тут глухие имеют преимущество перед слышащими, которые обычно не владеют языком страны, куда они приехали отдохнуть».

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, говорит, что глухие любят веселиться в компаниях, туристические слеты проводят, путешествуют: «Вообще, любят познавать мир. Семьями на машинах ездят на рыбалку, за грибами там. За границу выезжают спокойно. На Западе чувствуем себя вполне комфортно, потому что там все доступно в плане коммуникации».

Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ, говорит, что глухие проводят досуг так же, как и все: «У всех есть потребности общения, культурного развития, многие хотят проявить себя в художественной самодетельности. Глухие встречаются, организуют активный отдых, на тренировки по волейболу едут, куда-то еще, на рыбалку, например. Все то же самое».

Алексей, актер, говорит, что и в клубы ходит, и на праздники, и на всякие мероприятия. **Вера, уборщица,** посещает курсы кройки и шитья.

Виолетта, учитель математики, отмечает, что *посещает клубы, дискотеки и прочие мероприятия, праздники для глухих.*

Юлия, педагог, говорит, что *ходит на дискотеки для глухих и слабослышащих. Наталья, чертежница,* вспоминает, что *познакомилась с мужем в спортивном кружке. Илья, студент,* говорит: *«Хожу в парк, музеи, на каток».* **Владимир, преподаватель,** вспоминает, что *после института ходил в школу туризма: «Мне там очень понравилось. Там были все слышащие, только я один слабослышащий. Хорошо общались. Однажды я получил путевку. Нас было трое мужчин, а девушек было девять. Мы путешествовали по всему Крыму. Дружно кочевали вместе».* **Ирина, социальный работник,** говорит, что *раньше с мужем на автомобиле путешествовали, ныне по театрам ходят, на спектакли и концерты.* **Антон** рассказывает, что *раньше увлекался дизайном аквариумов: «Строил эти растительные микромиры. У меня было такое хобби, занимался пять лет, вкладывал много. А когда у меня все наладилось, от этого хобби пришлось отказаться, потому что сын требовал много внимания».* **Ольга, пенсионер,** говорит, что *в прошлом году они объехали на автомобиле 13 стран Европы: Чехия, Голландия, Франция, Бельгия, Германия, Чехословакия, Польша... Оформляли свою поездку через Интернет, заказывали номера в гостиницах, билеты и прочее.* **Галина, уборщица,** говорит, что *общественной работы много очень: «Люблю вышивание, в выставках участвовать. Поездки за границу, экскурсии разные. Я человек свободный, что хочу, то и делаю».* **Вера, убор-**

щица, рассказывает, что хобби у нее — вышивка крестом и шитье: «Участвую в художественной самодеятельности». **Вячеслав, резчик по дереву**, говорит, что любит вырезать из дерева — в школе научился в кружке: «А потом у нас лучший кружок в 10-й школе был. Родители восхищались поделками». **Елена, домохозяйка**, рассказывает, что ходит в Центр культуры, который раньше назывался «Надежда», а теперь — «Интеграция»: «Он — для любителей, тех, кто любит художественную самодеятельность. Малая форма сцены, там, пантомима, иногда клоунада, я время от времени выступаю. Провожу время там. Пока есть возможность. Внуки будут, тогда буду сидеть дома, а пока есть возможность». **Раиса, швея**, говорит, что она куратор по одному из округов Москвы, — отвечает за десять клубов: «Я подотчетна МосгорВОГу. Курирую художественную самодеятельность десяти клубов». **Татьяна, пенсионер**, рассказывает, что ведет общественную работу: «Я председатель местного отделения своего района. 11 лет веду работу с управой, муниципалитетом, руководством, пенсионным фондом, собесом. По линии социального обслуживания». **Надежда, пенсионер**, говорит: «Вообще, мое хобби — это рисование, фотографирование, а шесть месяцев в году — это дача». **Галина, пенсионер**, рассказывает: «На выставки хожу, книжки читаю, на дачу езжу, грибы собираю». **Виктор, воспитатель коррекционной школы**, говорит, что тренируется в стрельбе: «Я тренируюсь, хожу на соревнования. Езжу в деревню — люблю очень. Очень много времени уделяю внукам. Мы забираем детей и ездим куда-нибудь в выходные дни. А в будни я работаю

до семи вечера в школе». **Елена, воспитатель**, отмечает, что «...по возможности хожу в кино, в театр, на выставки, очень люблю путешествовать. Я путешествую не только в группе с глухими друзьями, я просто покупаю тур и еду на экскурсии для слышащих. Это у меня летом получается, я весь год стараюсь хорошо работать, чтоб подкопить деньги, чтобы съездить, посмотреть мир. Я очень люблю ручной труд, и дома у меня всякие поделки, друзьям дарю». **Виктор, воспитатель коррекционной школы**, рассказывает: «Мы собираемся с глухими, отдыхаем на море, в деревню ездим, проводим экскурсии, ходим на дискотеки, выезжаем на море, а в деревне мы рыбачим, с друзьями помогаем бабушкам сено таскать». **Евгения, председатель районного отделения ВОГ**, рассказывает: «В Манеже была выставка “История Рюриковичей”. Мы туда ездили, смотрели. Было очень интересно. Остались сильные впечатления. У нас есть клуб, который называется “Красная шляпка”. Там рассказывают об одежде и ее истории. Мы ходим туда с удовольствием». **Михаил, оператор погрузчика**, говорит о досуге и хобби людей с нарушениями слуха: «Как и у нормальных людей, есть увлечения. Представьте себе, вы ничего не слышите. Если вы заткнете уши, у вас пропадет хобби? Например, если я чего-то хочу, то я этим и занимаюсь. У меня сейчас трое детей, поэтому для увлечений времени меньше, чем хотелось бы».

Для глухих и слабослышащих существуют специальные учреждения социально-культурного назначения. Например, по данным ВОГ, в России около 52 региональных и около 200 местных

учреждений культуры. В Москве функционирует Театр мимики и жеста. В различных учреждениях культуры действуют 814 клубных формирований с количеством участников более 18 тыс. человек, в том числе 350 любительских объединений и клубов по интересам с общим числом участников 13649 человек, а также около 460 кружков и творческих коллективов, в которых состоят примерно 4580 человек. В подобных местах досуга проводят различные мероприятия, вечера знакомств.

Большая часть мероприятий глухих и слабослышащих связана с деятельностью ВОГ, история которого насчитывает около ста лет: Национальная ассоциация глухих США создана в 1880 году, Британская ассоциация глухих — в 1890-м, Национальная федерация глухих Франции — в 1893-м, Финская ассоциация глухих — в 1905-м, Санкт-Петербургское общество глухонемых зарегистрировано в 1904 году, а Московское — в 1912 году. В 1917 году учрежден Всероссийский союз глухонемых.

ВОГ регулярно проводит выставки произведений глухих художников и фотографов, чествования ветеранов, тематические вечера, вечера юмора, КВН. Организовываются молодежные форумы, которые помогают в разработке и продвижении проектов, проходят туристические слеты, различные конкурсы и фестивали. Всероссийское общество глухих и его региональные отделения сотрудничают с творческими объединениями: Ассоциацией глухих художников России (АГХР), Культурным центром «Гефест», литературным объединением «Камертон» и др. Проводятся Всероссийские фестивали эстрадно-циркового искус-

ства «Магия иллюзии и смеха» и Всероссийские фестивали детского творчества «Утренняя звезда». В них участвовало более 7000 исполнителей разных жанров.

У глухих и слабослышащих есть возможность вести активный образ жизни в сфере культуры и спорта. Например, в апреле 2013 года глухой скалолаз Андрей Тюрин стал первым из неслышащих российских альпинистов, покорившим одну из вершин Гималаев — Айленд-пик, высотой 6163 метра. После удачного восхождения Андрей развернул на вершине флаг Всероссийского общества глухих. В октябре 2013 года в Сиднее (Австралия) 20-летний глухой россиянин Павел Родионов выиграл Гран-При международного кинофестиваля за лучший короткометражный фильм, посвященный теме равных прав глухих (в конкурсе участвовало 20 фильмов).

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, говорит: *«Мы проводим сначала региональные, потом зональные смотры художественной самодеятельности, затем следуют финальные этапы, завершающиеся, как правило, гала-концертами. Это очень красочные, зрелищные конкурсы, вызывающие интерес у всех. Для участников это еще и возможность познакомиться с новыми людьми, ну и впечатления остаются на всю жизнь».* **Галина, работник организации ВОГ,** рассказывает: *«Мы проводим массовые городские мероприятия. Молодые глухие знакомятся на наших мероприятиях, потом на свадьбе у кого-то, семейных праздниках, куда приглашают друзей. Так мы знакомимся друг с другом. Потом строим со-*

вместную жизнь. Мои друзья так познакомились, на моей с мужем свадьбе познакомились, а теперь живут вместе». **Марина, студентка**, рассказывает, что есть конкурсы жестовой песни, ВОГ организует мероприятия, где могут принять участие все желающие. **Ольга, председатель местного отделения ВОГ**, рассказывает: «Мы собирались компаниями, посещали Дом культуры, вместе отмечали праздники, гуляли». **Ирина, социальный работник**, вспоминает, что раньше давали путевки от завода для глухих, устраивали разные встречи, мероприятия. **Людмила, пенсионер**, говорит о клубе «Социо»: «Сейчас подруга пришла — она председатель местного отделения “Северное Измайлово”, мы вместе “кооперируемся” — у нее вечер, допустим, во вторую неделю месяца, в среду, у меня — в третью. Мы к ним ходим, они к нам, веселее как-то и мероприятия многолюдней, политику обсуждаем, врачей, юристов приглашаем, чтоб отвечали на вопросы, разъясняли то и се». **Ольга** рассказывает, что раньше часто ходила на мероприятия, сейчас времени стало меньше: «На мероприятия для глухих в Театре мимики и жеста, на другие крупные праздники хожу. Городские праздники для глухих есть, нас зовут туда». **Андрей, студент**, говорит, что ходит и на дискотеки, и на совместные прогулки. **Алексей**, временно безработный, говорит, что для него без особой разницы, куда пойти, — к глухим или слышащим. Просто если есть выбор, на какую дискотеку пойти (музыка-то одна), то выбирает глухих, общения больше там, где глухие. **Айнаш, официантка**, рассказывает: «Ходим туда, где собираются слабослышащие. У меня в Омске клуб глухих или

город организывает для слабослышащих». **Виктор Паленный**, главный редактор журнала ВОГ, рассказывает: «Глухие знакомятся в клубах. Я, например, позавчера ездил в Орел, там открыли новое помещение клуба. Большой праздник для глухих города! Люди в клубе, на сцене, репетируют, на вечерах выступают перед зрителями. В некоторых клубах глухих можно зайти в бар — посидишь там, пообщаешься со знакомыми. У нас еще есть дом отдыха в Сочи. Раньше в Советском Союзе глухие отдыхали также в Геленджике. Там был профсоюзный санаторий “Дружба”. Многие именно там нашли пару себе. Приезжают, заводят романы. Наша сотрудница нашла мужа именно в “Дружке”. Сама она из Киева, а муж из Москвы. А сейчас выручает Интернет... Легче стало искать “будущую половину”, потому что на сайтах размещают объявления о знакомствах. Ищешь и начинаешь переписываться с приглянувшейся девушкой. А потом общаешься жестами по скайпу — это чуть ли не живую». Эксперт **Любовь Корвякова**, сотрудник **Института коррекционной педагогики РАО**, говорит о центрах социального обслуживания в Москве. Их около 70. Для глухих там государство создает условия для досуга. Там танцуют, поют, общаются. **Александр Иванов**, начальник отдела реабилитации ВОГ, рассказывает: «Мы, конечно, проводим мероприятия, у нас в регионах фестивали различные — спортивные и культурные. Это такие мероприятия, которые проводит ВОГ».

Так же, как и в мире нормально слышащих, часть глухих активно участвует в общественной деятельности, а часть ее избегает. Например,

Алексей, безработный, говорит о том, что он такой человек — не любит участвовать в общественных шествиях, митингах: «Я, как правило, сторонюсь таких акций».

Вместе с тем большое количество глухих и слабослышащих ведет активную общественную жизнь. Например, **Галина, уборщица**, рассказывает, что общественной работой занималась с пеленок: «В яслях я была санитаркой, в саду была санитаркой, в школе была старостой, потом председателем пионерской организации, комсомольской организации, потом профгруппоргом на предприятии, затем председателем местного отделения глухих. Сейчас вот делегатом выбрали». **Алексей, актер**, говорит, что занимается благотворительностью: «Благотворительность заключается в том, что я занимаюсь детьми-сиротами, которых бросили родители. Я поддерживаю детей с онкологическими заболеваниями. Хожу к ним в больницу». **Максим, видеооператор**, рассказывает, что делает видеоролики на жестовом языке: «Информации для глухих недостаточно, в том числе и визуальной. Хотя и понимаем, что полностью не получится сделать все, что хотим, но нужно же что-то делать, с чего-то начинать». **Павел, актер**, отмечает, что занимается благотворительностью, организует мероприятия: «Помогаю семьям, которые приехали с Украины, среди них тоже есть глухие. Организую для них экскурсионную программу. Сейчас должны приехать очередные беженцы, и я им организую посещение цирка и обзорную экскурсию по вечерней Москве». **Вера, уборщица**, говорит, что участвует в общественных меропри-

ятиях, в конкурсах жестовой песни и пантомимы: «Я очень активная, завтра я уезжаю в Иваново в составе коллектива художественной самодеятельности». **Валерий, журналист**, говорит: «Сейчас я помогаю слепоглухим. Жена на пенсии, помогает выпускать журнал. Бесплатно слепоглухим помогает. Синдром Ушера — это когда глухой человек со временем теряет зрение, а затем наступает полная слепота. Это неизлечимая болезнь. У нас большая группа слепоглухих в Москве. Будет семинар в институте по вопросам слепоглухих, я поеду туда. Проблемы глухих мне близки и понятны». **Надежда, пенсионер**, рассказывает: «Мы проводим встречи ветеранов. Среди глухих есть ветераны войны и трудового тыла. Они стирали гимнастерки, бинты для военных. Работали днями и ночами. Приходили домой раз в неделю. Сейчас их становится все меньше и меньше. Возраст, увы. Наш департамент социальной защиты уделяет им внимание — организует концерты, встречи. Ветеранам очень нравится. Наш центр социальной защиты очень хорошо поддерживает районный и окружной департаменты. В 2013 году было организовано около 210 экскурсий. Нам очень нравилось. Многие из нас до этого были на экскурсиях только в школьные годы. И мы, глухие, общались, познавали мир, росли культурно, духовно. А в этом году, к сожалению, не было экскурсий. Плохо с деньгами. Может, есть бесплатные экскурсии для глухих, нужно поискать в интернете. Если бы не экскурсии, жизнь глухих была бы скучнее». **Галина** говорит: «Занимаемся проектом “Доступная среда”. Мне хочется, чтобы мне было комфортно так же, как и слышащим. Например, у вас мобильник, вы

можете позвонить легко. А у нас есть только возможность писать по СМС, это не равные возможности. Второе. Мы ездим в метро. А колясочники не могут, нет условий, нет пандусов. Условия должны быть равные, равные права. Я не могу пойти в театр, что я там увижу? Ну, передвигаются люди на сцене. Никаких там титров, бегущей строки, чтобы я могла понимать речь героев. В театр только слышащие ходят. Мы недовольны. Мы не можем запросто ходить в пенсионный фонд, чтобы решать свои вопросы, нужно сначала заказать переводчика. Надо связаться с центром переводческих услуг, попросить выделить на такое-то время переводчика, привести сюда. Часто приходится уговаривать своего сына, чтобы он нашел время и со мной пошел решать мои вопросы. Комфорта нет. Такова жизнь».

Эксперты делятся своим мнением относительно активного участия глухих и слабослышащих в общественной жизни. **Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей**, на собственном примере рассказывает: «Я недавно участвовала в митинге на Суворовской площади, который был организован школой «Интеллектуал». Эту школу объединили с обычной школой, преподаватели школы возмутились, на митинге свои права отстаивали. Пришло и несколько членов ВОГ, недовольных тем, что специальные школы объединяют с массовыми, я тоже там была. Многие считают, что политика интеграции и инклюзии должна быть продуманной. Главное, чтобы были обеспечены условия для глухих и слабослышащих детей». Эксперт **Виктор Паленный**, главный редактор журнала ВОГ, го-

ворит о том, что возглавляет московский оргкомитет по вручению премии «Человек года»: «Мы собираемся и думаем, кто в этом году особенно отличился, сделал такое, что вызвало сильный общественный резонанс. Победителю потом, в День глухих, вручаем премию». **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, рассказывает, что принимал участие в организации молодежного форума глухих из Белоруссии, Украины и России, который прошел в Москве: «Особенность в том, что мы говорим на одном языке — на русском жестовом и прекрасно понимаем друг друга».

Важно отметить, что большинство глухих и слабослышащих являются патриотами России. Несмотря на то что многие из них бывали в других странах и знают о материальном достатке глухих и слабослышащих в западных государствах, более 70% опрошенных сказали о том, что не покинут свою родину, даже если им предложат эмигрировать в благополучную страну. Приведем их суждения по этому вопросу.

Например, **Виктория, безработная**, оказалась одной из немногих, которые признались, что готовы поехать в другую страну, например, в Швейцарию: «Там очень хорошо относятся к глухим. Гид, который проводит экскурсии в музее, хорошо знает жестовый язык. Там телепрограммы сплошь с субтитрами. Там лучше обслуживание инвалидов. Даже многие врачи знают жестовый язык. Это в первую очередь относится к Америке. У меня подруга ездила в США. Там она как-то обратилась

к полицейскому, чтобы узнать дорогу, а он ей ответил жестами. То есть они знают основы жестового языка».

Однако абсолютное большинство других глухих и слабослышащих говорят о том, что не собираются уезжать из России. Например, **Нина** говорит, что никогда никуда не уедет: «Останусь в России. Я бывала за границей и удивлялась, как они там живут. Глухие там ниже по развитию, чем россияне. Наши, как правило, намного образованнее. В России интересные собеседники. А за границей глухие какие-то примитивные. Может, они там живут в достатке, без проблем. Но эта жизнь развращает. А мы все выстрадали, поэтому свой опыт и знание проблем помогают в жизни». **Галина, уборщица**, говорит: «Я корнями глубоко выросла в Россию, меня уже не вытащишь отсюда. Моя мама уехала в Израиль, плакала: мосты уже сожжены, потому что квартиру продали. Умерла и похоронена там, в Израиле. А папа у нас остался. Он тоже патриот, как и я». **Елена, домохозяйка**, говорит: «Я родилась и выросла здесь. Я бы поехала за границу в гости и на экскурсию, но жить хотела бы только в России». **Виктория, учитель физкультуры**, отмечает, что «...первое время хотелось уехать из России, особенно в Германию, у меня там подруга живет, но со временем я изменила свою точку зрения и теперь никуда не хочу уезжать». **Александр, технолог**, говорит: «Мой отец воевал от начала и до конца, защищал родину. А я брошу родину? Четыре года воевали, а я — за границу? Почти все родственники воевали. Прадедушка участвовал в гражданской войне, был ранен. Отец был

в партизанах. Стал кадровым офицером. И вообще я считаю, что здесь лучше. Тут хлеб самый вкусный. И россияне — прекрасные люди». **Галина, пенсионер**, рассказывает, что за границей она была во времена СССР. Была в Болгарии, Венгрии, Польше: «Здесь все-таки лучше. Здесь с пенсией лучше, да и веселее жить». **Оля, технолог**, утверждает, что не собиралась уезжать и никогда даже не думала об этом: «Здесь очень хорошо. Если бы родных и родственников не было, может быть, уехала бы. Здесь мы живем комфортно — появились субтитры, телетекст... Общество тоже меняется». **Светлана, актриса**, говорит, что осталась в России: «Я уже пробовала жить в другом государстве. В 1989 году, когда была перестройка, группу студентов, в том числе и меня, пригласили в Вашингтон, в университет, где много глухих студентов. Это Галлодетский университет. Там собирают глухих со всего мира. Нас все там очаровало. Это же Америка! Всему удивлялись. 1989 год — перестройка, распад СССР, а там все комфортно. Голова кружилась, когда заходили в магазин. Там все было! И люди улыбчивые. Все у них ОК. Все время спрашивали: No problem? Они даже о проблемах спрашивали с улыбкой. Я посмотрела на это, и мне показалось, что их улыбки на лице искусственные. Но, может, я ошибалась... Однажды, когда было тепло, мы сидели на лавочке и отдыхали. К нам подошел человек и спросил: “У вас проблемы?” Мы удивились и ответили: нет, мы просто отдыхаем. А он нам говорит: “А почему у вас на лице грусть? Наверно, проблемы?” Тогда я и поняла, что это не мое. Другие студенты там остались, в США и Канаде, им понравилось. Это их выбор. Я понимаю,

что у России есть проблемы, но это моя родина. Я люблю свою родину». **Никита, студент**, говорит, что раньше хотел уехать за границу, потому что там хорошее обеспечение: «Но недавно мы поехали, и оказалось, что глухие нам завидуют: у нас многое изменилось к лучшему. В Америке много хорошего, но есть и минусы. Со спортом глухих у них теперь много хуже, чем у нас. У нас государство поддерживает спорт глухих, у них — нет. Везде свои плюсы и минусы. Европейцы теперь говорят, что нам, россиянам, хорошо живется, и государство заботится о нас». **Александр** тоже говорит: «Москва — моя родная земля, я тут родился, и все. Я коренной москвич. В Италии был, посмотрел, интересно там. Ну и слава Богу. А у нас тут все свое». **Елена, домохозяйка**, рассказывает: «В 1992 году было тяжело. Работы для глухих не было, поэтому и уехали в Испанию, там замечательно жили. Шесть лет там прожили. Но поняли, что все же лучше в России, и впоследствии в России жизнь действительно улучшилась. За границей скучно, это все-таки чужая страна, а Россия — наша». **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, считает, что все зависит от конкретного человека. «Я бы не сказал, что глухому человеку за границей лучше. Смотря какую страну брать. Это мое сугубо личное мнение. Допустим, если брать ту же Америку, то, поехав по ней, пообщавшись с глухими, я узнал много любопытного, но у меня не было особого желания быть как они. Я почувствовал, что наше классическое образование было все-таки мощным. Нюанс в том, что это очень личный выбор. Он не зависит от состояния слуха».

Глухие и слабослышащие — недостаток помощи со стороны гражданского общества, роль ВОГ и Русской Православной Церкви

Из опрошенных для этой книги глухих и слабослышащих около 70% считают, что гражданское общество, различные общественные и благотворительные организации не оказывают им никакой помощи. Например, **Вера, уборщица**, говорит, что *никто ничем не помогает. Бывает, что в центре социального обслуживания раз в год дают матпомощь, 500 рублей на питание. Михаил, актер, рассказывает, что ничего такого нет; никто ничего не предлагает.*

Эксперты более информированы по поводу наличия различных фондов и общественных организаций, но и они говорят лишь о нескольких примерах. Например, **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, отмечает фонд «Филантроп». *Этот фонд поддерживает талантливых глухих актеров и художников. Он вручает премии. Остальное — только социальная государственная поддержка. Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ*, называет еще несколько организаций: *«Активно помогает нам “Парилис”, организация “Живые сердца”. Она недавно появилась, это благотворительный фонд. Делают фильмы с субтитрами и комментариями для слепых, готовят нам диски, мы их рассылаем в регионы, по клубам, где по выходным дням и вечерам для глухих устраивают коллективные просмотры».* **Анна Комарова, директор**

Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, упоминает Общероссийскую спортивную федерацию спорта глухих (ОСФСГ): *она занимается спортом глухих, у них есть связь с различными федерациями. В этом смысле, в спорте более или менее благополучно.*

При этом практически все глухие и слабослышащие говорят о важной роли Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» (ВОГ). Более 60% опрошенных говорили о том, что они лично пользовались той или иной поддержкой ВОГ. Около 20% считают, что принимать участие в мероприятиях ВОГ для них является менее актуальным, а оставшиеся затруднились дать ответ на вопрос о роли ВОГ. Приведем и те, и другие мнения.

Например, **Галина, технолог**, рассказывает о том, что *ВОГ помогает глухим, проводит собрания, объясняет разные тонкости: «Я не могу сказать ничего плохого о ВОГ. Общество глухих очень хорошо помогает нам. Никогда не отказывает в помощи»*. **Дмитрий, воспитатель в коррекционной школе**, говорит, что *Московская городская организация ВОГ помогает получать слуховой аппарат, мобильный телефон, технические средства*. **Людмила, пенсионер**, рассказывает, что *«Московская городская организация ВОГ выпускает газету. Я не представляю жизни без ВОГ. Они помогают нам подготовить и подать какую-либо жалобу, ходатайство, помогают с трудоустройством. Если потребуется переводчик жестового языка, то на помощь придет ВОГ»*. **Ольга** говорит,

что ВОГ оказывает поддержку в трудоустройстве, проведении мероприятий, экскурсий, помогает в социальных вопросах, предоставляет переводчиков. **Раиса, кассир**, отмечает, что ВОГ выпускает свою прессу: «А если бы этого не было, то никакой информации бы и не знали. А так через эту прессу мы можем получить разъяснение, что к чему». **Галина, уборщица**, говорит, что ВОГ играет важную роль: «Я горжусь им. Общество очень хорошее. Защищаю его от нападков». **Павел, актер**, приводит пример того, как он просил ВОГ выделить денежные средства на поездки, на конкурс, на фестиваль — ВОГ выделяло: «Вообще, есть возможность получить и консультацию юриста, и помощь в организации всевозможных мероприятий, слетов молодежи». **Елена, домохозяйка**, говорит: «Когда мне что-то нужно, скажем, какие-нибудь пособия, различные технические средства для реабилитации, ВОГ помогает нам со справками и с письмами. Он также проводит экскурсии для нас. Глухим ВОГ очень помогает». **Юлия, педагог**, отмечает, что если бы не было ВОГ, то на глухих бы не обращали внимания вообще: «Наша жизнь очень тесно связана с ВОГ». **Сергей, инженер**, считает, что «...ВОГ дает глухим очень много, без ВОГа мы бы вообще не существовали как граждане». **Виктория, учитель по физкультуре**, говорит, что раньше, во времена СССР, ВОГ больше помогал, давал путевки, организовывал летний отдых родителей с детьми-инвалидами. **Надежда, пенсионер**, считает, что если бы не ВОГ, государство бы не знало ничего о нас. Об этом говорит и **Никита, тренер**: ВОГ много помогает, оно больше понимает в проблемах глухих. А государство

в наших тонкостях не разбирается. **Марина, домохозяйка**, говорит, что государство без подсказки ВОГ не могло бы сделать что-то нужное для глухих. ВОГ лучше знает проблемы и нужды глухих. **Андрей, преподаватель**, рассказывает, что «ВОГ консолидирует наш сегмент общества, у нас есть чувство локтя, есть возможность отстаивать свои права в государственных структурах».

При этом ряд людей с нарушениями слуха говорит о том, что они не участвуют в деятельности ВОГ по различным причинам: «не хватает времени», «привыкли сами всего добиваться», «интереснее в мире слышащих». Приведем и эти мнения. Например, **Виктория, безработная**, говорит, что последнее время практически не посещает ВОГ, так как нет времени. **Елена, воспитатель в коррективной школе**, говорит, что является членом ВОГа: «Но я не принимаю активное участие, к сожалению. Но стараюсь все делать сама, мне помощь ВОГ не нужна, я привыкла всего добиваться сама». **Антон** утверждает, что для него основное — это работа: «Даже несмотря на то, что я не слышу, честно говоря, все, что касается ВОГ, меня мало волнует. Мне более интересен мир слышащих».

Эксперты также высоко оценивают деятельность ВОГ. **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, отмечает, что ВОГ проводит фестивали, встречи, фестивали самодеятельности, даже конкурсы красоты, конкурсы переводчиков. **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, говорит о том, что ВОГ играет огромную

роль. «Скоро девяносто лет будет нашей организации. Именно благодаря ВОГ впервые стало доступно высшее образование. Благодаря ВОГ глухие могут водить машину, работать на заводе. Во время войны глухие самоотверженно работали в тылу, на заводах перевыполняли нормы производства ради фронта. Станок одного глухого — Василия Кабанова — стоит в Музее Советской армии в Москве. То есть история страны непосредственно связана с историей ВОГ, которое объединяет глухих, и именно благодаря ему глухие себя чувствуют сообществом. То есть обществом со своей культурой, историей, схожестью проблем».

Сотрудники ВОГ также рассказывают о различных сторонах своей деятельности. Например, **Виктор Паленный, главный редактор журнала «В едином строю»:** *«Я работаю в ВОГ, для меня это что-то обычное, но моя жена довольно равнодушна к ВОГ, несмотря на то что она работает в школе для глухих и имеет друзей из числа глухих и слабослышащих. Некоторые глухие тоже не вспоминают про ВОГ. Но время от времени все же вспоминают, что в театре будет такой-то праздник, туда и сходят. Многие не понимают, что именно ВОГ выбивает у государства для них льготы, защищает их права. ВОГ много лет просит у государства сделать то и се, государство сначала упирается, потом все же идет навстречу глухим, например, в создании систем субтитрования. Государство, впрочем, скрытые субтитры не придумало, это наши люди изобрели. Президент ВОГ Валерий Рухледев выступал в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. С высокой трибуны он говорил,*

что нужно защищать жестовый язык, что глухим нужны переводчики, образование, поддержка в сфере культуры... В итоге приняли Конвенцию ООН о правах инвалидов, где в полной мере учтены интересы глухих. Теперь государство меняет законы, чтобы выполнялась эта конвенция. То есть ВОГ приложил руку к важнейшим для нас изменениям в законодательстве. А люди этого не понимают — чем это президент ВОГ там занимается?.. ВОГ защищает интересы глухих, но трудно донести это до каждого». **Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих** говорит, что ВОГ представляет тысячи глухих перед правительством. Пробирает изменения в законодательстве. ВОГ объединяет весь мир глухих и действует от имени глухих. **Владимир, председатель организации ВОГ**, отмечает, что мы заставляем государство заниматься вопросами глухих, мы не имеем права подменять работу государства, но глухие платят налоги, и государство должно заниматься вопросами инвалидов. Мы просто защищаем интересы глухих, мы защищаем их права, ставим вопросы перед государством и требуем, чтобы оно решало их.

По мнению глухих и слабослышащих, кроме Всероссийского общества глухих, Русская Православная Церковь является одной из немногих негосударственных структур, которая системно им помогает. Русская Православная Церковь свидетельствует, что никакое психическое и физическое заболевание не умаляет достоинства человека, а всякий человек является носителем образа

Божия. Она специально обращает внимание на то, что глухие и слабослышащие особо нуждаются в христианском милосердии и заботе, помощи в социальной интеграции и реабилитации.

Для координации работы по помощи людям с нарушениями слуха в 2014 году по благословению Святейшего Патриарха Кирилла при Синодальном отделе по благотворительности создан Координационный центр по работе с глухими, слепоглухими и слабослышащими. В числе задач центра — организация курсов для священнослужителей и мирян по обучению основам русского жестового языка и проведение обучающих онлайн-семинаров. В рамках указанной деятельности Русская Православная Церковь ведет работу по созданию словаря православной лексики русского жестового языка и по переводу Евангелия.

При участии Русской Православной Церкви проводятся конференции и круглые столы, посвященные проблемам глухих. Например, в мае 2014 года священнослужители РПЦ приняли участие в организованной ВОГ II Международной научно-практической конференции «Лингвистические права глухих».

На постоянной основе работа с глухими и слабослышащими ведется в 62 приходах Русской Православной Церкви на территории России, а ряд священников и диаконов специально изучили жестовый язык. Приведем лишь несколько примеров.

В храм Тихвинской иконы Божией Матери Симонова монастыря в Москве, где проводятся службы для людей с нарушениями слуха, прихожане приезжают не только из районов Подмоско-

вья, но и близлежащих областей, при этом у некоторых дорога занимает три-четыре часа. Это говорит об острой потребности в организации подобных общин в различных городах Подмосковья, где проживают глухие люди. Аналогичная ситуация и в храме Архангела Михаила г. Коломны (протоиерей Георгий Муравлев), в церкви во имя Святителя Тихона, патриарха Московского г. Клина (протоиерей Анатолий Фролов). Для глухих организуются паломнические поездки — в Иоанно-Богословский монастырь под Рязанью, в Ново-Иерусалимский монастырь и др. Поездки в Новый Иерусалим помогают при изучении Священного Писания. При этом поездки и экскурсии адаптированы для людей с нарушениями слуха.

Ряд священников Русской Православной Церкви помогает в работе учебных заведений. Например, протоиереем Георгием Муравлевым окормляется детский сад I–II вида для глухих и слабослышащих детей, где детей учат основным понятиям и формируют у них речевые навыки. Раз в месяц детей привозят в храм для участия в богослужении и причащения.

При активном участии Новосибирской епархии создана специальная телефонная служба социальной помощи «Содействие» с особой видеолнией для людей с нарушениями слуха. Для того чтобы обратиться в службу «Содействие», неслышащие должны иметь необходимые средства связи (мобильный телефон, Интернет, веб-камеру). С помощью установленных на компьютере программ можно жестами или в письменном виде через Интернет задавать вопросы и получать на них ответы. На горячую линию службы обращаются

с различными психологическими проблемами, это могут быть трудности во взаимоотношениях с детьми, супружеские конфликты, алкогольная зависимость, утрата смысла жизни, депрессия.

Вероника Леонтьева, руководитель направления по работе с инвалидами Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского патриархата, рассказывает: *«Ежегодно в России появляются 4–5 новых церковных общин, где оказывают помощь глухим людям.*

25 сентября 2016 года в Международный день глухих и 90-летие ВООГ впервые в истории Русской Православной Церкви была совершена Патриаршая Литургия с сурдопереводом. На Литургии присутствовали более 600 представителей 47 православных общин глухих со всей России, руководители и члены Всероссийского общества глухих.

Священник, который знает жестовый язык, часто становится для глухих людей «проводником» в мир слышащих и помогает им в решении социальных и бытовых проблем за пределами храма. Поэтому совместно с Всероссийским обществом глухих Координационный центр в разных регионах проводит образовательные курсы по основам русского жестового языка для священнослужителей, социальных работников и добровольцев. Изданы методические пособия «Инвалид в храме», разговорник для священнослужителей «100 фраз на русском жестовом языке», серия миссионерских фильмов на жестовом языке «Зримое слово». В Интернете был создан просветительский видеоканал для глухих людей «Десница», где

размещены ролики о Евангельских сюжетах на жестовом языке и телепередачи с участием Святейшего Патриарха Кирилла, которые адаптированы для глухих.

На сайте Координационного центра surdonika.ru размещена карта с адресами этих приходов, окормляющих глухих людей и видами оказываемой помощи. Свою главную задачу мы видим в том, чтобы в каждой епархии Русской Православной Церкви существовал хотя бы один приход, который помогает глухим людям».

Так же, как и у полноценно слышащих, среди глухих и слабослышащих есть более и менее воцерковленные люди. Многие из них рассуждают о месте Бога в их жизни.

Например, **Эдуард, видеооператор**, говорит, что он верующий: «Бог нам дает жизнь. Исповедую христианство, потому что люблю жизнь. На все воля Божья. Бог хочет, чтобы мы пришли к нему. Бог объединяет нас, чтобы мы пришли к покаянию. Мы должны с оптимизмом жить, тогда все получится». **Александр, фотограф**, говорит: «Мама в детстве меня не крестила, но сын у меня крещеный, жена тоже. Но Бог меня любит, заботится обо мне. Четыре операции делал и жив остался». **Алексей, актер**, говорит, что у него православная вера наследственная: «Я привык в эту церковь ходить, знаю и закон Божий, все нормально, это у меня в душе». **Антонина, учитель русского языка**, рассказывает, что она крещеная: «Хожу в церковь, ставлю свечи. Про себя могу помолиться, и просьбы без ответа не остаются». **Алексей**,

безработный, говорит: «Главное — верить, я никогда ничего не прошу. Главное — верить, когда веришь, себя чувствуешь легче». **Виолетта, учитель математики,** тоже говорит, что она «...верующая, стараюсь жить по Библии, соблюдаю заповеди. Хожу в церковь». **Ольга, пенсионер,** рассказывает, что мама привела ее в церковь: «Я хожу туда постоянно. Молитвы читаю. Я желаю здоровья близким, ставлю свечи». **Виктор, воспитатель в коррекционной школе,** говорит: «В зависимости от проблемы жизненной, внутренней проблемы, я прихожу в храм, ставлю свечку. Бывают какие-то жизненные моменты, а так, чтобы глубоко верить — нет». **Андрей, студент,** говорит о том, что он верующий: «Иногда хожу в церковь. Особенно в Пасху, на Крещение. С мамой хожу иногда в церковь. Я знаю, что Бог есть, я в Бога верю. Папа с мамой мне дали крестик, когда родили, и я берегу его». **Светлана, актриса,** напротив, говорит, что в церковь ходит нечасто: «Я уважаю церковь. Но я не фанатка. Я пытаюсь изучить этот вопрос, понять. Ищу ответы. Мне кажется, что Бог есть, а мы, люди, идем разными путями. Есть разные течения, а Бог-то один...». **Людмила, пенсионер,** говорит: «...в душе верю в Бога. Но чтобы часто посещать церковь — нет. Я крещеная. Другие глухие рассказывают, что вера помогает им по жизни. У меня с сыном были проблемы. Я сходила в церковь, помолилась, и сын изменился». **Андрей, безработный,** говорит о том, что вера ему помогает: «Когда у меня трудности, я знаю, к кому обратиться. Вера также меня отвращает от вредных привычек: я не курю, не пью и не дебоширю». **Никита, студент,** вспоминает, что его

«...крестили в два года, я очень хорошо это помню, вода была холодная. Когда есть проблема, я хожу в храм, а когда нет — то не хожу. Это помогает только в плане оптимизма, я начинаю надеяться, что все будет хорошо. Только на одном оптимизме вся жизнь и держится». **Сергей** рассказывает о том, что вера дает ему способность ждать изменений жизни к лучшему: «Если у меня будут какие-то проблемы в жизни, я смогу спокойно на это все смотреть. Я знаю, что могут быть проблемы, но в будущем все будет хорошо». **Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей,** говорит: «Я являюсь верующим человеком, я христианка, посещаю церковь. Наши дети тоже посещают церковь, воскресную школу. Я считаю, что христианство помогает жить. В христианстве хорошие заповеди. Люби Бога, люби ближнего своего, это очень хорошие заповеди, и, как правило, христиане считают себя более счастливыми». **Павел, актер,** приводит в пример один из храмов — у них есть священник, знающий жестовый язык: «Я посещаю храм, хотя не очень часто, очищаю душу».

ЛЮДИ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА И ОБЩЕСТВО

Отношение общества к глухим и слабослышащим

Выше мы неоднократно обсуждали примеры негативного отношения к глухим и слабослышащим со стороны общества. Более 40% глухих и слабослышащих Москвы сказали о том, что регулярно сталкиваются с негативным отношением окружающих к себе. Этот процент носит исключительно высокий характер и говорит о том, что негативное отношение к ним является на данный момент доминирующим. Приведем наиболее типичные примеры, которые приводят люди с нарушениями слуха.

Михаил, главный редактор газеты, считает, что *отношение общества к ним нетерпимое: «Изначально человек, который никогда не сталкивался с глухим, принимает глухого за слабоумного, и приходится прикладывать усилия, чтобы доказать, что ты нормальный человек. Самое интересное, если слышащий человек интеллектуально развит, то меня воспринимают как полноценного собеседника, а вот какая-нибудь продавщица, ка-*

кая-нибудь уборщица воспринимает меня как слабоумного, понимаете, стереотипы такие». **Евгения, инженер**, приводит свой пример: «Один раз ехала на теплоходе с аппаратом слуховым, с ним я нормально слышала. Только один мужик сказал: “Ой, какой кошмар!” Спрашиваю: “Что случилось?” А он: “Как жалко: такая красивая — и глухая”. Я в ответ: “Ну и что?” Он сказал “глухая” так, будто я проклятая. А когда я ему показала аппарат, объяснила, что с ним вполне нормально слышу, он сразу изменил отношение. Очень многие относятся к глухим так, будто они все тупые, такое обывательское отношение». **Сергей, инженер**, говорит, что, «...к сожалению, слышащие остерегаются нас». **Валерий, журналист**, рассказывает: «Вы не поверите, я сейчас выйду отсюда и первым делом сниму аппарат, чтобы никто не увидел. Глупость, глупость невероятная, но я, старик, не могу иначе, мне стыдно. А почему? Потому что общество так воспринимает глухих. Посмотрите, Департамент образования сейчас слиянием школ занимается. С какими школами он объединяет школы для глухих детей? Со школами для умственно отсталых! Как хотите, а стереотипы действуют на таком высоком уровне, глухой — это неполноценный. И общество по-прежнему до сих пор относится негативно к глухим. Потому что глухота, она всегда... странная, неожиданная. Слепой, очки темные, палочка-тросточка, он идет, все его видят. Безногий катится на коляске там или ходит с костылями, у вас есть время, чтобы его пожалеть, у вас просыпается какое-то сострадание. А глухой, красивый молодой человек, кровь с молоком, одет с иголки, красавец, идет бодрый, веселый, и вдруг, когда вы

идете с ним в магазин, этот парень становится в очереди помехой, он не понимает, что ему говорит продавец, вы раздражаетесь — стоит парень, дурак какой-то, и не понимает простых слов. Вам его не жалко совсем, вы злитесь: “Ну, сидел бы, глухарь, дома, чего ты шляешься по магазинам?” Помните слово “глухой” в русском фольклоре, какие у нас сочетания с этим словом: глухой угол, глухая ночь, глухое место — все какое-то отрицательное, таящее какую-то угрозу, понимаете?»

Люди с нарушением слуха считают, что в обществе также распространен стереотип пренебрежительного к ним отношения. Например, **Галина, швея**, говорит: «Они все равно считают, что мы ниже на ступеньку». **Никита, тренер**, вспоминает: «Часто сталкиваюсь с тем, что люди перестают со мной общаться, когда узнают, что я глухой. Но когда они не знают, что я глухой, они думают, что я иностранец, англичанин или немец». **Алексей, безработный**, говорит, что когда люди говорят: «Не обращай внимания, они глухонемые» — ему обидно. «Мы не немые, просто не слышим, немые никогда не говорят». **Ольга, председатель местного отделения ВОГ**, рассказывает: «Бывает, дразнить начинают, но я не обращаю внимания. Бывает, что у окружающих появляется жалость, я не люблю этого».

Глухие и слабослышащие говорят о том, что негативное отношение к ним нередко связано с незнанием, как именно выстраивать общение. Например, **Светлана, актриса**, рассказывает, что когда встречает знакомых и говорит: «Привет!»,

люди начинают оглядываться: «Я стараюсь следить за своими жестами и мимикой, чтобы не испугать окружающих своим поведением. Москвичи относятся нормально, а приезжие смотрят с удивлением. Для них глухой в диковинку. Даже был такой случай, когда я начала работать в “Ашане” кассиром, многие покупатели не понимали, в чем дело. Первый день самостоятельной работы — это был кошмар. Подошла женщина в специфической одежде. Она стала выкладывать товар на прилавок и что-то говорить. А мужчина это увидел и попытался обратить ее внимание на табличку “Глухой кассир”. Но женщина не посмотрела на нее. Когда я весь товар пробила, стала показывать на мониторе общую сумму, покупательница не сразу сообразила, в чем дело. А когда поняла, пришла в ужас: “Ах, ты глухая! Как я с ней буду разговаривать? С глухим кассиром?” Она стала громко высказываться. Другие люди стали ее успокаивать и говорить, что есть монитор: посмотрите сумму и расплатитесь. Женщина пришла из какого-то глухого аула и не имела понятия, как общаться с глухим человеком. Поэтому и запаниковала. Мне было смешно, я даже не обиделась на ее поведение. Вообще, хорошо, что “Ашан” берет на работу глухих».

Проблему отношения общества к людям с нарушениями слуха обсуждают и эксперты. Например, **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, рассказывает, что знает случаи, когда бабушка 20 лет отказывалась видеть двух глухих внуков и невестку, которая их родила. Примирило суро-

вую бабушку лишь рождение слышащих правнуков: «Это далеко не единичный случай! Зачастую родственники против женитьбы слышащих мальчика и девочки, когда узнают, что у одной стороны глухие родители. Говорят: нарожаете глухих детей, хотя это совершенно не обязательно. Негатив, связанный с предрассудками, до сих пор существует, хотя мне кажется, что сейчас ситуация становится немного лучше».

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, тоже говорит о взаимных предрассудках слышащих и неслышащих: «Они нас избегают, потому что не знают, как общаться. Они боятся неадекватного поведения со стороны глухого человека. А глухой-то видит недоверчивые выражения на лицах, выражение подозрения — и напрягается. Тут взаимное непонимание происходит, поэтому диалог обрывается, даже не начавшись: “Не слышишь, да? Не слышишь” — и все». **Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной Федерации глухих**, замечает: «Некоторые пугаются, некоторые начинают говорить громче, хотя толку в этом нет».

Достаточно показательной является готовность или неготовность людей с нарушениями слуха обращаться к незнакомым окружающим за помощью. Например, люди с нарушениями слуха по-разному оценивают свое поведение в случае возникновения той или иной проблемы на улице.

Некоторые приводят в пример свой негативный опыт. **Татьяна, уборщица**, говорит: «В та-

кой ситуации я пишу, но многие просто отворачиваются». **Галина, домохозяйка**, отмечает, что «...раньше, бывало, просила помощи, обращалась, чтобы помогли, некоторые были внимательными. Но как-то раз унизили, и больше не обращалась ни к кому». **Евгения, инженер**, говорит: «Я могу с помощью слухового аппарата понять, что мне говорят. А для тотально глухих это трагедия».

Другие говорят о своем позитивном опыте. Например, **Вера, уборщица**, рассказывает, что обращалась с записочками — как проехать, как пройти: «Некоторые оказывали помощь, другие отказывали. Даже был случай, что я спросила полицейского, как пройти на эту улицу, меня с удовольствием посадили в машину и привезли по адресу». **Никита, тренер**, говорит: «Если я что-то не понимаю, мне могут показать жестами. Если человек не понимает моего голоса или я не понимаю его, то ничего страшного, я просто к другому человеку обращаюсь». **Изабель, студентка**, рассказывает, что «иногда голосом пыталась обратиться. Некоторые не понимали. Иногда я пишу на мобильном текст и показываю — так спрашиваю, как туда пройти. У меня есть Интернет в телефоне. Но иногда и на улице спрашиваю. Если меня не понимают, обращаюсь к другим». **Светлана, работник ручной сборки**, рассказывает: «Если попадаю в сложную ситуацию на улице, я записываю свой вопрос, и, как правило, люди в письменном виде более-менее отвечают». **Роберт Фомин, режиссер театра Мимики и жеста**, отмечает, что прохожие помогают: «Сейчас они стали очень лояльными. Я просто показываю бумагу и говорю, что плохо слышу, они объясняют».

Люди реагируют нормально». Роман, безработный, рассказывает: «Некоторые помогают хорошо, я даже этому удивляюсь. “А, глухой? Давай помогу, конечно”. Они такие вежливые, не отталкивают. Хотя бывает, что кто-то из-за своей важности не хочет со мной общаться».

Однако большинство глухих и слабослышащих говорят о том, что пытаются рассчитывать на самих себя, и отмечают, что технический прогресс и появление смартфонов серьезно облегчают их жизнь. Например, **Нина** говорит о том, что *сейчас стало проще, эсмэски можно писать, есть интернет и контакт, есть хорошие друзья, по СМС общаются, по интернету... А со слышащими почти перестали общаться. В последнее время такого случая не было, чтобы она обращалась к слышащим. Полностью самостоятельная стала.* **Наталья, домохозяйка,** говорит, что бывают равнодушные люди. А бывают молодые люди, которые помогают. Деловые люди не обращают внимания, потому что времени у них мало: *«Поэтому передвигаюсь в незнакомом месте по навигатору, так что мне мобильный помогает».* **Виктор, воспитатель,** говорит, что бывает — помогают, бывает — равнодушно проходят мимо: *«Раньше навигатора не было — мы писали записки, спрашивали, а сейчас достаточно навигатора. Мне и спрашивать не нужно — все есть, очень удобно! Мобильный — пожалуйста, интернет — пожалуйста, набрал там, и не нужно спрашивать у людей».* **Дмитрий, воспитатель,** говорит о том, что никогда не обращался за помощью: *«Я сам стараюсь знать дорогу и заранее готовлю маршрут. Навигаторы сейчас*

появились, можно смотреть по нему». **Алексей, безработный**, говорит: «Сейчас мне намного легче передвигаться по улицам, чем раньше. Есть смартфоны и карта. Я обхожусь абсолютно без посторонней помощи».

Негативные предрассудки общества приводят к тому, что глухие и слабослышащие стараются уменьшить свое общение со слышащими людьми, изолируются. **Евгения, председатель местного отделения ВОГ**, приводит в пример следующие случаи: «В метро, когда рядом с нами сидят слышащие, мы стараемся разговаривать губами. Иначе они уходят от нас в другое место. Нам это обидно, неприятно. Вроде бы я ненормальная. В общественных местах я обычно молчу. А слышащие не понимают, что мы просто глухие. Я хочу, чтобы все в мире знали, кто такие глухие. Это просто люди, которые не слышат и разговаривают руками. Это должно быть ясно всем. Нам директор рассказывал, что некоторые слышащие жалуются на то, что по телевидению иногда включают сурдоперевод, что это им мешает. Но по-другому мы ничего не поймем. Глухие — такие же люди, как и все остальные. Мы ездим на экскурсии, общаемся. Мы как-то ездили на экскурсию, где были и глухие, и слышащие. Это очень неудобно, переводчик не все переводил. Было очень неудобно и неприятно. Раз они меня не уважают, я не буду с ними ездить. Решила, что в следующий раз буду ездить на экскурсии, только если там будут все глухие». **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, делает акцент на том, что глухие быстро распознают негативное

к ним отношение и реагируют соответствующим образом: «У глухих очень обострено восприятие. Они сразу видят, когда человек идет на контакт или нет. Если по человеку сразу видно, что он испугался, не хочет общаться или в шоке, то они отходят и не будут дальше иметь с ним дело. Это уже привычка, выработанная с детства. Все зависит от того, что за человек перед тобой. Если ему интересно, то всегда можно найти общий язык. Если человек будет стараться понимать, контакт будет 100%. Если он отойдет, отвернется, контакт будет потерян». **Елена, воспитатель,** говорит о том, что обычно глухой — неплохой психолог, по лицам все считывает: «И я тоже этому научилась, всегда выбираю не первого попавшегося, а ищешь в толпе человека с добрыми глазами, который тебе поможет». Эксперт **Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ,** говорит о том, что глухие и слабослышащие часто встречаются с проявлениями хамства. У людей нет понимания, как с глухим общаться. У глухих часто искаженная речь, и они не совсем правильно произносят слова. Это вызывает насмешку либо ухмылку. Глухие читают с губ (но далеко не на 100%), они прекрасно улавливают, в каком тоне им сказали — по выражению лица.

Люди с нарушениями слуха говорят и о том, что в некоторых случаях глухие и слабослышащие сами провоцируют неадекватный взгляд на них. Например, **Анатолий, безработный,** рассказывает, что многое зависит от поведения глухого человека. Есть такие глухие, которые кричат, размахивают руками, агрессивно себя ведут. Слы-

шащие подумают, что он ненормальный, с которым лучше не связываться. Я себя нормально веду, и слышащие сами ко мне подходят, стараются найти контакт. Это все зависит от самого глухого, от его поведения.

Несмотря на распространенность негативного отношения общества к людям с нарушениями слуха, ряд опрошенных привел в пример и позитивные случаи. Например, **Александр, технолог**, рассказывает, что сейчас «...никаких проблем нет. Может, раньше были. Слышащего человека перед диалогом я сразу стараюсь предупредить, что я глухой. А он мне отвечает, что ничего страшного. Когда прихожу на вокзал и мне нужно купить билет, я заранее пишу на листочке, что я не слышу и какой билет мне нужен. С этим проблем не было. А если кто-то раздраженно относится к этому, я просто иду к другому человеку. Я читаю книги вслух, чтобы тренировать голос. Это, конечно, тяжело. Если бы пришлось второй раз выбирать этот путь, я бы его не выбрал». **Ольга, кассир**, приводит подробный пример из своей жизни: «Дочка перешла в пятый класс другой школы. Там учительница не знала, что у нее родители глухие. Прошло семь месяцев, учительница вызывает родителей. Я пришла, вежливо поздоровалась, а она начала разговаривать со мной. Я говорю: позвоните мою дочку, я не могу вас слышать, а дочка переводить может. Учительница не знала, что я глухая.

В этом году меня вызвала учительница английского. Она сама раздает задания, спрашивает, кто какой язык знает. Моя дочка сказала, что

английский и жестовый. А учительница говорит: как жестовый? Не знала, что папа с мамой глухие. Женщина не могла поверить в это, а потом заинтересовалась, стала про жесты спрашивать. Другая учительница сказала, что никогда не сталкивалась с детьми, у кого родители глухие. Она работает в школе 38 лет и никогда их не видела. Она была очень удивлена, но успехами моей дочки была довольна. У дочки все ребята узнали, что я глухая. Друзья дочки случайно пришли к нам домой, я говорю — проходите, чаю попейте. А они поначалу побаиваются, потом садятся за стол, и им нравится. В кино хотите? Вместе пошли. Все спокойно на это смотрят сейчас, проблем нет».

Елена, воспитатель коррекционной школы, говорит, что все зависит от культуры человека: «Во всяком случае, я сейчас не стесняюсь говорить, что я плохо слышу. А как он ко мне будет относиться — это на его совести». **Роберт Фомин, режиссер Театра мимики и жеста,** рассказывает: «Я несколько лет уже работаю тамадой на днях рождений, и мне нравится, когда слышащие люди приходят в восторг от того, что я делаю».

Люди с нарушениями слуха отмечают, что отношение к ним общества медленно меняется в лучшую сторону. Например, **Раиса, кассир,** рассказывает: «Люди уже не обращают внимания на жестикулирующих глухих. В советское время было хуже. На производстве было хорошее отношение к глухим работникам, а вне предприятия отношение было хуже, начинали дразниться. Определенно сейчас лучше».

Бытовые проблемы глухих и слабослышащих

Люди с проблемами со слухом описывают целый ряд бытовых ситуаций, которые как минимум являются для них некомфортными. Особенно остро ими воспринимаются случаи отказа от общения или негативного отношения к ним со стороны врачей, продавцов, полицейских, работников банков, нотариусов и представителей других профессий, с которыми им приходится сталкиваться. Например, около трети глухих и слабослышащих в Москве говорят о случаях негативного отношения к ним со стороны медицинских работников. При этом около половины отмечают, что передвигаться по городу стало намного легче, т. к. общественные транспортные средства (метро, автобус, троллейбус, трамвай) все больше оснащаются информационными табло, работают различные информационные системы и т. д.

Например, **Галина, технолог**, говорит о том, что *единственная проблема у нее — с медицинским обслуживанием. Врачи отказываются давать письменные объяснения глухим. А если и соглашаются, то прочитать это невозможно: «Однажды я стояла в очереди к врачу. Он подошел ко мне и спросил, какая у меня проблема. Я заранее приготовила записку. Он прочитал и принял меня последней. Хотя в очереди я была не последней. Врачи невнимательно относятся к глухим. На это жалуются многие глухие. Мне приходится просить дочь переводить. Не у всех врачей есть культура, чтобы уважительно и терпеливо вести*

себя с глухими. Поэтому мы часто занимаемся самолечением». **Татьяна, пенсионер**, делится своей историей: «В прошлом году пошла к врачу-терапевту. Я предупредила, когда вошла: “Здравствуйте, я плохо слышу, буду читать с губ. Пожалуйста, если у вас возможность, пишите вопросы, если я вас не пойму, или повторите”. А потом она начинает говорить: “Стоп-стоп, повторите, что вы сказали”. Это уже минус». **Евгений, оператор**, говорит, что в поликлинике постоянно требуют переводчика, а с этим проблемы. **Марина, студент**, рассказывает, что сейчас в метро есть табло, на которых указывается следующая остановка. В маршрутках трудно бывает, они не на всех остановках тормозят, а как сказать водителю, чтоб он остановился именно здесь? **Изабель, студентка**, поднимает аналогичную проблему: «Мне повезло, что я могу сказать водителю, чтобы он остановился. А есть глухие, которым трудно сказать, на какой остановке им нужно выйти. В поликлинике тоже бывают проблемы. Бывают такие слова, которые глухой не может понять. И глухой не может объяснить свои проблемы. Доходило даже до смертельных случаев, когда пациент не получал требуемую помощь, когда врач не понимал, какие у глухого больного проблемы. Допустим, в очереди, когда карты есть, врач выходит и вызывает, а глухой не слышит и сидит себе. Надо просить слышащего, чтобы подсказал, когда назовут его фамилию. А врачи должны знать, что в очереди сидит глухой человек, чтобы подошли к нему и сказали ему о приеме. Надо, чтобы все знали, что существуют глухие, не смотрели на них как на изгоев. Надо писать в СМИ, что есть такие люди,

чтоб общество знало». **Людмила, председатель местного отделения ВОГ**, говорит, что «...в метро ее все устраивает, устраивает и в троллейбусе, в трамвае, в автобусе. А в поликлиниках — нет: никакого уважения. Одна нервотрепка! Третий раз подходишь, пытаешься что-то выяснить. Потом плюнешь и уходишь». **Наталья, инженер**, тоже говорит о проблемах в поликлинике: «Не могу туда ходить, там большие проблемы. Когда вхожу, сразу предупреждаю, что я не слышу. А врач сразу: “А как я с вами буду разговаривать?” Говорю: “Пишите на бумаге”. Они сразу начинают нервничать и также меня заводит, поэтому у нас диалога и не получается. Врачи всегда выказывают свое недовольство. Грубо разговаривают. Ну а я-то чем виновата? Поэтому не люблю ходить по врачам». **Павел, актер**, рассказывает: «Врачи не терпят переписки на бумажке, их всегда нервирует, если приходит глухой пациент. Могут даже отвернуться. В электричке нет табличек, как понять, какая станция? Мы же не слышим объявлений. Остановится она на этой станции или проедет мимо? Сплошные проблемы». О необходимости появления информационных табло в электричках говорит и **Раиса, уборщица**: «Я сижу в темноте и смотрю в окно — какая там станция? Спрашиваю, какую станцию проехали, потому что в электричке до сих пор нет информации об остановках. В автобусе еще можно узнать по улице, где выходить, в метро достаточно указателей, ну а электрички — это ужас. Желательно, чтобы были информационные табло в каждом вагоне электричек». **Алексей, актер**, рассказывает: «Когда я заболел, я пришел к врачу, она машет руками: “Пригласите переводчика”. Я отве-

чаю: «Я хорошо понимаю по губам, можно также переписываться по бумаге». Но нет — требуют переводчика, и все. Очень грубят. Есть врачи внимательные, а есть откровенные грубияны». **Ирина, социальный работник**, говорит, что сейчас стало лучше, в метро бегущая строка появилась. В ресторанах уже наловчились обслуживать глухих клиентов. В магазинах сейчас самообслуживание, совсем легко стало. А поликлиники — большая тема, врачи глухих принимать отказываются.

Глухие и слабослышащие упоминают и проблему взаимодействия с полицией. Например, **Татьяна, пенсионер**, говорит о том, что «...самая большая проблема — это, когда, например, тебя ограбили: нужно вызвать помощь, но не позвонишь. Это очень большая проблема. В отделении полиции нет сотрудников, которые знают жестовый язык. Полицейским надо учить жесты, чтобы они хоть как-то помогли. Особенно это относится к участковым. Как же без этого? Или хотя бы планшет давать, чтобы глухой мог напечатать». **Ольга, кассир**, говорит, что «...проблемы сейчас — это полиция и поликлиника. Например, глухие очень хорошо водят машины. А как разговаривать с полицейским, который остановит машину?». **Светлана, актриса**, рассуждает: «Мне кажется, власти что-то делают. Например, субтитры по телевидению появились. Сейчас жизнь глухих улучшается. В советское время было не так. Сейчас стало лучше. И средства связи появились, и субтитры. Но не всегда бывает комфортно. Например, в общественных местах глухим трудно — это касается общения с врачом, адвокатом,

юристом, полицией... Нужно, чтобы государство поучаствовало в обеспечении нас переводчиками жестового языка».

Перечисленные выше проблемы напрямую связаны с недостаточным количеством переводчиков жестового языка. О важности достаточного количества переводчиков и невозможности обойтись без них при решении различных бытовых проблем говорят подавляющее число глухих и слабослышащих.

Например, **Надежда, председатель местного отделения ВОГ**, рассуждает: *«Допустим, мы проводим экскурсии, лекции, медицинские лекции. Я обязана вызывать переводчика. Без переводчика как посетители получают информацию? Необходимо улучшить переводческий сервис. Это очень важно. Чтобы можно было к врачу сходить с переводчиком, а то врачам с глухими очень сложно общаться. Хорошо бы увеличить лимит часов на эти услуги. По ИПР⁴ выделяют только 40 часов в год, этого недостаточно. Важно, чтобы у переводчика была достойная зарплата. Без переводчиков очень плохо».* **Алла, пенсионер**, объясняет: *«Переводчик для нас — это наши уши. Когда училась в институте, пользовалась услугами переводчиков. Сейчас сижу на пенсии, особо их услугами не пользуюсь».* **Марина, педагог**, говорит, что *«...бывает, если очень нужно, то вызываю переводчика. Если в поликлинику надо пойти, то я обязательно иду с переводчиком. Или куда-нибудь еще, чтобы решить какие-то проблемы. А так в повседневной жизни стараюсь обходиться сама».* **Евгения,**

председатель местного отделения ВОГ, тоже говорит, что должно быть больше переводчиков, особенно в поликлинике, сейчас переводчиков очень мало. **Никита, студент**, говорит: «Без переводчика я, в принципе, могу обойтись. Я знаю, что государство помогает, оплачивая переводческие услуги. Хотел пригласить переводчика в институт, где я учусь, но оказалось — смысла мало: нам дают только 40 часов услуг, а мне в институте нужно больше в четыре-пять раз». **Галина, пенсионер**, рассказывает, что вызывает переводчика, например, в поликлинику, в управу — похлопотать, но не часто. **Светлана, актриса**, рассказывает, что во время развода вызывала переводчика: «Если мне нужно решить какие-то вопросы, я обращаюсь в ВОГ. И мне помогают. Тем более, у глухих теперь есть право на 40 часов переводческих услуг, которые они могут не оплачивать. Я заказываю в диспетчерской службе переводчика, и мне его предоставляют бесплатно. Естественно, это не каждый день, только по необходимости. Не по пустякам. Если я что-то не пойму, я могу написать на бумаге. Я же не могу вызывать каждый день в поликлинику переводчика! Зачем это? Я могу написать, и по губам я нормально понимаю. Пользуюсь услугой переводчика ВОГ, только если что-то очень сложное нужно обсудить, нужно долго разговаривать или получить консультацию. Например, в прошлом году мне нужен был переводчик по серьезному делу, и мне его предоставили — я с ним ходила к врачу». **Виктор, воспитатель в коррекционной школе**, говорит, что переводчик нужен: «Да, конечно: к нотариусу обратиться, в суд. Вопросы о недвижимости очень сложные, вы знаете,

столько писать невозможно — с переводчиком намного легче. Вот сейчас мы сидим, и вы со мной общаетесь через сурдопереводчика совершенно свободно и спокойно. Удобно, правда?»

Люди с нарушением слуха жалуются на качество подготовки переводчиков и опасаются того, что переводчик может их обмануть. Например, **Михаил, оператор погрузчика**, говорит, «когда я вызываю переводчика, может оказаться, что он переводит не-профессионально. Как переводчики получают диплом — непонятно. Конечно, в некоторых случаях я могу обойтись без переводчика, но меня обязывают. А бывает — переводчик отказывается приехать со мной к нотариусу, потому что ему там 30 минут сидеть невыгодно, оплата труда маленькая». **Андрей, студент**, считает, что «...с переводчиками легче, конечно. Потому что переводчику я все объясню, чтобы было понятно. Но это еще смотря какой переводчик». **Виктория, безработная**, говорит, что глухим тяжело общаться со слышащими: «Допустим, вопросы, касающиеся квартиры или еще каких-то жизненных проблем, — глухие не понимают. Поэтому нужен переводчик. Главное, чтобы он хорошо знал жестовый язык, на уровне глухих. А не как слабослышащий, который обычно знает только основы. Он должен знать жестовый язык идеально».

Некоторые обходятся без предоставляемого бесплатно за счет государства переводчика жестового языка, т. к. находят помощь у своих родственников или знакомых или рассчитывают на собственные силы. Например, **Андрей, безработный**,

рассказывает, что пытался заказать «бесплатного» переводчика, но у него не получилось: «Я предпочитаю обращаться за помощью к знакомым. Со знакомыми о переводе договориться проще, чем вызывать откуда-то переводчика. Я готов платить наличными. Но проблема вот в чем... Например, мне нужно пойти куда-то и там что-то оформить, с переводчиком оформление состоится, все будут довольны. Но как быть, если я прихожу в какую-то организацию, где мне говорят: "Извините, мы не можем вам по таким-то причинам сегодня оформить"? Я с переводчиком ухожу, и немного обидно: я же переводчику заплатил, он приехал, а организация не смогла в этот день что-то оформить. Какой смысл мне еще платить?!»

Александр, видеооператор, говорит: «У меня есть друг-переводчик, если надо куда-то зайти, например, за пенсией в банк, я его беру с собой». **Вера, уборщица**, отмечает, что у нее дочка слышащая, поэтому у нее проблем с переводчиками нет; если нужно решить какую-то проблему, она просит дочь позвонить куда надо или в чем-то помочь. **Сергей, инженер**, говорит: «К счастью, у меня высшее образование, я могу взять бумагу, ручку и общаться письменно без переводчика». **Виктор, пенсионер**, говорит, что пока особой надобности в переводчике не было. Жена переводит, привык к ней.

Эксперты также обсуждают как проблему наличия подготовленных сурдопереводчиков, так и необходимость расширения лимита на их услуги, оплачиваемые за счет государства. Например, эксперт **Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей**, объясняет, что сейчас есть

лимит — 40 часов в год: «Мне сейчас переводчик может переводить в год только 40 часов. Лично я редко пользуюсь услугами переводчика, потому что сильно выручает письменный русский язык. Но я считаю, что 40 часов — это очень мало. Тем глухим, которые хотят учиться в вузе, нужно гораздо больше. У моего мужа родной брат Володя слышит, и он хорошо знает жестовый язык, когда у нас возникают проблемы, я всегда пишу: “Володя, выручай, у нас такая проблема” — и наш Володя куда-то звонит и что-то говорит. Я пишу ему эсэмэску, разъясняю, что требуется, и даю телефон организации. Володя — наш родственник, он круглосуточно на связи и всегда помогает. Поэтому мы редко пользуемся услугами переводчика. Но, мне кажется, было бы правильно, если бы все глухие имели такого Володю. Должна быть какая-то служба, которая мгновенно реагирует. Вроде МЧС. Всегда должен быть телефон, куда можно написать эсэмэску, чтобы они реагировали и помогли. Для студентов вузов должно быть сделано исключение, для тех наиболее мотивированных, целеустремленных студентов, которые учатся в одиночку со слышащими, не со спецгруппой, для них должно быть какое-то исключение — для них нужно выделять переводчиков сверх лимита, на любое время — сколько потребуется. Хотя это очень затратно — на одного глухого выдавать одного переводчика». Эксперт **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, тоже говорит о том, что нужны переводчики, их катастрофически не хватает: «Поэтому, чтобы, например, ходить, опять же, по врачам, глухому нужен переводчик

жестового языка, либо должны быть достаточно информированные медицинские работники, которые будут писать глухому. Но если глухой придет в поликлинику, где у нас пациенту выделено всего 12 минут, врач не будет сидеть и расписывать все глухому — это огромная проблема». **Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ**, говорит о том, что проблема в том, что система несколько громоздкая: «Ты заказываешь, заполняешь бумаги, иногда идешь куда-то... Глухие, которые имеют немного лишних денег, вообще не хотят заморачиваться. Приходят и просят кого-то: давай я тебе заплачу, а ты мне переведешь. Или обращаются за помощью к своим родственникам». **Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих**, говорит: «Россия — огромная страна, а переводчиков очень мало. В советское время норма была такая: 25–50 глухих — один переводчик. А сейчас на иную область приходится всего два переводчика. Налицо острый дефицит переводчиков. Организуются какие-нибудь месячные курсы подготовки переводчиков, этого мало, нужно, чтобы переводчик имел высшее образование, этих специалистов нужно готовить в вузах».

Глухие отмечают, что в некоторые организации им запрещают вызывать переводчиков. Например, **Ольга, технолог**, говорит, что, когда ее забирали в больницу, у нее не было возможности вызвать переводчика: «Дочка помогала. А если бы не дочка, то как я бы общалась с врачами? Как сказать врачу, что у меня болит? Дочка была рядом. Был случай такой, дочка не было рядом, но пришел

зять. Как-то помог. А переводчика в больницу вызвать почему-то нельзя было».

В других случаях люди с нарушениями слуха говорят, что могли бы обойтись без переводчиков, однако от них этого требуют различные организации. Например, **Наталья, преподаватель**, отмечает: *«...до недавнего времени нотариальные конторы требовали прийти с переводчиком, чтобы в его присутствии заверять все доверенности, завещания. Хожу всегда в одну и ту же нотариальную контору, с переводчиком. Но однажды так случилось, что переводчика на данный момент не было, и мы с дочкой рискнули прийти без него. Но нам сказали — нет. Не можем вас принять без переводчика. Мы говорили, что мы обе с высшим образованием, что мы достаточно грамотные и можем понимать, что написано. Удалось убедить, и теперь нас принимают уже без переводчика».*

Многие из глухих и слабослышащих говорят о проблемах с безопасностью на дороге. Например, **Андрей, преподаватель**, рассказывает, что *«...все время бывает такая ситуация: глухой человек делает шаг, и тут резко пролетает мимо на бешеной скорости мотоциклист или автомобилист. Некоторые из моих знакомых таким образом пострадали серьезно».* **Алексей, безработный**, говорит, что *«...есть улицы, которые не оборудованы светофорами. На таких зебрах бывали случаи, что меня задевали или толкали машины. Несильно, но неприятно. Когда я выхожу на улицу, есть постоянная необходимость смотреть по сторонам».* **Людмила, председатель местного отделения**

ВОГ, рассказывает, что «...привыкла и стараюсь быть максимально осторожной, стараюсь соблюдать правила дорожного движения. Совсем недавно приключилась со мной история... Мы с подругой переходили дорогу, и одна машина притормозила, пропуская нас, а другая стала на скорости объезжать первый автомобиль, я успела остановиться, а подругу сбило. Именно поэтому просто необходимо везде, где нужно, писать предупреждения для автомобилистов о глухих пешеходах. Есть водители, которые подают звуковой сигнал при виде глухого, не замечая, что те разговаривают руками и не слышат их».

Елена, говорит о том, что на улице небезопасно, в основном из-за машин страшно: «Стараюсь смотреть во все стороны. Сейчас так много лихачей на дорогах. Очень страшно из-за этого».

Татьяна, пенсионер, тоже отмечает, что на дороге опасно: «Нужно все время оглядываться, по сторонам смотреть. Очень опасно, потому что мы не слышим. Есть еще проблема со скорой помощью. Человеку на улице стало плохо. Люди ему говорят — он не слышит. Это серьезная проблема. Врач начинает что-то говорить, а он лежит не земле и ничего не понимает — он же глухой, а врач что-то тараторит. А ему же плохо». **Раиса, уборщица**, рассказывает: «Стараюсь смотреть во все стороны... иногда бывает, что наезжают. Обычно пропускают на пешеходном переходе, но бывает, водитель рукой показывает — проходи, а сам наезжает... поэтому пешеходный переход я стараюсь просто перебежать. Не пройти спо-

койно, а именно перебежать». **Михаил, главный редактор газеты**, о проблемах с безопасностью на дороге говорит: «Адаптировался, я не скажу, что мне приятно, но я приспособился». **Никита, тренер**, говорит, что дорожные ситуации его не пугают: «Надо смотреть. Когда переходишь дорогу, этому еще в детском саду учили, нужно смотреть по сторонам, не на телефон, например. Просто нужно смотреть, если есть ощущение малейшей опасности, то обязательно нужно по сторонам посмотреть». **Роман, безработный**, отмечает, что у глухих развито периферийное зрение, благодаря чему они замечают больше деталей окружения, чем нормально слышащие, и говорит: «У меня очень развито внимание. Я хорошо воспринимаю все окружение, чуть ли не на 360 градусов. Я не вижу, что сзади происходит, но я могу приблизительно оценить ситуацию по тому, как себя ведут люди. Слышащий не обратит внимания, если кто-то будет махать руками. А мы обязательно обратим. Это у нас рефлекторное. Мы реагируем четко на любое движение». **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, тоже говорит о том, что у глухих очень развито периферическое зрение, поэтому, если говорить о глухих водителях, глухой водитель может вести машину, посылать СМС и говорить на жестовом языке с пассажиром одновременно.

Люди с нарушением слуха поднимают вопрос и о поведении в случае чрезвычайных ситуаций. Например, **Людмила, художественный руководитель**, говорит, что «...такие ситуации —

страшный момент. Потому что по телевидению никакой информации нет, я смотрю передачу, а там нет субтитров, информация до меня не доходит. Если бы был сурдопереводчик или те же титры, тогда было бы нормально, а так страшно — вдруг война, вдруг теракт... Нужно чтобы в экстренных случаях на экране появлялся сурдопереводчик, который мог бы пояснить ситуацию на данный момент, или пошли поясняющие титры, какое-то срочное сообщение, чтобы можно было понять, что произошло что-то экстраординарное». **Марина, домохозяйка**, рассказывает, что одна ее знакомая живет в Израиле. У них есть специальные планшеты, на которые приходят сообщения. Они через них получают указания, куда бежать, в какое бомбоубежище. А у нас нет ничего подобного.

О бытовых проблемах глухих и слабослышащих говорят и эксперты. Например, **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, отмечает: *сейчас ситуация лучше. Есть информационные табло в метро, в автобусах, трамваях, троллейбусах, есть диспетчерская служба (переводчики)*. Эксперт **Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ**, говорит, что, «...в принципе, бытовые проблемы не очень острые. Сейчас появилась в транспорте бегущая строка, в метро везде схемы, наглядные указатели. Это облегчает жизнь». **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**, говорит о проблеме с электричками: «Если ты едешь ночью в электричке в Московскую область, темно, тут на-

стоящая проблема. Тебе надо стоять в тамбуре и ловить названия станций, потому что темно, станция не освещена. Либо просто считаешь остановки, либо смотришь, если едешь по незнакомому маршруту. Поэтому эти табло в вагонах имеют важное значение в плане обеспечения доступности».

Дмитрий Ребров, начальник международного отдела ВОГ, член Совета Всемирной федерации глухих, говорит: *«У глухих одна основная проблема — это доступ к информации, проблема номер один. Если в музее есть вывески, то глухой подходит, сам все прочитает, и ему достаточно. Глухие обычно хорошо ориентируются в городе, даже лучше слышащих ориентируются. Хорошо запоминают дорогу. У слышащих развита слуховая память, а у нас — визуальная память, она помогает ориентироваться и за рубежом. Сложности возникают, когда нет бегущей строки, объявления остановки, информации о задержке или переносе рейса, в аэропорту обычно стоим рядом с табло, чтобы ничего не пропустить».*

Значительное количество людей с нарушениями слуха поднимают вопрос размера пенсии по инвалидности. В большинстве своем они не удовлетворены тем, что при выходе на пенсию по возрасту лишаются пенсии по инвалидности. Неудивительно, что большая часть опрошенных высказывала пожелания о том, чтобы пенсия была повышена.

Например, **Ольга, уборщица,** говорит, что *если не подрабатывать, то денег не хватает*

на жизнь: «Получается, живешь от пенсии до пенсии, о каких-либо приобретениях и речи нет. Хорошо, когда вдвоем живут, а одному невозможно выжить». **Марина, специалист по управлению финансами**, говорит о том, что *технические средства стоят очень дорого. Тот же слуховой аппарат стоит 50 тысяч и выше: «Государство дает нам эти технические средства реабилитации раз в несколько лет. Аппараты ломаются. Покупать их на свои деньги очень дорого».* **Михаил, актер**, говорит о том, что хочет, чтобы ему оставили пенсию по инвалидности и к ней уже добавляли пенсию по возрасту: «Получается, что сперва мы инвалиды, а потом, по достижении пенсионного возраста, нас приравнивают к здоровым людям».

Наталья, инженер, рассказывает, что *вначале пенсию по инвалидности получала. Но пенсия по старости больше. Когда пришло время, перешла на пенсию по старости: «Сейчас получаю пенсию по старости. Конечно, она должна быть больше. Знакомый по инвалидности получает так же, как и по старости. Слышащие получают столько же, как и я, инвалид. Но ведь им-то, слышащим, комфортнее жить».* **Светлана, актриса**, отмечает, что *в Москве ситуация лучше, а по России пенсии не хватает: «Много жалоб я слышу от глухих. В Москве еще более-менее. А в регионах добавки к пенсии нет».* **Елена, воспитатель коррекционной школы**, говорит: «Я очень благодарна государству за эту пенсию, я еще работаю, и у меня бесплатный проезд. За это государству огромное спасибо».

Изабель, студентка, говорит о том, что является инвалидом с детства и получает пенсию. Денег достаточно. Эксперт **Любовь Корвя-**

кова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО, говорит, что, кроме пенсии, у нее, например, есть надбавки. Очень многие глухие бесплатно получают по индивидуальной программе реабилитации (ИПР) телевизоры, телефоны и прочее. **Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ**, говорит о том, что «...у нас глухие часто задаются вопросом — ну, я человек с нарушением слуха, получаю пенсию по инвалидности, я еще и работаю. Почему в определенный момент меня лишают пенсии по инвалидности? Почему нельзя в старости получать две пенсии — трудовую пенсию, которую я заработал трудом, честно платя подоходный, и пенсию по инвалидности? Почему мне выплачивают только одну пенсию? К сожалению, законодательством иное не предусмотрено. Исключение — инвалиды войны. Две пенсии они получают — трудовую и свою, как инвалид войны».

Анна Комарова, директор Образовательного центра глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой, говорит, что «...если я скажу, что пенсия нормальная, то меня все глухие убьют, потому что если ты не работаешь, на это прожить невозможно. Но если ты работаешь и получаешь эту пенсию, то ничего. Я, например, знаю глухую семью, где четверо глухих детей, все получают пенсию по инвалидности — и папа, и мама тоже — на жизнь хватает. Дети все в спецшколах пять дней, они бесплатно учатся, и их бесплатно кормят». **Максим, видеооператор**, говоря о пенсии, говорит, что хорошо, что она есть вообще.

Как улучшить жизнь глухих и слабослышащих — бытовые проблемы

Как сами глухие и слабослышащие, так и эксперты детально формулируют, каким именно образом можно решать их проблемы.

Одной из наиболее распространенных проблем является недостаточность информации на табло, экранах, указателях, вывесках. Несмотря на то что глухие отмечают значительное улучшение ситуации в московском транспорте, они критикуют электрички, маршрутные такси и др. Кроме того, люди с нарушениями слуха говорят, что таким же способом необходимо дублировать всю звуковую информацию. Важнейшим вопросом является наличие переводчиков жестового языка (сурдопереводчиков) в медицинских учреждениях, полиции, жилищно-эксплуатационных конторах, нотариатах, банках и т. д.

Приведем конкретные рекомендации того, как улучшить жизнь глухих и слабослышащих. Например, **Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ**, объясняет, почему для глухих важна навигация: *«Я не могу сдвинуться с места, не знаю, куда мне надо идти. Просить я не могу, поскольку не слышу, ответа не услышу, и мой вопрос, может, люди не поймут, и потом, не все знают, куда идти. Поэтому указатели, вывески, названия улиц должны быть доступны. Они должны в доступной форме отображать, где и что находится. На остановках транспорта надо размещать карты кварталов, чтобы понять, куда тебе надо пройти, чтобы можно было бы увидеть располо-*

жение пронумерованных домов. Госпрограмма «Доступная среда» предусматривает это. Мы хотим, чтобы это повсеместно получило распространение. В этом плане Москва — более-менее продвинутый город, в других городах хуже. Где и когда выходить из автобуса? А если темное время суток? Если ты приехал в незнакомый город? Спросить некого, водителя не спросишь. Поэтому и надо, чтоб в транспорте остановки все высвечивались на табло, чтобы сами остановки были с обозначением, схема была, чтобы я мог выйти на нужной остановке и знал, в какую сторону мне идти». **Светлана, актриса**, говорит о том, что ситуация в регионах существенно хуже, чем в Москве. Она считает, что важной составляющей комфортной жизни глухих является визуальная информация: «В Москве она есть, а в регионах — нет. Когда я езжу к отцу во Владимир, то там нет текстовой информации о том, какая станция. Они по радио только объявляют. Одной на вокзале быть сложно, особенно в другом городе. Это я привела простой пример. Многие слышащие получают информацию, а мы ее лишены. Одно дело — мы читаем, но другое дело — это устная речь, она везде и всюду. Информации нам не хватает». **Никита, тренер**, предлагает на автобусных остановках вывесить полный список остановок, такой раньше был, но его убрали: «Бывает, я у водителя спрашиваю, а он спешит и не отвечает. Это неудобно, нужно табло со списком всех остановок. А сейчас поставили табло с указанием времени приезда — это хорошо, но списка не хватает. Потому что пишут только номера автобусов и пару остановок, а нужно все писать. В кино субтитры нужны, а то приходится

ехать далеко в “избранные” кинотеатры, где есть фильмы с субтитрами».

Галина, уборщица, считает, что ситуация в области дублирования информации стала существенно лучше. Она говорит: *«Например, появились технически оснащенные музеи, там стараются расставить информационные терминалы, пустить субтитры, переводят, объясняют о каждом экспонате — это хорошо, да. В театре тоже появились кое-где специальные планшеты для глухих, по ним можно считывать диалоги актеров. В метро тоже есть информационные табло. Самое ценное — это информация. Ее в целом стало больше».* **Павел, актер**, считает необходимым расширение практики использования бегущей строки в метро, *«чтобы информация была в метро, названия остановок там, это облегчает жизнь».*

О необходимости дублировать информацию в музеях говорит и эксперт **Надежда Чаушьян, председатель Московского объединения глухих учителей**: *«Когда я посетила выставку педагогической литературы и пособий, там продавались всевозможные учебные диски. Я спрашиваю: “Диски с субтитрами есть”? Продавец-распространитель смотрит на меня квадратными глазами: “А зачем вам?”, “У меня дети не слышат, как они будут понимать материал?” “Ах, да... Не подумали...” Везде так».*

Виктор Паленный, главный редактор журнала ВОГ, отмечает, что в музеях важно иметь видеогиды: *«Слышащие в наушниках ходят. А глу-*

хия могут нажать (кликнуть) на видеогиде, допустим, на “2” — это будет второй зал. На мониторе ведущая на жестовом языке рассказывает — посмотри налево, это работа Врубеля, “Демон поверженный” называется, и так далее. Мы надеемся, что скоро это станет доступно нам. Но если этот вариант удобен для глухих носителей жестового языка, то для тех, кто читает без проблем, желательны тексты». **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, тоже говорит о том, что необходимо обеспечить глухих всеми визуальными способами информации: «Например, во многих театрах мира в определенные дни спектакль идет с переводчиком жестового языка, и глухие знают, что раз в месяц можно пойти на этот спектакль. Если говорить о музеях, нужны гиды на жестовом языке, у нас этого нет».

О необходимости провести системную работу по насыщению пространства визуальной информацией говорит и **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ**. Он считает, что надо научить все государственные службы, начиная с таможни на границе и заканчивая больницей, чтобы все знали, что существует такая категория людей, как глухие с их жестовым языком. Пример: вчера прилетел эстонец, который немного знает русский язык, но родился уже в независимой Эстонии. На таможне он пытался показать жестами, что он глухой, что он не понимает, как заполнить эту декларацию. Ему в грубой форме ответили: «Что ты к нам пришел, чего ты хочешь?»

Как и многие другие, **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, говорит о необходимости дублирования звуковой информации. Она приводит в пример следующий случай: *«Двое моих глухих коллег летят в Волгоград. Волгоград не принимает, садится самолет в Ростове, все выходят, а они только в Ростове понимают, что сели не в Волгограде. Все пассажиры заранее между собой договорились, что берут такси. Они тоже взяли машину, только взяли ее на двоих, а другие брали такси на четверых, что было им дешевле. Но это случай благополучный, а я знаю много случаев печальных, когда один из руководителей Общества глухих прилетел и сел не в Хабаровске, а в Новосибирске (из-за непогоды) и не знал об этом, потому что не было никакой информации! Или то же самое на вокзале — поезд отходит не со второй платформы, а с восьмой. Отсутствует зрительная информация, потому что думают, что если сообщили по рупору, то все поняли. Таких очень много случаев. Раньше была проблема в троллейбусах, трамваях, когда они едут с замерзшими окнами зимой — ты не видишь, где ты едешь и куда ты выходишь. Сейчас появляется бегущая строка, следующая остановка такая-то, это замечательно. А так приходилось просчитывать количество остановок (хорошо еще, если выходить на пятой или на шестой, а как быть, если их 18?)».*

Максим, видеооператор, тоже говорит, что необходимо больше информации размещать, указателей: *«Например, дикторы на вокзалах говорят: "Поезд задерживается, отправление тог-*

да-то», а мы идем и слышим голос, но ничего не различаем. Стоим, ждем, а поезда все нет. А люди идут на другую платформу. Мы интуитивно понимаем, что что-то происходит, и начинаем суетиться. Это неправильно! Должно быть табло, на которое выводилась бы эта информация. Еще в поликлинику мы зайдем, врач выходит, что-то говорит, все бегом записывают, бумаги и карты дают, а я не понимаю, что происходит. Они там о чем-то договорились, в очередь выстроились, а я — последний... такое часто бывает». **Раиса, кассир**, отмечает, что надо обязательно, чтобы информационные табло были. Чтобы у глухого был планшет и можно было бы на планшете (ноутбуке) написать и спросить что-то у слышащих. **Надежда** говорит о необходимости наличия бегущей строки — как на транспорте, так и в собесе. И в медучреждениях нужна бегущая строка.

Эксперт **Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, говорит о том, что дублирование информации можно проводить и с помощью планшетов. Она на примере объясняет, что в музеях можно выдавать планшеты с информацией: «Вчера я была в Третьяковской галерее и переводила группу в 40 человек. А если бы у них были специальные планшеты, то человек мог бы подойти к картине, а потом почитать в планшете про нее. В эти планшеты закладываются маршруты обхода залов».

Александр Иванов, начальник отдела реабилитации ВОГ, рассказывает о том, что сейчас разрабатываются стандарты, по которым

все здания и общественные места должны быть доступными любой категории инвалидов — слепым, глухим, колясочникам. И там предусмотрены меры информационные, куда идти, как идти — всякие обозначения. Для плоховидящих это дается крупным шрифтом. Если ты чего-то не знаешь, то подходишь к терминалу, ищешь, например, нужный кабинет, набрал на компьютере все. Это должно быть обязательно, электронные очереди очень помогают. Они уже есть не только в банках, в различных многофункциональных центрах сейчас появились такие электронные очереди, нажал, оторвал талончик. Удобно! Потому что глухому занять очередь — это проблема, нужно спрашивать, кто за кем стоит, переключку не услышит никогда.

Важнейшей проблемой, которую упоминает большинство опрошенных, является проблема наличия переводчиков. Эксперт **Анна Комарова, директор Центра образования глухих и жестового языка им. Г. Л. Зайцевой**, тоже говорит о том, что переводчиков катастрофически не хватает. *«Поэтому, чтобы, например, ходить по врачам, глухому нужен переводчик жестового языка, либо должны быть достаточно информированные медицинские работники, которые будут писать глухому. Но в поликлиниках у нас пациенту выделено 12 минут, вряд ли врач будет сидеть и расписывать все глухому — это огромная проблема».*

Ираида, швея, говорит, что нужно, чтобы переводчиков было больше: *«Пенсия побольше нужна. Главное, чтобы пенсию по инвалидности не отнимали, а оставили вместе с пенсией по старости.*

Мы не виноваты, что не можем найти высокооплачиваемую работу. Зарплаты маленькие, и потом пенсии по старости тоже. Главное, чтобы пенсию по инвалидности оставили. Все подорожало. Пенсию немного подняли, а продукты сильнее подорожали. Очень мы беспокоимся, как в 2015 году, какая пенсия будет». **Валерий, журналист**, говорит о том, что проблема с переводчиками «возникла потому, что с Советским Союзом ушла система, когда на каждом предприятии при группе глухих был переводчик. Это ушло, а теперь где взять переводчиков?! Кто пойдет работать переводчиком? Это неблагодарный труд, малооплачиваемый в Америке переводчик поработает 20 минут, затем берет паузу, у меня друг переводчик, его нанимают на два-три часа подряд — переводит без перерыва. А кто согласится на такую работу за копейки? Это проблема». **Никита, студент**, говорит, что «...хорошо бы, чтобы хотя бы один переводчик в поликлинике был постоянно. Или такой экран, чтобы я говорил, а электронный переводчик бы выводил текст на экран. А то врачи отказываются писать. Этого пока нет, но, возможно, к этому придем. И это было бы здорово. Я хочу сам ходить в поликлинику, без переводчика, могу сам в очереди посидеть. Но пока заказываем переводчиков в центре переводческих услуг». **Дмитрий**, считает, что нужен «...полный контакт с полицией, чиновниками, врачами, чтобы они знали, что есть глухие, чтобы были переводчики. Чтобы я пришел за помощью и был уверен, что можно нормально поговорить, что ко мне отнесутся уважительно. И хорошо бы, чтобы в полиции, поликлинике сотрудники знали основы жестового языка. Хотя

бы самые элементарные жесты — на какой бок повернуться, какие таблетки принимать. Если не могут, то пусть на бумажке пишут».

Екатерина, кассир, говорит о том, что «...субтитров должно быть больше, чтобы на всех станциях, в поликлиниках было хотя бы по одному переводчику. А то трудно с врачом поговорить». **Татьяна, уборщица**, тоже говорит, что надо, чтобы каждому был дан переводчик, чтобы везде были переводчики: «Важно, чтобы в поликлинике постоянно находился переводчик, и на вокзале, и в аэропорту. Было бы проще тогда жить». **Людмила**, говорит, что нужно, чтобы в полиции были переводчики, и у врачей тоже. Самые важные места — поликлиника, полиция, райсобес, пенсионный фонд, пусть там держат переводчиков, чтобы больше внимания глухим уделяли, можно было общаться, а то так трудно. **Ольга, технолог**, также говорит, что должно быть больше переводчиков: «Хорошо еще было бы, если были свои клубы. А то есть только один на всю Москву — Дом культуры. Я жалею, что в школах началось слияние глухих и слабослышащих. Учат их ведь по-разному. У меня внуки будут глухие или слабослышащие. В какую школу их отправивать? Хотелось бы, чтобы они учились так, как я раньше. А сейчас обучение не на том уровне. Меня это беспокоит. Молодому поколению должно быть комфортно в учебе». **Ольга, кассир**, тоже говорит, что надо увеличивать количество переводчиков, зарплату им увеличить, это ведь очень сложная работа: «Их глухие вызывают в полицию, в больницу, заранее, за три дня, вызвать надо. А если мне нужно сейчас пойти, то как переводчика вызвать?»

Я сама могу пойти в поликлинику, но врач ничего не понимает. Нужно, чтобы везде были переводчики: у врача, в полиции. Или, по крайней мере, врачи и полицейские должны знать хотя бы основы жестового языка. Нужно организовать культурные центры, чтобы туда могли все приходиться и встречаться просто так».

О важности обучения глухих и слабослышащих правилам безопасного поведения говорит **Людмила Жадан, домохозяйка, мать троих детей**. Она рассказывает: *«Когда мои дети учились в школе, у них был такой предмет — социально-бытовая ориентировка, и я очень рада, что такой предмет у них был. Но потом я начала приглядываться, чему там их учат в школе на этом предмете. Смотрю: вызов пожарной машины, поведение в лифте, поведение на улице, я читала дома записи, которые дети переписывали с доски, и я почувствовала, что этот предмет плохо адаптирован к нуждам глухих. Пошла к директору школы и сказала, что предмет практически не адаптирован. Учебники, по которым учат наших детей, все говорят, что нужно залезть под стол и ждать звукового сигнала. А наши дети не могут это делать, потому что они не слышат звукового сигнала. Нужно, чтобы учителя говорили о том, что глухим надо действовать немного не так, как написано в учебниках. Не знаю, насколько директор меня поняла. К сожалению, сейчас нет методических разработок.*

Возьмем безопасность в метро, например. Глухому человеку не нужно стоять рядом с дверями, потому что, когда стоишь лицом к дверям, сзади часто

люди спрашивают: «Вы выходите?» А глухой не слышит. И часто люди злятся, что человек стоит и не отвечает — начинают толкать. А глухой в шоке, что его вдруг начинают толкать. Поэтому мне кажется, об этом тоже нужно говорить в школах. На тех же самых уроках “Основы безопасности жизнедеятельности”. Нужно еще приучать детей с детства выходить на улицу с блокнотом и с ручкой. Вообще, это должно быть на уровне рефлекса. Потому что может возникнуть такая ситуация, когда нужно с кем-то пообщаться. Большинство глухих не научены этому. Часто надо поговорить, а блокнота нет, нет этого навыка со школы. Нужно, чтобы школа этим занималась».

Постоянным пожеланием людей с нарушением слуха является наличие хотя бы небольшого количества людей, знающих жестовый язык. Например, **Дмитрий** говорит о том, что нужно, чтобы врачи хотя бы немного знали жестовый язык, в полиции тоже. Либо нужно начать учить жестовому языку сотрудников в этих организациях, либо увеличить количество переводчиков. **Алексей, безработный**, говорит о том, что представители всех профессий, которые имеют частые контакты с неслышащими людьми, должны владеть жестовым языком. Это касается врачей, полицейских. **Галина, библиотекарь**, рассказывает, что однажды ее пригласили на совещание по поводу отношения врачей к глухому человеку: «Они сами были в шоке, когда я им рассказала о проблемах отношения врача к глухому. Врачу надо знать элементарные жесты типа: “Добрый день”, “Что болит?”, “Я вам выпишу лекарство”. Пожалуйста, говорите

с четкой артикуляцией, а не сквозь зубы. Почему у вас такого нет? Они пообещали, что на последнем курсе с будущего года будут вести занятия по жестовому языку с врачами. Лучше, если это основные специальности — терапевт, хирург, окулист, лор. И то хорошо, если хоть это. Они сказали — посмотрим, что там получится. Было бы желание у врача. Если он хочет быть врачом, он должен любить не только обычного больного, но и того, кто имеет недостатки слуха, речи, даже слепоглухих». Ольга говорит, что нужно, чтобы больше людей понимали жестовый язык. Это большая проблема. Хорошо, если глухой грамотный, а если нет? «Чем больше мы общаемся со слышащими, тем легче нам адаптироваться к окружению. Тогда и слышащие с большим пониманием относятся к нам. Нужно доводить до их сведения информацию о жизни таких людей, как я».

Просвещение и информирование общества о глухих и слабослышащих

Одной из серьезнейших, если не самой серьезной проблемой, люди с нарушениями слуха считают предрассудки и негативное отношение к себе со стороны общества. Этот вопрос подробно обсуждался выше в разделах о дошкольном и школьном детстве, об обучении в вузе и профессиональной деятельности глухих и слабослышащих. Около 60% опрошенных глухих и слабослышащих Москвы сказали о том, что общество их не понимает, часто относится с подозрением и неприязнью. Они говорят, что таких случаев

много. Например, **Виктор, программист**, приводит следующий пример: «Прихожу в супермаркет с женой. Машу руками, а там уже охранник по рации: “Глухой, они все воры”. И начинает ходить хвостом. Скорее всего, действительно есть глухие воры. Один глухой своровал, и вот теперь ко всем нам такое отношение».

Глухие и слабослышащие считают, что для преодоления этих предрассудков необходимо информирование общества об их жизни и способах коммуникации с ними. Например, **Никита, тренер**, прямо говорит: «Нужно разъяснить, что глухие тоже люди. Мы не плохие, не наркоманы, не воры, и было бы замечательно, если бы общество убрало все эти стереотипы. Это было бы очень серьезной победой. Но так получается, что если какой-то глухой промышляет незаконной торговлей, то люди сразу думают, что все глухие такие. Одного такого увидят и сразу обобщают. А к слепым лучше относятся». **Эксперт Любовь Корвякова, сотрудник Института коррекционной педагогики РАО**, говорит, что нормальное отношение общества должно быть в порядке вещей: «Нужно не дистанцировать себя, а принять другого таким, какой он есть, не пытаться его переделать, понять, что он нуждается в общении, не только в форме записок, но и в живом. Многие, кто общается с глухими, говорят: ну и что, что он глухой, он хуже, что ли? Дружат с ними». По мнению **Андрея, продавца**, государство должно заниматься просветительской деятельностью, например, учить нормально слышащих людей общаться с глухими. Этим должно заниматься

Всероссийское общество глухих. Михаил, оператор погрузчика, говорит о том, что унижение глухого человека в нашей стране является повсеместным и практически безнаказанным. Илона, упаковщица, говорит, что «...нужно объяснять слышащим людям, что нам нужно. Нужно, чтобы государство объясняло, что глухие — это не больные, а нормальные люди, просто не слышат. Есть смысл организовывать курсы жестового языка». Алла, воспитатель коррекционной школы, считает, что у слышащих нет информации о глухих: «СМИ, журналы, телевидение — им нужно говорить о наших особенностях, давать уроки вежливости». Виолетта, учитель математики, говорит, что многие люди плохо относятся к глухим людям, но это зависит от воспитания. Нужно, чтобы государство обязало родителей глухих детей учить жестовый язык и дактилологию. Ольга, главный бухгалтер, тоже считает, что надо бы почаще поднимать проблемы глухих в СМИ, на телевидении. Людмила, председатель местного отделения ВОГ, отмечает, что главная проблема — это коммуникация: «Люди без нарушений слуха не знают, каким образом можно общаться с нами. Этот вопрос необходимо каким-то образом решить».

Многие из людей с нарушениями слуха готовы участвовать сами в такого рода просветительской работе. Например, Павел, актер, говорит о том, что «...хочет снять полнометражный кинофильм о нормальной жизни глухих, потому что многие слышащие снимают фильмы с участием глухих, но там они выставлены в невыгодном свете, искаженно изображена ситуация с глухими в России.

*И я надеюсь, что мой фильм поможет изменить мнение общества о глухих. Я хотел бы просто... доброго отношения к глухим, к нам». **Ольга, пенсионер,** говорит: «Мой сын специально поступил учиться на юриста, чтобы в будущем помогать людям с проблемами слуха, так как их проблемы ему близки». **Максим Ларионов, юрист, начальник отдела социальных программ и проектов ВОГ,** считает, было бы замечательно, если бы общество выбросило бы из сознания все эти стереотипы. Это было бы очень серьезной победой государства. Если государственные программы будут направлены на изменение отношения общества в целом, то это станет очень хорошим заделом на будущее.*

Заключение

Как мог убедиться читатель, жизнь глухих и слабослышащих в обществе слышащих часто насыщена тяжелыми и неблагоприятными ситуациями.

В том случае, если родители глухого ребенка сами не имеют проблем со слухом, такая ситуация может породить целый ряд проблем. Важно, чтобы эта проблема была обнаружена как можно раньше. Многие из родителей не могут смириться с фактом глухоты своего ребенка и только теряют время на походы по врачам вместо того, чтобы начать заниматься с глухим ребенком. На этом этапе большую роль играет просвещение — необходимо, чтобы родители узнавали о том, что делать в этом случае, были готовы сами осваивать жестовую речь. По мнению большинства людей с нарушениями слуха, благодаря знанию жестового языка родителями и пониманию жестов маленьким ребенком происходит самое главное — общение ребенка с родителем, его первые попытки познать окружающий мир.

Вспоминая свое дошкольное детство, большинство глухих рассказывает о проблемах в общении со слышащими сверстниками. Многие из глухих и слабослышащих вспоминают пренебреже-

ние, унижения, грубость со стороны взрослых. Нередко последние пытались ограничить общение своих слышащих детей с глухими сверстниками. Уже в этом возрасте у многих из детей с нарушениями слуха стало проявляться стремление к общению только со своими — с ровесниками, имеющими аналогичные нарушения слуха, появились свои стереотипы о том, что от полноценно слышащих людей «ничего хорошего не жди». При этом полностью отказались от общения со слышащими около трети из них.

Люди с нарушениями слуха считают важным посещение специального или коррекционного детского сада. Большинство глухих также говорят о необходимости знания жестового языка для воспитателей и учителей. По их мнению, идеальный случай при этом — когда они сами являются глухими. Более 80% опрошенных глухих и слабослышащих Москвы обучались в специализированных, коррекционных школьных учреждениях. Большинство лиц этой категории, обучавшихся в обычных, массовых, школах, вспоминают о значительных сложностях в процессе обучения. Многим из них приходилось переходить в специальные школы. Люди с нарушением слуха говорят о том, что необходимо использовать жестовый язык в школьном образовании одновременно с развитием письменной речи и навыков разговора голосом. Проблемы в общении глухих и слабослышащих и людей с нормальным слухом, возникшие в дошкольном возрасте, приобретают большую остроту в школьные годы.

Следующий этап — обучение в среднем профессиональном и высшем учебном заведении —

для глухих и слабослышащих прежде всего связан с ограниченностью выбора специальности. Большинство отмечают, что перечень профессий, по которым ведется обучение в колледжах и вузах, увеличился по сравнению с советскими временами. На сегодня в Москве существует несколько вузов, предоставляющих особые условия для обучения глухого человека (среди них МГТУ им. Баумана, МПГУ, МГАФК, РГСУ, РГСАИ и др.). При этом их количество остается недостаточным. Люди с нарушениями слуха рассказывали, что сталкиваются со случаями отказа в принятии в высшее учебное заведение или на конкретный факультет. По их мнению, список учебных заведений и факультетов, доступ к которым человеку с нарушением слуха закрыт, несмотря на то что их глухота не является препятствием для обучения и работы в этой сфере, слишком велик. Они отмечают важность наличия переводчика жестового языка в приемной комиссии. Вспоминая этот период своей жизни, многие глухие и слабослышащие говорят о том, как преподавателям было свойственно предубеждение по отношению к ним. При этом значительно улучшало процесс обучения наличие переводчика — человека, который переводит речь на жестовый язык и дактиль. Важно и достаточное количество переводчиков, и их присутствие во время сдачи экзамена. Многие люди с нарушениями слуха также отмечают, что в условиях современного развития технологий преподаватели без труда могут сделать процесс обучения для них проще — достаточно предоставлять тексты их выступлений в электронной форме, а во время лекций и занятий вы-

водить тексты на экран, широко использовать презентацию и т. д.

По мнению людей с нарушениями слуха, наиболее серьезной проблемой для них является трудоустройство. Например, глухие приводят в качестве примера то, что, согласно недавним изменениям в нормативах, человеку с недостатком слуха не разрешается работать на заводе, где присутствует сложное оборудование, несмотря на то что ранее такие ограничения не выдвигались. В частности, Минздрав пытался запретить глухим работать по станочным специальностям, и только вмешательство специалистов Всероссийского общества глухих отвело эту угрозу. Подавляющее большинство глухих и слабослышащих сталкивалось с отказом в трудоустройстве после того, как потенциальный работодатель узнавал об их проблеме со слухом. Более 35% опрошенных заявили о том, что они лично сталкивались с проблемами в трудоустройстве из-за состояния их слуха даже в тех случаях, когда они могли квалифицированно осуществлять рабочие функции. При этом, несмотря на предубеждения общества, глухие люди успешно работают на сложных работах: бухгалтерами, экономистами, видеооператорами, актерами, журналистами, преподавателями, слесарями, столярами, токарями. Они считают, что такое отношение к ним связано как с неумением работодателей выстраивать соответствующую коммуникацию, так и с имеющимися место стереотипами. В этой ситуации многие из глухих не умеют и не стремятся «показать» себя и часто «идут по пути наименьшего сопротивления» — устраиваются на работу в те места, где уже работают люди с нару-

шениями слуха. Часто эта работа не соответствует их квалификации или вовсе носит неквалифицированный характер.

Более 40% глухих и слабослышащих в Москве говорят о том, что лично сталкивались с предвзятым или негативным отношением на рабочем месте, — их нередко назначают на низкие должности, за тот же объем работы платят меньше, чем слышащим, их увольняют первыми. Люди с нарушениями слуха упоминали и о случаях намеренного мошенничества по отношению к ним.

При этом глухие и слабослышащие отмечают, что в качестве работников они обладают своими плюсами, например, не разговаривают на рабочем месте, не отвлекаются, в большей степени концентрируются на своей работе, могут быть хорошими работниками, особенно в тех сферах, где особенно важны зрение и «золотые» руки. Они отмечают, что развитие Интернета, социальных сетей и распространение смартфонов позволяет в большинстве случаев выстроить такую модель взаимодействия между ними и их руководством, которая не потребует прямого использования устной речи.

Они отдельно отмечают необходимость снятия искусственного ограничений для работы глухих и слабослышащих, например в сфере работы на станках, которая была, можно сказать, типичной для них в советское время.

Обсуждая сферу личного общения, больше половины людей с нарушениями слуха отметило, что обычно общаются с такими же людьми, как они. Лишь около трети отметили, что у них нет слышащих друзей, хотя есть знакомые. При этом предубеждение людей с нарушениями слуха имеет не

менее сильный характер, чем стереотипы слышащих по отношению к ним самим: *«Говорящих друзей нет — смысла нет. Все друзья глухие. Это моя жизнь, это мой мир, а мир говорящих — нет»*. Аналогичным образом отношения между мужчиной и женщиной не выходят за пределы среды глухих и слабослышащих. При этом глухим в значительной мере свойственно развивать отношения с глухими, а слабослышащими — со слабослышащими. Отвечая на вопрос об отношениях с противоположным полом, более половины глухих и слабослышащих сказали о том, что строили отношения только с себе подобными. Что касается вопроса брака, лишь примерно треть глухих и слабослышащих сказала о том, что готова рассматривать в качестве партнера слышащего человека, да и то только в случае владения им жестовым языком.

Так же, как и в мире полноценно слышащих, часть глухих активно участвует в общественной работе, а часть ее избегает. Большинство глухих и слабослышащих являются патриотами России. Несмотря на то что многие из них бывали в других странах и знают о материальном благополучии людей с потерей слуха в некоторых из них, подавляющее большинство опрошенных людей с нарушениями слуха сказало о том, что не покинет свою родину, даже если им предложат.

Более 70% глухих и слабослышащих также уверено в том, что гражданское общество, различные общественные и благотворительные организации не оказывают им никакой помощи. При этом практически все глухие и слабослышащие говорят о важной роли Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское

общество глухих» (ВОГ). Более 60% опрошенных для этой книги глухих и слабослышащих говорили о том, что они лично пользовались той или иной поддержкой ВОГ.

Кроме Всероссийского общества глухих, люди с нарушениями слуха выделяют Русскую Православную Церковь. По их мнению, она является одной из немногих негосударственных структур, которая системно им помогает. Русская Православная Церковь свидетельствует, что никакое психическое и физическое заболевание не умаляет достоинства человека, а всякий человек является носителем образа Божия. Она специально обращает внимание на то, что глухие и слабослышащие особо нуждаются в христианском милосердии и заботе, помощи в социальной интеграции и реабилитации. Для координации работы по помощи людям с нарушениями слуха в 2014 году по благословению Святейшего Патриарха Кирилла при Синодальном отделе по благотворительности был создан Координационный центр по работе с глухими, слепоглухими и слабослышащими. На постоянной основе работа с глухими и слабослышащими ведется в 62 приходах Русской Православной Церкви на территории России, а ряд священников и диаконов специально изучили жестовый язык.

Практически единогласно глухие и слабослышащие выступают против концепции «инклюзивного образования», когда ребенок-инвалид в целях лучшей социализации обучается вместе со всеми детьми «на равных условиях» в обычных общеобразовательных учебных заведениях (детские сады, школы и пр.). С идеальной точки зрения данная система должна помогать ребен-

ку с нарушениями адаптироваться к реальному миру и помогает учителям, воспитателям, одноклассникам научиться жить рядом с инвалидами. По мнению большинства людей с нарушениями слуха, внедрение этой системы нуждается как в значительно большей степени готовности общества, так и в серьезной подготовке учителей, воспитателей и так называемых тьюторов — специалистов, помогающих ребенку-инвалиду усваивать знания наряду со всеми. По их мнению, в случае отсутствия в современных детских садах и школах большого количества подготовленных специалистов такого рода возникает целый ряд серьезных негативных последствий: рост неуспеваемости глухих и слабослышащих детей, снижение темпов обучения всего коллектива (группы в детском саду, школьного класса), резкое возрастание напряженности и неприятие ребенка с нарушениями слуха как педагогами, так и родителями учеников. Глухие и слабослышащие отмечают, что одновременно с процессом внедрения инклюзивного образования в стране наблюдается сокращение числа специальных коррекционных учреждений. Большинство из них полагают, что в условиях невозможности полноценной реализации концепции инклюзивного образования такого рода сокращения — преждевременная и радикальная мера, которая приведет к серьезному ухудшению условий жизни глухих и слабослышащих.

Люди с проблемами слуха описывают целый ряд бытовых ситуаций, которые, как минимум, являются для них некомфортными и, как максимум, создают значительные проблемы. Особенно остро

ими воспринимаются случаи отказа от общения или негативного отношения к ним со стороны врачей, продавцов, полицейских, работников банков, нотариусов и представителей других профессий, с которыми им приходится сталкиваться. Например, около трети глухих и слабослышащих в Москве говорят о случаях негативного отношения к ним со стороны медицинских работников. При этом около половины отмечает, что передвигаться по городу стало намного легче, т. к. общественные транспортные средства (метро, автобус, троллейбус, трамвай) все больше оснащаются информационными табло, на вокзалах и в аэропортах появились информационные терминалы, кроме того, благодаря Интернету, можно выстроить маршрут проезда и т. д.

Большинство глав этой книги содержит раздел «Как улучшить жизнь глухих и слабослышащих» — в нем приведены детализированные и конкретные меры, сформулированные самими людьми с нарушениями слуха. Однако одной из главных, если не самой главной проблемой, для них является непонимание и негативное отношение со стороны общества. Около 60% опрошенных для этой книги глухих и слабослышащих Москвы заявило о том, что общество их не понимает, а часто относится с подозрением и неприязнью. Более 40% сказали о том, что регулярно сталкиваются с негативным отношением окружающих к себе лично: *«Нам это обидно, неприятно. Вроде бы я ненормальная. Слышащие не понимают, что мы просто глухие. Я хочу, чтобы все в мире знали, кто такие глухие. Это просто люди, которые не слышат и разговаривают руками»*. Это говорит о том, что

негативное отношение к ним является на данный момент доминирующим.

Глухие и слабослышащие считают, что для преодоления этих предрассудков необходимо информирование общества об их жизни и способах коммуникации с ними: *«Нужно разъяснить, что глухие тоже люди. Мы не плохие, не наркоманы, не воры, и было бы замечательно, если бы общество убрало все эти стереотипы. Это было бы очень серьезной победой».*

Примечания

¹ Согласно принятой классификации Л. В. Неймана, люди с нарушениями слуха делятся в зависимости от средней величины потери слуха на слабослышащих и глухих. В России условным критерием различия является граница в 85 дБ (как среднее значение показателей на трех речевых частотах: 500, 1000 и 2000 Гц). В отличие от глухих, слабослышащие — люди, не лишенные потенциальной возможности естественного освоения речи, но осваиваемая при сниженном слухе вербальная форма общения обычно имеет специфику, требующую коррекции в процессе обучения. Выделяется также группа позднооглохших глухих — детей, потерявших слух после того, как речь уже была сформирована. Без специальной помощи их способность к речи неминуемо начинает разрушаться.

² В основу этой книги положены более 160 проведенных экспертами «Фонда исследования проблем демократии» глубинных интервью различных по возрасту, профессии, образованию и полу глухих и слабослышащих Москвы. В дальнейшем в книге под глухими будут пониматься как глухие, так и слабослышащие. Только в случае существенных различий тех или иных особенностей их жизни описание будет приводиться отдельно для глухих и отдельно для слабослышащих. В тех случаях, когда в книге приводятся количественные оценки, например «более половины глухих», это предполагает данные, полученные на основе проведенного для этой книги опроса глухих и слабослышащих, при этом результаты опроса правомерно обобщать на всех глухих и слабослышащих. В книге представлены мнения как самих глухих и слабослыша-

щих, так и экспертов в этой сфере. В целом ряде случаев эксперты также являются глухими или слабослышащими, однако для того, чтобы подчеркнуть экспертный статус их суждений, они представлены в тексте как эксперты. В книге также используется ряд сокращений, таких как ВОГ — Всероссийская организация глухих, ИПР — «индивидуальная программа реабилитации», в соответствии с которой за счет бюджета России глухим и слабослышащим бесплатно предоставляются сурдопереводчики. Говоря о сурдопереводчиках, осуществляющих перевод на жестовый язык, глухие и слабослышащие, как правило, употребляют слово «переводчик». В ряде случаев под переводчиком глухие и слабослышащие могут понимать и тех волонтеров, например в школах или вузах, которые слушают речь и пишут ее расшифровку для них на бумаге.

³ Авторы выражают благодарность Национальному благотворительному фонду, который в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 1 апреля 2015 года №79-рп выделил средства гранта для реализации социально значимого проекта. Поддержанный фондом проект послужил отправной точкой и стал основой для проведения использованных в данной книге интервью.

⁴ «ИПР» — индивидуальная программа реабилитации, в соответствии с которой за счет бюджета России глухим и слабослышащим бесплатно предоставляются сурдопереводчики.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторах	3
Предисловие.....	5
Введение.....	11

Пять историй жизни глухих и слабослышащих.....	13
---	-----------

Дошкольное детство глухих и слабослышащих.....	21
---	-----------

Появление на свет глухого ребенка 21

Взаимоотношения с родителями..... 30

Важность знания языка жестов родителями... 36

Взаимоотношения со слышащими детьми ... 46

Взаимоотношения со слышащими
взрослыми..... 59

Глухие и слабослышащие дети
и детский сад 62

Как улучшить жизнь глухих
и слабослышащих в дошкольном детстве 76

Школьное детство глухих и слабослышащих.....	92
---	-----------

Процесс обучения: массовые,
коррекционные и специальные школы 92

Внешкольная жизнь — кружки и секции.....	111
Общение между глухими и слышащими в школьном возрасте	116
Как улучшить жизнь глухих и слабослышащих в школьный период жизни.....	121
Глухие и слабослышащие в высшем/ среднем специальном учебном заведении	138
Выбор вуза, проблемы при поступлении и в учебе	138
Процесс обучения, взаимоотношения с преподавателями и другими студентами.....	150
Как улучшить жизнь глухих и слабослышащих в период обучения в вузе.....	163
Глухие и слабослышащие: работа, профессиональный путь	174
Проблемы в трудоустройстве.....	174
О предвзятом отношении к глухим и слабослышащим на рабочем месте	192
Как улучшить профессиональную жизнь глухих и слабослышащих.....	202
Личная и общественная жизнь глухих и слабослышащих.....	215
Дружеские отношения.....	215
Отношения мужчины и женщины, заключение брака	220
Досуг и общественная жизнь глухих и слабослышащих	233

Глухие и слабослышащие — недостаток помощи со стороны гражданского общества, роль ВОГ и Русской Православной Церкви	250
Люди с нарушениями слуха и общество	262
Отношение общества к глухим и слабослышащим	262
Бытовые проблемы глухих и слабослышащих	273
Как улучшить бытовую жизнь глухих и слабослышащих	290
Просвещение и информирование общества о глухих и слабослышащих	301
Заключение.....	305
Примечания	315